

ДОБРОЕ СЛОВО.

ВТОРОЙ ГОДЪ ОБУЧЕНІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

примѣненная къ потребностямъ сельскихъ народныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ школъ.

СОСТАВИЛЪ
Г. М. Дьяченко.

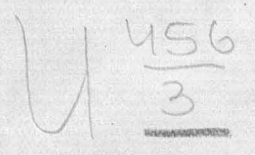
ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ВНОВЬ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 45 коп.

Учен. Ком. М. Н. Пр. и у...
щена въ качествѣ книги для класснаго чтенія въ на-
родн. училищахъ и церковно-приходскихъ школахъ.

МОСКВА.
Изданіе книжнаго магазина В.В. Думнова, подъ фирмою «Насл. бр. Салаевыхъ».
1890.

ДОБРОЕ СЛОВО.

ВТОРОЙ ГОДЪ ОБУЧЕНІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

примѣненная къ потребностямъ сельскихъ народныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ школъ.

СОСТАВИЛЪ
Г. М. Дьяченко.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ВНОВЬ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА.
Изданіе книжнаго магазина В.В. Думнова, подъ фирмою «Насл. бр. Салаевыхъ».
1890.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Февраля 6 дня 1890 года.

Цензоръ Протоіерей *Симеонъ Вишняковъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Содержаніе, характеръ и планъ «Добраго Слова», какъ книги для класснаго чтенія, примѣненной къ потребностямъ народной школы, мы уже выяснили въ предисловіи къ первой нашей книжкѣ («Доброе Слово» — первый годъ обученія). Въ дополненіе къ сказанному мы считаемъ необходимымъ присовокупить слѣдующее:

1. Въ составъ второй части «Добраго Слова», равно какъ первой и третьей, помимо разнаго рода прозаическихъ и поэтическихъ произведеній, вошла большая часть тѣхъ образцовъ, кои указаны «Учебными Планами» Министерства Народнаго Просвѣщенія. Только тѣ изъ образцовыхъ произведеній нашей литературы, указанныхъ въ означенныхъ «Планахъ», не могли найти себѣ мѣста въ нашей книгѣ для класснаго чтенія, которыя недоступны ни по своей формѣ, ни по своему содержанію для учениковъ народныхъ школъ.

2. Внося въ содержаніе «Добраго Слова» образцовыя поэтическія и прозаическія произведенія, мы не позволили себѣ дѣлать какое-либо сокращеніе въ нихъ или пересказъ ихъ своими словами. Выбравъ или цѣлое произведеніе, или отрывокъ его, представляющій нѣчто законченное—цѣлое и вполнѣ отвѣчающее намѣченной нами цѣли при составленіи книги для класснаго чтенія въ народныхъ школахъ, мы позволили себѣ только сдѣлать къ нему необходимыя подстрочныя примѣчанія и помѣстить его въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ даннаго отдѣла. Только къ произведеніямъ (число коихъ весьма ограниченно), которыя не принадлежатъ перу образцовыхъ писателей, хотя по своему содержанію и формѣ вполнѣ пригодны для помѣщенія въ книгѣ, предназначенной для чтенія въ народныхъ училищахъ и церковно-приходскихъ школахъ, мы дозволили себѣ вполнѣ свободно относиться и дѣлали необходимыя въ нихъ сокращенія, измѣненія формы и т. под., что вызывалось педагогическими соображеніями и что, однакожъ, не противорѣчило содержанію и направленію обработываемой статьи.

3. Выбирая образцовыя произведенія или отрывки изъ нихъ, принадлежащіе поэтамъ и писателямъ какъ до-Пушкинскаго, такъ и послѣ-Пушкинскаго періода, мы старались главнымъ образомъ о томъ, чтобы они, помимо своего образовательнаго и воспитательнаго характера, вполнѣ пригодны были для ознакомленія учениковъ народной школы со всѣмъ богатствомъ, разнообразіемъ и красотами отечественной рѣчи со стороны ея художественнаго (разумѣемъ всѣ виды словесныхъ произведеній), логическаго, стилистическаго и грамматическаго построенія. Само собой разумѣется, что доступность и примѣнимость избираемыхъ образцовъ для того школьнаго возраста, для котораго предназначены наши книги для чтенія, имѣлись въ виду прежде всего.

4. Если мы въ нашихъ книгахъ для класснаго чтенія даемъ нѣкоторыя свѣдѣнія по географіи, естественной исторіи, русской и церковной исторіи и т. д., то вовсе не съ цѣлію придать нашей книгѣ характеръ какой-то школьной энциклопедіи, что и недостижимо и не педагогично. Наша цѣль въ этомъ случаѣ та, чтобы сообщеніемъ ученику народной школы этихъ немногихъ свѣдѣній при помощи статей, отличающихся образцовымъ изложеніемъ, съ одной стороны обогатить его *рѣчь* и поставить его въ возможность къ дальнѣйшему *самообразованію* и чтенію книгъ историческихъ, духовныхъ, по земледѣлію, естествознанію и т. п. областямъ знаній, а съ другой—затронуть и развить въ немъ *любовь* къ знанію и просвѣщенію вообще.

5. Наконецъ, во устраненіе могущихъ возникнуть недоразумѣній, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ относительно названій отдѣ-

ловъ, принятыхъ въ «Добромъ Словѣ». Мы не желали расположить собранный и обработанный нами матеріалъ изъ сокровищницы нашей свѣтской и духовной литературы такъ, какъ это сдѣлано въ большинствѣ книгъ для дѣтскаго чтенія, гдѣ обыкновенно встрѣчаются отдѣлы: разсказы, стихотворенія, сказки, басни, описанія и т. п. Мы убѣждены, что такое расположеніе учебнаго матеріала въ книгѣ для дѣтскаго чтенія болѣе чѣмъ неумѣстно; оно является чисто случайнымъ и не оправдывается никакими вѣскими соображеніями. Статьи и стихотворенія при такой системѣ ихъ расположенія (т. е. случайнаго совпаденія *по формѣ*, при чемъ по содержанію они часто не имѣютъ ничего общаго) являются разбросанными безъ всякаго порядка по всей книгѣ. Мы старались устранить это неудобство. Всѣ прозаическія и поэтическія статьи не являются у насъ разбросанными по цѣлой книгѣ безъ опредѣленнаго порядка, но строго распредѣлены въ надлежащіе отдѣлы и поставлены каждая по возможности на своемъ мѣстѣ. Мы руководились при этомъ тою мыслію, что статьи и стихотворенія, расположенныя безъ опредѣленнаго плана и системы, не могутъ произвести того *впечатлѣнія* на умъ и воображеніе дѣтей, какое они безъ сомнѣнія произведутъ, будучи сгруппированы въ одномъ отдѣлѣ. Къ тому же такая группировка однородныхъ по содержанію статей значительно облегчаетъ дѣятельность еще мало развитой въ дѣтяхъ школьнаго возраста той духовной способности, благодаря которой представленія, получаемыя въ разное время объ одномъ и томъ же предметѣ, объединяются и обобщаются въ одно общее представленіе — понятіе. Напримѣръ: статьи, вошедшія въ отдѣлы: человѣкъ, міръ Божій, родина и т. д. встрѣчаются только въ этихъ отдѣлахъ и больше нигдѣ. И мы надѣемся, что рядъ этихъ однородныхъ по содержанію статей въ концѣ концовъ произведетъ въ душѣ то настроеніе и сообщитъ ей тотъ кругъ понятій, которыя мы имѣли въ виду, обработывая планъ книгъ и распредѣляя весь назначенный для чтенія матеріалъ въ извѣстныя группы—отдѣлы. Къ этому считаемъ необходимымъ добавить, что распредѣленіе статей по содержанію отнюдь не препятствовало намъ соблюсти педагогическій законъ: «отъ легкаго къ трудному, отъ простого къ сложному». Мы сначала (Д. Сл. г. I) помѣщаемъ самые простые и краткіе разсказы и стихотворенія, а потомъ (Д. Сл. г. II) постепенно переходимъ къ болѣе сложнымъ и длиннымъ; далѣе встрѣчаются описанія, сравненія и т. п. образцы почти всѣхъ словесныхъ произведеній.

Конечно, мы могли назвать свои отдѣлы иначе. Напримѣръ вмѣсто названій: человѣкъ (1-й отдѣлъ), міръ Божій (2-й отдѣлъ), родина (3-й отдѣлъ), церковь (4-й отдѣлъ), мы могли бы принять такое наименованіе отдѣловъ: обще-литературный (человѣкъ), естественно-научный (міръ Божій), историко-географическій (родина), духовно нравственный и церковно-историческій (церковь). Но мы этого потому не сдѣлали, что наши названія, совершенно *тожественныя по смыслу* означеннымъ, точнѣе и опредѣленнѣе указываютъ на существенное содержаніе статей каждаго отдѣла; впрочемъ, дѣло не въ названіи, а въ дѣлѣ [1]).

Составитель.

Москва. 1890 г. 30 января.

---

[1]) Здѣсь же, хотя подъ строкой, не излишне сказать, что басни нами отнесены къ первому отдѣлу (человѣкъ), потому что, хотя въ нихъ выведены животныя, но *всякому* извѣстно, что подъ ними и ихъ рѣчами нужно разумѣть человѣка, его заблужденія, недостатки и пороки. — Пословицы же о животныхъ отнесли къ отдѣлу: міръ Божій (гдѣ между прочимъ говорится о животныхъ) единственно потому, что въ нихъ рѣчь *только* о животныхъ, а отнюдь не о человѣкѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ третій.

Родина.

Отдѣлъ четвертый.

Церковь.

Отдѣлъ пятый.

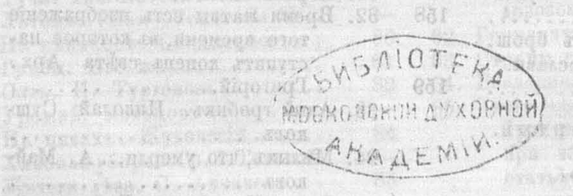
Церковно-славянское чтеніе.

2. Праздники Господніе и Богородичные.

3. Псалмы.

Приложеніе.

Письменныя упражненія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

1. Поле и школа.

Люди пашутъ поле, зерномъ посыпаютъ: дѣти ходятъ въ школу слово Божье слушать. Зернышко ложится въ мягкую землицу: слово Божье входитъ въ души молодыя. Дождемъ землю смочитъ, солнышкомъ пригрѣетъ: умнымъ словомъ, лаской душу согрѣваютъ. Подъ землей, въ потемкахъ, не улежатъ зерна: не загинетъ въ сердцѣ доброе ученье. Выглянутъ посѣвы яриной зеленой: скажется ученье умными рѣчами. Поле обольется жатвой золотистой: взойдетъ Божье слово добрыми дѣлами. Господи, пошли намъ въ пору дождь и ведро! Отче, возрасти въ насъ сѣмена благія! *(Изъ «Р. Сл.»).*

2. Счастливая находка.

I. Въ одномъ городѣ купецъ потерялъ кошелекъ съ сотнею золотыхъ монетъ. О своей потерѣ онъ сдѣлалъ въ газетахъ объявленіе и обѣщалъ нашедшему кошелекъ съ деньгами выдать половину находки въ награду. Черезъ нѣсколько дней явился къ

купцу солдатъ, который принесъ найденный имъ кошелекъ съ деньгами и сталъ требовать обѣщанной награды. Купецъ же, желая отдѣлаться отъ уплаты вознагражденія, сталъ увѣрять солдата, что въ кошелькѣ, кромѣ сотни монетъ, находился еще драгоцѣнный камень и что солдатъ для полученія обѣщанной награды обязанъ ему возвратить и камень. Солдатъ увѣрялъ, что, напротивъ, камня въ кошелькѣ не было. Дѣло дошло до судьи.

II. Выслушавъ обѣ стороны, судья постановилъ слѣдующій приговоръ: «Такъ какъ купецъ утверждаетъ, что въ потерянномъ имъ кошелькѣ кромѣ сотни золотыхъ монетъ находился еще драгоцѣнный камень, солдатъ же говоритъ, что камня въ найденномъ кошелькѣ не было, то ясно, что солдатъ нашелъ не тотъ кошелекъ, который былъ потерянъ купцомъ. А потому купецъ долженъ сдѣлать новое объявленіе о потерѣ кошелька съ деньгами и съ драгоцѣннымъ камнемъ; солдатъ же обязанъ въ теченіе 40 дней хранить найденный имъ кошелекъ съ деньгами. Если же въ теченіе этого срока не явится къ солдату хозяинъ кошелька, то находка должна вполнѣ принадлежать солдату».

Такъ былъ наказанъ жадный и неблагодарный купецъ.

3. Капустные листья.

I. Одна мать насадила въ своемъ огородѣ разныхъ овощей. Однажды она сказала своей дочери: «Посмотри, Лиза: видишь эти желтоватыя крупинки на капустномъ листѣ? Это—яйца гусеницъ, которыми ты часто любуешься и изъ которыхъ выходятъ такія бабочки, какъ вонъ та, что летаетъ тамъ,—видишь? Гусеницы эти очень вредны для капусты, и сегодня послѣ обѣда ты осмотришь всѣ листья и раздавишь на нихъ яйца. Тогда капуста будетъ цѣла и зелена».

Лиза подумала, что еще успѣетъ этимъ заняться, и скоро объ этомъ дѣлѣ позабыла вовсе.

II. Мать заболѣла и нѣсколько недѣль не выходила изъ дому. Когда же она выздоровѣла, то взяла Лизу за руку и повела къ капустѣ. Что же увидѣла Лиза? Капуста была до-чиста съѣдена гусеницами! Однѣ кочарыжки торчали изъ земли. Смущенная и огорченная Лиза принялась плакать. Тогда мать сказала: «это тебѣ урокъ: *никогда не откладывай на завтра, что можешь сдѣлать сегодня.* Еще иному можетъ тебя научить этотъ случай: *всякое зло и вредъ легко уничтожить вначалѣ; если же оно возьметъ верхъ, то съ нимъ не сладишь*».

4. Самоиспытаніе.

I. У одного благочестиваго отца былъ дурной сынъ, который, несмотря на всѣ отеческія увѣщанія, проводилъ время въ обществѣ безнравственныхъ товарищей и предавался всей необузданности страстей своихъ. Такимъ образомъ сердце его постоянно становилось испорченнѣе, и все доброе въ немъ, казалось, исчезло. Несчастный отецъ скорбѣлъ втайнѣ о развращенной жизни сына и—молился.

По прошествіи нѣкотораго времени отецъ сильно занемогъ и, чувствуя приближеніе смерти, призвалъ къ себѣ своего сына. Когда сынъ явился къ постели умирающаго отца, онъ сказалъ ему: «не бойся, сынъ мой, не думай, что я буду дѣлать тебѣ теперь упреки за твое поведеніе. Вотъ я умираю и оставляю тебя наслѣдникомъ всего моего имущества; за это исполни ты послѣднюю мою просьбу; ее легко исполнить, и потому ты непремѣнно долженъ обѣщать мнѣ это и сдержать свое обѣщаніе».

II. Сынъ изъявилъ полную готовность исполнить волю своего отца, если только это для него возможно. Тогда умирающій отецъ сказалъ: «обѣщай мнѣ, сынъ мой, что ты, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, по смерти моей, каждый вечеръ будешь приходить въ эту комнату и полчаса оставаться въ ней въ уединеніи».

Сынъ обѣщалъ;—тогда отецъ благословилъ его и вскорѣ потомъ умеръ. Сынъ, похоронивши отца, возвратился къ своимъ товарищамъ и жилъ попрежнему, предаваясь всякаго рода удовольствіямъ. Но какъ скоро наступалъ вечеръ, ему приходило на память его обѣщаніе, и образъ умирающаго отца убѣждалъ его сдержать обѣщаніе. Сначала было ему трудно быть одному въ комнатѣ; ему казалось это скучнымъ, и какой-то страхъ обнималъ его. Но онъ преодолѣлъ себя ради даннаго обѣщанія и думалъ, что два мѣсяца пройдутъ скоро.

Но тутъ-то открылись у него глаза на его поведеніе: совѣсть его заговорила, и страхъ Божій объялъ душу его; онъ пришелъ въ самого себя, увидѣлъ пропасть, къ которой вела его порочная жизнь, началъ плакать и сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

(Изъ Круммахера).

5. Пастухъ.

I. Мальчикъ—пастухъ пасъ въ полѣ корову подлѣ одного сада. Взглянувши вверхъ на вишневое дерево, замѣтилъ онъ

висѣвшія на немъ спѣлыя, темно-красныя вишни, и ему захотѣлось сорвать ихъ; онъ оставилъ корову и взлѣзъ на дерево.

II. Животное, оставленное безъ надзора, бродивши по полю, пробралось и въ садъ, и отчасти поѣло, а отчасти потоптало въ немъ цвѣты и огородную зелень. Мальчикъ, увидѣвши это, пришелъ внѣ себя отъ гнѣва, соскочилъ съ дерева, побѣжалъ въ садъ, нагналъ корову и сталъ бить ее самымъ жестокимъ образомъ.

III. Между тѣмъ, отецъ, видѣвшій все происходившее, подошелъ къ мальчику, взглянулъ на него сердито и спросилъ: кому слѣдуетъ это наказаніе — тебѣ ли, или животному, которое не знаетъ, что худо и что хорошо? Меньше ли ты увлекся своимъ пожеланіемъ, нежели животное, которымъ ты долженъ былъ управлять? и ты такъ жестокосердно поступаешь, забывая свой разсудокъ и свой собственный проступокъ?—Мальчику очень стыдно стало предъ отцомъ; онъ смутился и покраснѣлъ отъ стыда.

(Изъ Круммахера).

6. Раскаяніе.

I. Отецъ своими руками насадилъ цѣлый рядъ плодовыхъ деревьевъ лучшей породы. Онъ очень обрадовался, когда черезъ три или четыре года показались на нихъ первые плоды; хотя, какъ обыкновенно на молодыхъ деревьяхъ, этихъ плодовъ было немного, но отцу очень хотѣлось попробовать, каковы они будутъ на вкусъ.

Плоды еще не созрѣли, когда въ садъ забрался сынъ сосѣда, мальчикъ шаловливый и злой. Онъ подговорилъ хозяйскаго сына, который былъ моложе его, и они вдвоемъ такъ усердно похлопотали около маленькихъ деревьевъ, что на нихъ остались одни листья. Пришелъ хозяинъ сада и, взглянувъ на опустѣвшія деревья, очень огорчился. «Безсовѣстныя дѣти», сказалъ онъ, «вы лишили меня удовольствія, котораго я такъ долго ожидалъ!» Эти слова, сказанныя безъ гнѣва, но съ горестью, глубоко запали въ сердце хозяйскаго сына. Онъ побѣжалъ къ своему злому сосѣду и сказалъ ему:

— Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ огорчился батюшка, когда увидалъ, что мы надѣлали! Теперь у меня не будетъ ни минуты покоя. Батюшка не будетъ любить меня больше, какъ прежде; но навѣрное накажетъ презрѣніемъ, которое я вполнѣ заслужилъ.

— Глупъ, братъ, ты, какъ я вижу! отвѣчалъ ему сынъ сосѣда: почемъ же узнаетъ твой отецъ, кто это сдѣлалъ? Ты только смотри, самъ не проговорись.

Но когда Володя (такъ звали хозяйскаго сына) возвратился домой и увидѣлъ, что отецъ его встрѣчаетъ по-прежнему дружески, то въ сердцѣ у него что-то кольнуло, и онъ почувствовалъ, что самъ не можетъ подбѣжать къ отцу съ прежнею радостію.

Какъ же мнѣ, подумалъ онъ, смотрѣть весело на того, кого я такъ огорчилъ. О, нѣтъ! Я не могу по-прежнему веселиться. Что-то давитъ мнѣ сердце.

II. Черезъ нѣсколько времени отецъ пошелъ съ дѣтьми въ садъ и далъ каждому изъ нихъ по нѣскольку прекрасныхъ плодовъ, въ томъ числѣ и Володѣ. Дѣти прыгали весело и ѣли; но Володя закрылъ лицо руками и горько заплакалъ.

— «Что съ тобою, дитя мое? о чемъ ты плачешь?» спросилъ его заботливо отецъ. Володя не могъ выдержать болѣе душевной муки и, рыдая, сказалъ отцу: «Ахъ! я не стою того, чтобы ты называлъ меня своимъ сыномъ, и не могу переносить болѣе, что ты считаешь меня добрымъ мальчикомъ, когда я сдѣлалъ такое злое дѣло. Батюшка, милый батюшка! не ласкай меня больше; не дари мнѣ ничего; накажи меня, чтобы я могъ къ тебѣ опять приходить спокойно; избавь меня отъ мученій, которыя чувствую. Накажи меня за мой безсовѣстный поступокъ, потому что я... я обобралъ молодыя деревья!» Услышавъ это, отецъ взялъ сына за руку, ласково привлекъ его къ себѣ, обнялъ и сказалъ: «я прощаю тебя, дитя мое, и дай Богъ, чтобы тебѣ не пришлось въ другой разъ что-нибудь скрывать отъ меня: тогда мнѣ не будетъ жаль моихъ яблокъ».

(Изъ «Дѣтскаго міра» Ушинскаго).

7. Степанъ Ворошилинъ.

I. Въ одномъ изъ удѣльныхъ имѣній *) Симбирской губерніи жило семейство Ворошилиныхъ. Они были крестьяне зажиточные и работящіе; у отца пятеро сыновей на возрастѣ, всѣ погодки **), да еще двѣ, либо три дочери. Жили они мирно, спокойно. Богъ благословилъ труды работящихъ сыновей и заботы старика отца: не знали они ни горя, ни печали, какъ вдругъ сказанъ былъ рекрутскій наборъ: Ворошилинымъ, какъ пятерикамъ, не миновать очереди; молодые ребята стали призадумываться, а дѣвки да бабы принялись плакать.

*) Удѣльныя имѣнія—царскаго дома, не помѣщичьи.

**) Погодки—одинъ старше другого на годъ.

II. Глядя на это, старикъ созвалъ въ воскресенье послѣ обѣдни всѣхъ сыновей и сталъ имъ говорить слѣдующее:

— Вотъ, дѣти, государь требуетъ съ насъ солдата; дѣлать нечего: не итти же одинокому, не итти и двойникамъ, либо тройникамъ, не обижать изъ-за насъ другихъ, а итти, видно, комунибудь изъ васъ. Не тужите: свѣтъ не клиномъ сошелся; не только свѣту, что въ окнѣ; доброму человѣку вездѣ житье будетъ: что тутъ, что тамъ; тутъ работали на себя, да на царское подушное, *) не на боку же лежали; а тамъ послужите на государя: за то кормить станетъ. Коли солдатъ мой живъ будетъ, такъ, дастъ Богъ, милость царскую заслужитъ: вы всѣ ребята добрые; а коли кости его закопаютъ,—и на это власть Господня; Онъ же и смилуется надъ нимъ. А кто пойдетъ, ужъ тому меня, старика, не видать больше: надо проститься; я и то чужой вѣкъ заживаю; пора и честь знать. Живите вы дружно, мирно, чтобъ ни попреку, ни поклепу у васъ не было; чтобъ помощь была отъ брата брату; чтобъ другъ за друга Богу молились, хоть врозь, хоть вмѣстѣ жить будете; уважайте начальство, какое у кого будетъ, и повинуйтесь ему; уважайте старшаго по мнѣ, чтите братъ брата. Ну, кто же изъ васъ идетъ?

Младшій сынъ Степанъ за словомъ повалился въ ноги отцу и просилъ благословенія.

— Два старшіе брата у меня женатые, сказалъ онъ: третій уже засваталъ невѣсту, а четвертый, Григорій, слабъ, на службу не годится: я иду.

III. Прошло времени годовъ 20 слишкомъ; старикъ Ворошилинъ давно въ землѣ, сыновья его посѣдѣли, выростили каждый полонъ домъ дѣтей; благословилъ Богъ и ихъ достаткомъ, нужды не знаютъ; хозяекъ набрали хорошихъ и живутъ безъ горя; но о Степанѣ и слуху нѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ проходившій отставной солдатъ одного съ нимъ полка сказывалъ, что живъ онъ и здоровъ и начальство его любитъ. Вѣсть эта пришла еще при жизни отца, и ей онъ порадовался; а съ тѣхъ поръ ничего о Степанѣ не слышно.

IV. Около Покрова, когда старшій братъ Ворошилинъ уже собирался отдавать замужъ дочь и зазвалъ на вечеръ въ избу свою сватовъ и сватей **) жениха, постучался кто-то въ ворота; а какъ не скоро пошли отпирать (не до того было), то онъ стук-

*) Подушное—подать съ души, т. е. съ человѣка.

**) Сваты и сватьи—родственники и родственницы жениха.

нулъ посохомъ своимъ и въ окошко. Побѣжала дѣвочка хозяйская, отперла калитку и, прибѣжавъ опять, сказала отцу, что де служивый пришелъ, просится на ночлегъ. «Зови его сюда на радость», сказалъ Ворошилинъ, «коли Богъ посылаетъ гостя на праздникъ мой, такъ не отказывать же ему. У меня же и братъ Степанъ былъ когда то служивымъ, помяни его Господь въ царствіи своемъ; чай, померъ давно»; и перекрестился.

V. Входитъ служивый, изъ себя еще молодецъ, болѣе сорока годовъ не будетъ, и видный такой, что хоть куда. Помолился, поздоровался, поблагодарилъ, что пустили, свалилъ съ плечъ котомку, да и сталъ среди избы и глядитъ на людей: который де изъ нихъ кто? кого узнаю? Смотрѣлъ долго, и они на него глядятъ; да и спросилъ: а что, братья мои любезные, помните ли вы совѣтъ отцовскій? молились ли вы за меня Богу? а я за васъ молился.

Тутъ крикъ такой пошелъ на всю избу, что никто слова чужого не разберетъ, да и самъ своего не услышитъ. Всѣ узнали Степана; кто обнимаетъ его, кто кланяется въ ноги ему, кто спереди, кто съ тылу, кто сбоку; ну, словомъ, приняли Степана, какъ выходца съ того свѣта, разспрашивали обо всемъ до самой полуночи. *(В. Даль).*

8. Нечистоплотный крестьянинъ.

I. Въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ Иванъ. Славный былъ малый, такой здоровый, краснощекій, и былъ онъ человѣкъ работящій. Одна за нимъ была бѣда: бывало придетъ въ воскресенье въ церковь Божію—волосы на немъ всклокочены, зипунъ въ грязи, рубашка черная, какъ будто сейчасъ изъ болота. Вотъ какъ выйдутъ крестьяне изъ церкви да сберутся на погостъ—о томъ, о семъ поговорить, сосѣди и спрашиваютъ Ивана: «Или ты, Иванъ, по субботамъ въ баню не ходишь?» А онъ въ отвѣтъ: нѣтъ, недосужно было... А они опять: «да что-жъ на тебѣ рубашка-то черная?»—А онъ въ отвѣтъ: говорятъ вамъ, недосужно было, родимые.

II. И все ему было недосужно. За обѣдъ бывало сядетъ—рукъ не вымоетъ, встанетъ по утру—глазъ не вытретъ; а въ домѣ-то у него грязи на полу на цѣлую четверть, а въ избѣ-то свиньи и телята, а на немъ-то самомъ вши такъ вереницею и ползаютъ. Станутъ Ивану говорить, что онъ живетъ не хорошо, а Иванъ въ отвѣтъ: «и такъ живетъ! наше дѣло крестьянское». Но не все то въ животъ, что живетъ; и съ Иваномъ эта пословица сбылась.

III. Отъ нечистоты сдѣлалась у Ивана на рукахъ короста, а по всему тѣлу чирья. Зудъ страшный! Съ тѣла спалъ, сдѣлался такой блѣдный, какъ смерть; что въ руки возьметъ, такъ изъ рукъ кровь и течетъ.—Что съ тобой? спрашивали его сосѣди. «Божій гнѣвъ», отвѣчалъ онъ сквозь слезы.—Правда, сказалъ ему въ отвѣтъ одинъ крестьянинъ: Божій гнѣвъ бываетъ на тѣхъ, которые не любятъ себя въ чистотѣ держать. Если бы ты почаще въ баню ходилъ, да чистую рубашку надѣвалъ, то у тебя бы коросты не было.—Но Иванъ все не вѣрилъ, что чистотою здоровье и у человѣка, и у скота держится. Взяли Ивана въ больницу и лѣчили, вылѣчили, свели коросту и чирья; вымыли, вычесали, бѣлую рубаху надѣли и выпустили, приговаривая: въ другой разъ будь, Иванъ, умнѣе.

IV. Но что же случилось? Сбирали работниковъ на сосѣдній красильный заводъ,—плата была хорошая; пошелъ и Иванъ на заводъ. Ну, извѣстное дѣло, на заводахъ бываетъ всякая всячина, иногда и ядовитая. Что-то Ивану дали мѣшать; онъ мѣшалъ, мѣшалъ, а потомъ, по обычаю, не умывши рукъ, схватился за хлѣбъ и ну убирать его со всѣмъ, что на хлѣбъ отъ рукъ прилипло. Какъ вдругъ поднялись у Ивана судороги въ животѣ,—туда, сюда, катался, катался, да Богу душу и отдалъ. Такъ его и жизнь скончалась.

На чистоту времени не много идетъ, а чистота здоровье даетъ. Вставши, умойся да Богу помолися; грѣхъ не мытому, нечесанному Богу молиться. Надо чаще въ баню ходить или купаться и чистое бѣлье надѣвать. Отъ того будешь чистъ, а отъ чистоты будешь здоровъ, людямъ пріятенъ и Богу угоденъ.

(*В. Даль*).

9. У кого совѣсть не чиста, тому и тѣнь кочерги—висѣлица.

I. У одного богатаго купца изъ крестьянъ было нѣсколько домовъ; всѣ эти дома онъ отдавалъ въ наймы подъ квартиры. Въ подвальномъ этажѣ одного изъ этихъ домовъ жила бѣдная вдова, солдатка, съ пятью малолѣтками, изъ которыхъ самому старшему было не болѣе семи лѣтъ, а самый маленькій былъ еще грудной. Комната, которую занимала солдатка, была темная да сырая, дверь къ ней скрипѣла, въ полу были большія дыры и щели; сквозь нихъ свободно бѣгали мыши и крысы: хлѣба положить никуда нельзя было—сейчасъ съѣдятъ. Богатый и дня не прожилъ бы въ такой квартирѣ, а нужда чего не дѣлаетъ?

Вдова по неволѣ жила въ этомъ подвалѣ—дѣваться некуда было. Она гдѣ полы вымоетъ, гдѣ бѣлье постираетъ, а гдѣ и сошьетъ что-нибудь: этимъ только и кормилась съ своими малютками и кое-какъ выплачивала хозяину полтора рубля за квартиру. Все бы это еще ничего—какъ-нибудь можно бы перебиваться, да вотъ какой грѣхъ вышелъ: у солдатки захворала одна дочка корью, а у грудного ребенка зубы стали прорѣзываться: плачутъ они день и ночь, совсѣмъ сокрушили мать; отойти нельзя, не то что работать.

II. Прошелъ мѣсяцъ. Приходитъ отъ хозяина приказчикъ за деньгами, а гдѣ ихъ взять?—«Батюшка, Аркадій Семенычъ!» проситъ вдова, «обожди ты, Христа ради, деньги; вотъ дѣтишки поправятся, примусь опять за работу,—уплачу сполна, что слѣдуетъ за квартиру».

Приказчикъ былъ такой жалостливый: «я-то обождалъ бы», говоритъ, «да ты знаешь—воля не моя—хозяйская; доложу хозяину—отсрочитъ, и слава Богу! Да только наврядъ ли онъ это сдѣлаетъ: онъ у насъ такой, Богъ съ нимъ, крутой, да скупой». Приказчикъ ушелъ, давши на прощаньи дѣтямъ пряниковъ.

III. На другой день чуть свѣтъ приходитъ въ квартиру солдатки дворникъ и гонитъ ее изъ дому: хозяинъ де нищихъ держать не хочетъ; много, говоритъ, ихъ на свѣтѣ—всѣхъ не накормишь; чтобы завтра же, говоритъ, и духу твоего въ домѣ не было». Что будешь дѣлать! Солдатка одѣла всѣхъ ребятишекъ, кромѣ больной дѣвочки, въ разное старье и пошла съ ними къ купцу—просить отсрочки. А купецъ жилъ за городомъ на дачѣ. Входитъ солдатка на дворъ; а на дворѣ собака, да такая злющая! увидала лохмотья на ребятишкахъ, да какъ бросится на нихъ! совсѣмъ было искусала,—спасибо, дворникъ вышелъ и отогналъ. Вотъ кое-какъ допустили наконецъ солдатку до купца. Выходитъ къ ней мужчина изъ себя толстый, высокій и краснолицый. Она сейчасъ бухъ—въ ноги! и дѣти за ней. «Батюшка, отецъ ты нашъ родной, Пантелей Сидорычъ!» завопила вдова, «не губи ты насъ... куда я дѣнусь сама-шеста, съ дѣтьми-то? Пообожди, родимый, деньги за квартиру! Богъ тебя наградитъ за призрѣніе сиротъ»! А дѣти со словъ матери тоненькими, жалобными голосками пищатъ: «ба-тю-шка... о-тецъ... на-гра-дитъ Го-сподь... си-ротъ»... А сами глазенки исподтишка на стѣны пялятъ: имъ, вишь, въ диковинку украшеніе-то и убранство на стѣнахъ. Такъ слезно умоляла солдатка купца подождать деньги, что самаго безчувственнаго человѣка и того тронуло бы за душу;

а нашъ купецъ и усомъ не ведетъ, да еще какъ закричитъ: «много васъ, нищихъ, по бѣлому свѣту шатается! всѣхъ пускать даромъ на квартиру, самъ безъ рубашки останешься. Сказано, чтобъ завтра же тебя здѣсь не было, такъ нечего и толковать!» И захлопнулъ дверь.

IV. На другой день ни свѣтъ, ни заря солдатка отнесла всѣ свои пожитки, какіе были у ней, къ постоялкѣ, сосѣдкѣ; у ней же оставила и больную дочку на время, а сама съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ и съ другими дѣтьми поплелась въ деревню, на родину, гдѣ и родныхъ-то у ней вовсе не было. Сынишка держится за платье матери съ одной стороны, старшая дочурка—съ другой, а меньшая держитъ за руку брата,—такъ они цѣпью и идутъ по городу, заглядывая въ окна и поджидая, не кинетъ-ли кто имъ копеечки на хлѣбъ.

V. Купецъ, между тѣмъ, сладко пообѣдавши, отправился въ садъ (дѣло было лѣтомъ)—отдохнуть въ бесѣдкѣ. Легъ, а заснуть не можетъ; чудится ему будто кто-то стонетъ: «куда намъ дѣваться, куда намъ дѣваться?» Всталъ съ постели, обошелъ кругомъ сада—нѣтъ ни души! только ручеекъ, что протекалъ по саду, журчитъ тихо, пробираясь съ камешка на камешекъ. «Что за чудо!» думаетъ купецъ. Легъ опять, закрылъ глаза и только-что забылся,—чей-то голосъ шепчетъ ему: «грѣхъ! грѣхъ! грѣхъ! Сироты! сироты! сироты!» Купецъ какъ вскочитъ!—никого нѣтъ! только ласточки на осинѣ отъ прохладнаго вѣтерка потихоньку пошевеливаются. «И чего только не почудится!» сказалъ про себя купецъ и опять легъ. Заснулъ. А день былъ такой знойный. Тучки давно ужъ ходили по небу; наконецъ онѣ сгустились и почернѣли; вдали засверкала молнія, загремѣлъ громъ, поднялась буря. А купцу чудится, будто кто-то кричитъ ему на ухо сердитымъ голосомъ: «погублю, погублю, за ребятъ погублю!» И опять: «погублю, погублю!» Ворочается купецъ и силится во снѣ какъ-нибудь себѣ уши заткнуть. Вдругъ хлынулъ дождь какъ изъ ведра. Купцу снится, будто на него мелкіе камешки съ потолка посыпались и кричатъ: «засыплемъ, засыплемъ, живого засыплемъ!» Купецъ не вынесъ,—вскочилъ съ испугу и пустился домой безъ оглядки. Прибѣгаетъ домой и сейчасъ же посылаетъ приказчика за солдаткой и наказываетъ ему, «поди: отыщи ты мнѣ ее, гдѣ хочешь, и приведи!» А самъ весь дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ.

VI. Приказчикъ пошелъ прямо къ той постоялкѣ, у которой вдова оставила свою больную дочку. Приходитъ туда и видитъ—

подъ иконами стоитъ столъ, на немъ лежитъ та дѣвочка. «А гдѣ же мать-то?» спрашиваетъ посланный.—«Пошла, вишь, въ деревню, на родину», отвѣчаетъ постоялка, «а меня попросила поводиться дня четыре съ дѣвочкой. А дѣвочка возьми, да и помри—теперь не знаю, что мнѣ и дѣлать». Приказчикъ сунулъ женщинѣ въ руку четвертакъ и побѣжалъ скорѣе къ хозяину. Приходитъ и видитъ—хозяинъ словно не въ своемъ умѣ: сидитъ и что-то все шепчетъ и крестится. Возлѣ него стоитъ и плачетъ жена и уговариваетъ его: «это тебѣ во снѣ попритчилось, батюшка Пантелей Сидорычъ: кто днемъ залѣзетъ въ садъ и станетъ камнями бросаться!» А купецъ все сидитъ и что-то шепчетъ. Лицо у него все поблѣднѣло и осунулось, глаза мутные, дикіе, волосы растрепанные. Какъ только онъ увидалъ приказчика, кинулся на него, схватилъ за воротъ и кричитъ: «говори—привелъ, аль нѣтъ?» Когда тотъ разсказалъ, гдѣ теперь солдатка и чтò сталось съ ея дочкой, купецъ какъ захохочетъ, да какъ закричитъ не своимъ голосомъ: «ай-ай-ай, убьютъ, убьютъ!» Тутъ домашніе догадались, что онъ совсѣмъ рехнулся, и послали за лѣкаремъ. Лѣкарь пользовалъ больного недѣли двѣ, потомъ видитъ, что ему легче нѣтъ, велѣлъ свезти его въ сумасшедшій домъ. Купецъ пробылъ тамъ мѣсяца два и померъ. Передъ смертью, немного опамятовавшись, онъ все приставалъ къ женѣ и къ прислугѣ и жалобно просилъ: «приведите вы, ради Бога, ихъ ко мнѣ, когда они придутъ». (*Изъ «Кн. для Чт.» Сердобольскаго*).

10. Чужое добро.

(Разсказъ стараго столяра).

I. У насъ на дворѣ есть столярное заведеніе. Зазвалъ я къ себѣ разъ хозяина этого заведенія по пустячному дѣлу—(шкафъ поправки потребовалъ)—и разговорились мы со старикомъ до самыхъ вечеренъ. Слово за слово, и разсказалъ мнѣ старикъ о себѣ, какъ онъ началъ свое дѣло.

— «Я, сударь, тридцатый годъ на этомъ дворѣ хозяйничаю. А попалъ-то я сюда нежданно, негаданно. Царство небесное покойному домовладѣльцу: онъ меня на ноги поставилъ. Жилъ я у подрядчиковъ въ мастерахъ, если же случалось безъ мѣста быть, ходилъ по знакомымъ господамъ починки дѣлать. «Нѣтъ-ли работы какой?» —Покойный баринъ мнѣ и далъ бюро [1]) чинить. Устроился я

[1]) Бюро—родъ комода, съ открывающимся столомъ и ящиками.

въ сараѣ, сталъ работать... Тяжко мнѣ было въ ту пору: изъ деревни то и дѣло слышишь: «высылай, да высылай оброкъ», а у меня и вовсе ничего. Радъ я былъ той работѣ. Принялся за нее. Вижу: бюро старинное; что ящичковъ, что дверецъ!— хитро устроено. Разобралъ я его. Баринъ самъ показывалъ мнѣ секреты эти, какъ что отпереть надо, да, знать, не все и онъ разумѣлъ въ нихъ...

II. Ушелъ баринъ... Сталъ я заднюю стѣнку внутри отчищать,—вдругъ—щелкъ!... гляжу: выскочилъ ящичекъ... бумаги въ немъ какія-то напиханы, письма... Перебирать началъ... Господи!... толстая пачка ассигнацій [2])! за ней другая... третья... Я этакъ руками ихъ прикрылъ и глаза зажмурилъ, а волосъ у меня дыбомъ... Чего-чего тутъ не передумалось!... И вотъ же спасъ меня Господь: вѣришь ли, сударь? — минуты не сомнѣвался. Вошелъ къ барину:—«Андрей Митрофановичъ», говорю, «бумаги въ бюрѣ нашлись». О деньгахъ не помянулъ: совѣстно было признаться, что покопался ужъ въ нихъ.—«Что, говоритъ, за бумаги?»—Да какъ разсмотрѣлъ,—«ахъ, говоритъ, Пименъ! ну какъ же мнѣ тебя отблагодарить? Вѣдь здѣсь за сто тысячъ!»— Даже заплакалъ. И я прослезился.—«Батюшка мой», говоритъ, «умеръ скоропостижно, и дѣловъ его я вовсе не зналъ; однако догадывался, что деньги не всѣ мнѣ достались, и—каюсь—поклепалъ даже чиновниковъ, что опись имущества совершали».

III. Ну, сударь, наградилъ онъ меня по-царски. А тутъ еще флигелекъ у него старый пустовалъ (его снесли ужъ).— «Хозяйничай», говоритъ, «Пименъ, въ немъ, и платы съ тебя никакой не положу. Съ этого случая, сударь, и окрѣпъ я».

Тутъ старикъ вздохнулъ и прибавилъ: «Такъ-то, сударь. Вотъ благодѣтеля-то моего ужъ и въ живыхъ нѣтъ; а я, благодареніе Господу, черезъ него счастливъ сталъ, и бо́льшаго не желаю». (*А. Сливицкій*).

11. Добра не забывай, обиду прощай.

I. Знавалъ я въ Ростовѣ двухъ купцовъ: одного звали Гаврилой, другого—Ѳедоромъ; хоть и не родня, но такіе были друзья, что со свѣчкой поискать; съизмолоду хлѣбъ-соль водили; гдѣ одинъ, тамъ и другой: въ подряды ли, въ поставщики ли—все вмѣстѣ, и барыши пополамъ; люди были зажиточные; у одного дочь, а у другого сынъ, и смекали Гаврила съ Ѳедоромъ, что

---

[2]) Ассигнаціи—бумажныя деньги.

когда ихъ дѣтки подростутъ, то ихъ бы между собою поженить, чтобы породниться. Но вотъ что случилось:

Однажды, на именинахъ, Гаврила съ Ѳедоромъ подгуляли; а тутъ ужъ, извѣстное дѣло, лукавый того и ждетъ, чтобы на грѣхъ натолкнуть. Вотъ ни съ того, ни съ сего пришло Гаврилѣ въ голову, что Ѳедоръ чрезъ него много пользы получилъ по поставкамъ, и сталъ Гаврила подтрунивать надъ Ѳедоромъ, а Ѳедоръ надъ Гаврилой; отъ шутки пошло дѣло на упреки. «Ты мой хлѣбъ ѣлъ», говорилъ Гаврила; «нѣтъ, ты мой хлѣбъ ѣлъ», отвѣчалъ Ѳедоръ, и заспорили пуще прежняго. Хмѣльнымъ было не размыслить, что польза была имъ обоимъ, одному отъ другого, и польза отъ того, что были между ними совѣтъ да любовь, отъ того, что вели свои дѣла дружно и помогали одинъ другому. Не о томъ шла теперь у нихъ рѣчь, а только старались они какъ бы другъ дружку погорше оскорбить. На бѣду, Гаврила сказалъ какое-то задорное слово, а Ѳедоръ, не стерпѣвъ обиды, хвать Гаврилу за бороду — у пьяныхъ ужъ такой обычай. Вотъ друзья чуть было не въ потасовку; насилу ихъ гости растащили и по домамъ развели.

II. Вотъ на другой день у Гаврилы хмѣль прошелъ, а обида на сердцѣ, и сталъ онъ думать, какъ бы Ѳедору отомстить; думать долго было нечего, дѣла у нихъ были общія, разные счеты и разсчеты. Сыскалъ Гаврила какого-то сутягу подъячаго, выгнаннаго изъ службы за пьянство и взятки, и подъячій разомъ, за цѣлковикъ, настрочилъ Гаврилѣ жалобу въ судъ на Ѳедора. Что было въ той жалобѣ — самъ Гаврила не выразумѣлъ, а подписалъ онъ ее потому, что для Ѳедора она была обидчива; и радъ Гаврила, что друга доконалъ; анъ не тутъ-то было. Ѳедоръ нашелъ также совѣтника, такого же подъячаго, и тотъ, насупротивъ Гавриловой жалобы, настрочилъ жалобу на Гаврилу отъ Ѳедора. Вотъ и пошло дѣло; а сутяги знай ихъ съ толку сбиваютъ: вотъ то напиши, вотъ тѣмъ упрекни, вотъ такое-то словцо вверни; сбиваютъ Гаврилу съ Ѳедоромъ, да съ нихъ же за то деньги берутъ; подъячіе наживаются, а друзья разоряются. То смотришь: подрядъ лопнулъ, поставка не пошла, а тамъ заводъ продали, а вотъ и дома каменные съ молотка порѣшили. Чѣмъ больше друзья разорялись, тѣмъ больше сердчали, и каждый обвинялъ другого въ своемъ несчастіи: Гаврила Ѳедора, а Ѳедоръ Гаврилу. Дошло до того, что хоть съ сумой итти помірy. У Ѳедора еще остался въ городѣ деревянный домишко, а Гаврила давно уже жилъ на квартирѣ, да и за квартиру-то не

чѣмъ было платить. Съ горя принялся онъ попивать сильно. Однажды сидитъ онъ ночью хмѣльной и думаетъ: «Вишь-ты, еще Ѳедоръ въ своемъ домѣ важничаетъ, да онъ же меня обидѣлъ, а вотъ меня, горемычнаго, хозяинъ съ квартиры гонитъ—хоть на улицѣ спи. Не дамъ же я врагу надо мною тѣшиться»... И лукавый шепнулъ на ухо Гаврилѣ страшный грѣхъ: поджечь домъ у Ѳедора. «Авось, говоритъ, не узнаютъ, а врага-то я славно доконаю».

III. И съ такою грѣшною мыслью вышелъ Гаврила изъ дома; дѣло шло ужъ къ утру, къ заутрени звонили. Идетъ Гаврила мимо церкви,—видимо, ангелъ Божій сжалился надъ грѣшною душою Гаврилы и вложилъ ему желаніе въ церковь войти; церковь только-что отворили, никого еще изъ міряпъ не было,—Гаврила вошелъ, перекрестился, смотритъ на иконы—и обомлѣлъ, какъ-будто онъ ихъ въ первый разъ видитъ.

На первомъ образѣ Спаситель, въ раздранной ризѣ предъ Пилатомъ и Иродомъ, и внизу надпись: «Онъ не поносилъ, когда Его поносили»; на другомъ образѣ истязаніе Спасителя и внизу надпись: «Онъ не грозилъ, хотя и страдалъ»; на третьемъ образѣ распятіе Спасителя и внизу надпись: «Отче! прости имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ». Гаврила долго смотрѣлъ на образа; вдругъ слезы брызнули изъ глазъ: онъ упалъ на колѣни, сталъ молиться...

Въ эту минуту вошелъ въ церковь Ѳедоровъ артельщикъ и прямо къ Гаврилѣ. «Я васъ ищу», сказалъ онъ, «Ѳедоръ Яковлевичъ сильно занемогъ и проситъ васъ съ нимъ видѣться». Гаврила пошелъ за артельщикомъ. При входѣ его въ комнату, гдѣ лежалъ больной, Ѳедоръ сказалъ: «Гаврила! виноватъ я передъ тобою! прости меня!»—«Мнѣ не въ чемъ прощать тебя, братъ Ѳедоръ!» отвѣчалъ Гаврила; они подали другъ другу руки, обнялись, и оба долго плакали.

IV. И какъ-будто примиреніе съ другомъ было для больного лѣкарствомъ; оно успокоило его душу, успокоило и тѣло. Мало-по-малу Ѳедоръ началъ оправляться, а потомъ и совсѣмъ оправился. Гаврила съ Ѳедоромъ, прогнавши сутягъ, снова дружно принялись за дѣло. Мудрено было поправить, что они сами по глупой ссорѣ разстроили, и часто они жалѣли и обвиняли себя въ такомъ неразумьи, но все-таки, съ горемъ пополамъ, они принялись за прежнюю работу и, къ утѣшенію, замѣтили, что работа вдвоемъ дѣлалась сподручнѣе годъ отъ года. Трудно имъ было, но по-крайней мѣрѣ, при добромъ мирѣ, по-міру не пошли.

(Кн. Одоевскій).

12. Терпѣнье и трудъ все перетрутъ.

I. Въ одномъ селѣ жилъ крестьянинъ. Звали его Иванъ Терпигоревъ. Недаромъ досталось ему это прозвище: онъ и точно много горя вытерпѣлъ на своемъ вѣку. Былъ онъ и смышленый и работящій, да крѣпко не везло ему много лѣтъ сряду. То его полосу градомъ побьетъ, то на скотъ падежъ придетъ, то бурнымъ ливнемъ все его сѣно съ лугу подмоетъ и въ рѣку унесетъ.

II. Бился, бился мужикъ, работалъ за троихъ и чуть только изъ бѣды, казалось, выбился—вдругъ новая напасть! Въ самыя Петровки, когда онъ былъ на сѣнокосѣ съ семьей своей, разразилась гроза надъ деревней, ударила въ Терпигореву избу, запалила ее, какъ свѣчку, и, пока сосѣди сбѣжались да свои избы отъ пожара отстаивать стали, Терпигорева изба сгорѣла до-тла. Осталась отъ нея только печка съ трубою.

III. Прибѣжалъ Иванъ съ поля съ женою и съ ребятишками, посмотрѣлъ на свое горе и голову повѣсилъ...

«Теперь я совсѣмъ голъ и съ женою, и съ малыми ребятишками, и головы приклонить ни мнѣ, ни имъ некуда»!..

Потужили сосѣди съ Иваномъ, повыли, поплакали бабы съ его женою и разошлись по своимъ домамъ, подъ свои крыши, а бѣдному Ивану пришлось въ пустой овинъ съ семьей перебраться. И такое-то взяло его, бѣднаго, горе, что ужъ работа ему и въ умъ нейдетъ, и сонъ ему очей не смыкаетъ...

«Нѣтъ, видно, мнѣ ни въ чемъ ни доли, ни удачи не видать, и работать не стоитъ. Все равно — работай не работай, придется мнѣ съ малыми ребятишками по міру ходить»!

IV. Въ такихъ думахъ пролежалъ онъ до самаго свѣта. Чуть только утро забрезжилось, видитъ Иванъ надъ самою своею головою большого паука. У него вчерашней грозой всѣ его мережки порвало и попутало. И возится паукъ, и работаетъ изъ всей мочи, и тянетъ во всѣ стороны свои тонкія, прозрачныя нити, и прядетъ и сучитъ своими когтистыми лапками, то спускаясь, то вновь подымаясь вдоль стѣнки овина. Вотъ кажется, и совсѣмъ бы сѣть его готова, только бы сѣсть ему царькомъ въ серединѣ да выжидать залетныхъ гостей,—такъ нѣтъ же!.. Дунулъ вѣтерокъ въ щель овина и опять все сорвалъ и запуталъ! И опять терпѣливый паукъ пошелъ вверхъ и внизъ спускаться, и опять онъ пошелъ сновать, сучить и прясть свои нити... И опять та же бѣда! Залюбовался Иванъ пауковой работой, заглядѣлся на нее: словно въ первый разъ ее видѣлъ. И видѣлъ

Иванъ, какъ паукъ двѣнадцать разъ обрывался со своей паутиной, и двѣнадцать разъ принимался вновь вязать ее и крѣпить къ потолку и стѣнамъ, пока, наконецъ, устояла паутина противъ напора вѣтра — и самъ паукъ забился въ свое гнѣздо на отдыхъ.

V. «Господи, Боже мой!» подумалъ Иванъ: «вѣдь, вотъ, ужъ какая малая тварь, а вѣдь, какой въ ней разумъ Господь вселилъ! какимъ ее терпѣніемъ надѣлилъ! Вѣдь, вотъ, бился, бился, двѣнадцать разъ обрывался, а своего добился! Неужто же меня паукъ разуму учить долженъ? Развѣ даромъ, что ли, люди говорятъ: «терпѣнье да трудъ все перетрутъ!» И вышелъ онъ на другой день со всѣми людьми на работу, и трудился, что есть мочи, все лѣто, и далъ Господь Богъ ему урожай на хлѣбъ, какого никогда еще у него не бывало. Подъ осень люди помогли ему кое-какую избенку сколотить. А Иванъ не унывалъ и работать не уставалъ: на зиму на печь не завалился, а вдаль отъ семьи на заработки ушелъ. Къ веснѣ пришелъ и денегъ принесъ. Скоро Иванъ опять хозяйствомъ поправился и не хуже другихъ поживать сталъ.

13. Флоръ Силинъ.

I. По сіе время не могу я безъ сердечнаго содроганія вспомнить того страшнаго года, который живетъ въ памяти у низовыхъ *) жителей подъ именемъ «голоднаго»,—того лѣта, въ которое отъ долговременной засухи пожелтѣвшія поля орошаемы были однѣми слезами горестныхъ поселянъ,—той осени, въ которую, вмѣсто обыкновенныхъ веселыхъ пѣсенъ, раздавались въ селахъ стенанія и вопль отчаянныхъ, видящихъ пустоту въ гумнахъ и житницахъ своихъ,—и той зимы, въ которую цѣлыя семейства, оставя домы свои, просили милостыню на дорогахъ и, несмотря на вьюги и морозы, цѣлые дни и ночи, подъ открытымъ небомъ, проводили на снѣгу.

II. Я жилъ тогда въ деревнѣ близъ Симбирска, былъ еще ребенкомъ, но умѣлъ уже чувствовать, какъ большой человѣкъ, и страдалъ, видя страданіе моихъ ближнихъ. Въ одной изъ нашихъ сосѣднихъ деревень жилъ въ то время Флоръ Силинъ, трудолюбивый поселянинъ, который всегда лучше другихъ обрабатывалъ землю, всегда болѣе другихъ сбиралъ хлѣба и никогда не продавалъ всего, что сбиралъ, почему на гумнѣ его стояло всегда нѣсколько запасныхъ скирдовъ. Пришелъ худой годъ—и всѣ жи-

*) Низовой житель—житель города, лежащаго по Волгѣ ниже Симбирска.

тели той деревни обнищали всѣ, кромѣ осторожнаго Флора Силина. Но осторожность была не единственною его добродѣтелью. Вмѣсто того, чтобы продавать хлѣбъ свой по дорогой цѣнѣ и, пользуясь несчастіемъ ближнихъ, разбогатѣть, онъ вдругъ созвалъ бѣднѣйшихъ изъ жителей своей деревни и сказалъ: «Послушайте, братцы! вамъ теперь нужда въ хлѣбѣ, а у меня его много; пойдемъ на гумно, пособите мнѣ обмолотить скирда четыре и возьмите себѣ, сколько вамъ надобно на весь годъ». Крестьяне остолбенѣли отъ удивленія. Слухъ объ этомъ благодѣяніи Флора Силина разнесся въ окрестности.

III. Бѣдные изъ другихъ жительствъ приходили къ нему и просили хлѣба. Добрый Флоръ называлъ ихъ братьями своими и ни одному не отказывалъ.

— Скоро мы раздадимъ весь хлѣбъ свой, — говорила ему жена.

— Богъ велитъ давать просящимъ,—отвѣчалъ онъ.

IV. Небо услышало молитву бѣдныхъ и благословило слѣдующій годъ плодородіемъ. Поселяне, одолженные Флоромъ Силинымъ, явились къ своему благотворителю и отдавали ему то количество хлѣба, которое у него взяли, и еще съ лихвою.

— Ты спасъ насъ и дѣтей нашихъ отъ голодной смерти,— говорили они: одинъ Богъ можетъ заплатить за твое доброе дѣло, а мы возвращаемъ съ благодарностью то, что у тебя заняли.

— Мнѣ ничего не надобно, отвѣчалъ Флоръ: у меня много новаго хлѣба. Благодарите Бога: не я, Онъ помогъ вамъ въ нуждѣ.

Напрасно приступали къ нему должники его.

— Нѣтъ, братцы,—говорилъ: — нѣтъ, я не возьму вашего хлѣба; а когда у васъ есть лишній, такъ раздайте его тѣмъ, которые въ прошлую осень не могли обсѣять полей своихъ и теперь нуждаются; въ нашемъ околодкѣ не мало такихъ найдется... Поможемъ имъ—и Богъ благословитъ насъ.

— Хорошо,—сказали тронутые поселяне,—хорошо. Будь потвоему. Мы раздадимъ этотъ хлѣбъ нищимъ и скажемъ, чтобы они вмѣстѣ съ нами молились за тебя Богу. Дѣти наши будутъ также за тебя молиться.

Въ одной сосѣдней деревнѣ сгорѣло 14 дворовъ. Флоръ Силинъ послалъ на каждый дворъ по два рубля денегъ и по косѣ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того сгорѣла другая деревня. Поселяне, лишенные почти всего имущества своего, прибѣгнули

къ извѣстному великодушію Флора Силина. На тотъ разъ не было у него денегъ.

— У меня есть лишняя лошадь, сказалъ онъ: возьмите и продайте ее. *(Карамзинъ).*

14. Подвигъ крестьянина Марина.

I. Всякое безкорыстное движеніе на спасеніе или въ пользу ближняго должно быть внесено неизгладимыми чертами въ лѣтопись человѣчества вообще. Благодаря Всевышнему, въ русскомъ человѣкѣ любовь къ ближнему развита во всей христіанской простотѣ и прямотѣ ея, и часто мы видимъ на дѣлѣ умилительное и трогательное проявленіе этого высокаго, святого чувства. Впишемъ въ исторію человѣколюбія еще одного русскаго человѣка.

Крестьянинъ государственныхъ имуществъ, Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда, деревни Евсеевой, Василій Гавриловъ Маринъ, занимался кровельнымъ мастерствомъ и хозяйствовалъ, какъ онъ самъ говоритъ, съ своимъ отцомъ; впослѣдствіи онъ занялся котельнымъ мастерствомъ и поступилъ на Колпинскій заводъ.

Въ 1852 году Маринъ отправился на родину повидаться съ родными, и въ началѣ марта 1853 года собрался въ обратный путь въ Петербургъ. Доѣхавъ до Москвы на лошадяхъ, онъ съ товарищами—ихъ всего было десять человѣкъ—опоздалъ на машину, и долженъ былъ переночевать въ Москвѣ. Утромъ на другой день отправлялся товарный поѣздъ, а потому Маринъ долженъ былъ отложить свой отъѣздъ до трехъ часовъ того же дня, 11 марта.

«Люди деревенскіе вѣдь любопытны,—такъ разсказываетъ Маринъ, а я въ Москвѣ и съ роду не бывалъ! Вотъ и пошли мы полюбопытствовать на чудеса Бѣлокаменной. Зашли въ Успенскій соборъ, приложились къ святымъ мощамъ; пошли къ Ивану Великому на колокольню, а оттуда въ Охотный рядъ. Тамъ сказали намъ, что случился пожаръ: Большой театръ горитъ... Время было около полудня. Вотъ мы пошли и на пожаръ посмотрѣть»...

II. Маринъ прибылъ на пожаръ уже въ самый разгаръ его. Театръ горѣлъ внутри, и пламя, быстро распространившееся по всѣмъ направленіямъ, вылетало въ крыши и окна.

Во время пожара, трое изъ мастеровыхъ театра выскочили въ окошко верхняго этажа на крышу и долго бѣгали по ней, не находя спасенія, будучи окружены со всѣхъ сторонъ пламенемъ. Двое изъ этихъ несчастныхъ, въ минуту отчаянія, соско-

чили съ крыши внизъ и убились до смерти. Третій остался на крышѣ и, задыхаясь отъ дыму, преслѣдуемый пламенемъ, жалобно молилъ о спасеніи.

Но, казалось, и ему суждено было погибнуть. Не было ни одной лѣстницы, которая могла бы достать до крыши высокаго зданія, и несчастный находился въ неизбѣжной крайности: или погибнуть отъ пламени, которое постепенно приближалось къ нему, или послѣдовать за своими товарищами, броситься внизъ. Не переставая до послѣдней минуты уповать на благость Всевышняго, бѣднякъ укрылся отъ дыма и жара въ такомъ мѣстѣ на крышѣ, откуда вѣтеръ отдувалъ пламя...

Между тѣмъ Маринъ, братъ его и товарищи, молча смотрѣли снизу на страшное зрѣлище.

«Молчу,—разсказываетъ Маринъ,—а сердце у меня такъ и просится, какъ бы способъ дать христіанской душѣ...»

— Товарищи! вскрикнулъ онъ вдругъ—подождите, я пойду, спасу человѣка.

Товарищи посмотрѣли на него сперва въ недоумѣніи.

— Съ Богомъ! сказали они наконецъ: доброе дѣло сдѣлаешь.

Не медля ни минуты, Маринъ обратился къ начальству съ просьбою дозволить ему спасти погибавшаго. Позволеніе было немедленно дано. Маринъ снялъ шубу, шапку, передалъ ихъ городовому и остался въ рубахѣ. Запасшись веревкою и взявъ съ собою брата, онъ скоро пошелъ къ лѣстницѣ, приставленной къ стѣнѣ, но далеко недостававшей до крыши.

Дойдя до лѣстницы, Маринъ набожно перекрестился и смѣло пошелъ вверхъ. Лѣстница была трехколѣнная, но все таки она далеко не доставала до крыши. Обвивъ веревку вокругъ пояса, Маринъ, благословясь, ухватился за водосточную трубу, и по ней сталъ взбираться наверхъ.

Внизу толпы народа слѣдили за дѣйствіями безстрашнаго крестьянина; вверху пламя распространялось съ яростію; слышался стукъ и трескъ валившихся стропилъ, и посреди этого грознаго шума—плачевный вопль несчастнаго.

Маринъ взбирался по водосточной трубѣ.

«Было холодно, вѣтрено,—разсказываетъ онъ—а я и не чувствую: съ тѣхъ поръ какъ возымѣлъ намѣреніе спасти христіанскую душу, у меня такое сердечное воспаленіе сдѣлалось, что такъ въ жаръ и бросило...»

Горячія руки прилипаютъ къ холодному желѣзу водосточной трубы, а Маринъ лѣзетъ все выше и выше.

«Трещитъ труба, небольно крѣпка была, голубушка, а стало быть, такъ ужъ Богу угодно было, и я взобрался на карнизъ; тамъ благо полегче стало: я сталъ на твердую ногу...»

Братъ, оставшійся на лѣстницѣ, подалъ Марину на веревкѣ ухватъ, а онъ помощію этого же ухвата передалъ веревку бѣдняку, находившемуся на крышѣ посреди пламени.

— Зачаливай (прикрѣпи) за что ни попало! крикнулъ Маринъ, да только смотри, покрѣпче.

Погибавшій зацѣпилъ веревку за крюкъ, находившійся на подъѣздной крышѣ театра. Маринъ сложилъ веревку вдвое, чтобы вѣрнѣе было и, приказавъ находившемуся на крышѣ спускаться осторожно, придерживаясь руками за веревки, а колѣнями за водосточную трубу, самъ спустился первый.

Изъ всѣхъ этихъ дѣйствій Марина видно, что при благородномъ движеніи сердца, онъ сохранилъ спокойствіе ума.

III. Пока Маринъ спускался по лѣстницѣ, а спасенный имъ по водосточной трубѣ, въ толпѣ проявилось чудное, высокое, истинно русское движеніе. Головы обнажились, и крестное знаменіе, символъ [1]) безмолвной молитвы, сопровождало и подвигъ одного и спасеніе другого...

Тутъ дѣйствительность краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій.

Въ то же время, когда сошелъ внизъ Маринъ, спасенный имъ находился уже на лѣстницѣ и внѣ всякой опасности.

«Только-что я сошелъ внизъ,—разсказываетъ Маринъ—какъ ко мнѣ подошелъ баринъ въ шинели и каскѣ—не могу знать кто—и далъ мнѣ двадцать пять рублей серебромъ...»

Многіе изъ присутствующихъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, тѣснились къ отважному и великодушному русскому человѣку, и предлагали ему, каждый по мѣрѣ своихъ средствъ, кто гривенникъ, кто цѣлковый, кто нѣсколько копеекъ...

— Спасибо! молодецъ! дай тебѣ Богъ здоровья! слышалось со всѣхъ сторонъ.

«А куда дѣвался бѣдный, что былъ на крышѣ,—говоритъ Маринъ—мнѣ неизвѣстно, да и не мое дѣло; благо живъ остался... А ко мнѣ подошелъ господинъ адъютантъ [2]), далъ мнѣ записку и отправилъ меня на извозчикѣ въ канцелярію [3]), гдѣ и списали все, какъ было...»

---

[1]) Символъ—знакъ, образъ, выраженіе.

[2]) Дежурный адъютантъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, гвардіи штабсъ-ротмистръ, князь Абамелекъ.

[3]) Московскаго военнаго генералъ-губернатора.

Во все это время Маринъ до того сохранилъ присутствіе духа, что заботился только о томъ, какъ бы не ушла безъ него машина.

Въ три часа онъ сидѣлъ уже въ вагонѣ, а въ пятницу, 13 марта, прибылъ въ Колпино, гдѣ служилъ прежде. Не теряя времени, отправился онъ къ прежнему своему начальнику, г. Флотову и, какъ хорошій работникъ, былъ принятъ; тутъ же выпросился онъ на денекъ въ Петербургъ къ своей родной теткѣ, имѣющей на Васильевскомъ островѣ лавку.

Повидавшись съ теткой, Маринъ собрался уже обратно въ Колпино на работу, какъ былъ призванъ къ оберъ-полицеймейстеру.

IV. Подвигъ самоотверженія былъ уже доведенъ до свѣдѣнія Государя Императора. Его Величеству благоугодно было увидѣть Марина.

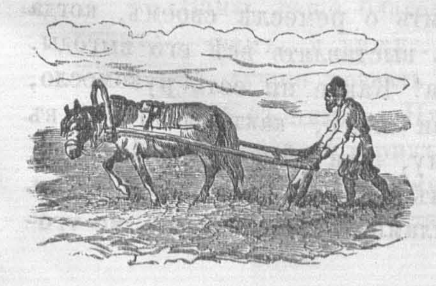
Съ трепетнымъ сердцемъ и полный благоговѣнія, вступилъ русскій мужичекъ въ чертоги русскаго царя. Ни на яву, ни даже во снѣ не представлялось никогда ему, простому человѣку, что Господь удостоитъ его зрѣть вблизи лицо царево, слышать изъ устъ царскихъ милостивое слово, къ нему обращенное...

Его Императорское Величество соизволилъ принять Марина въ своемъ кабинетѣ и обратиться къ нему съ слѣдующими словами: «Спасибо за доброе дѣло. Поцѣлуй Меня и разскажи, какъ Богъ помогъ». Въ простыхъ словахъ разсказалъ Маринъ, какъ было дѣло. Государь Императоръ, благосклонно выслушавъ разсказъ, сказалъ: «Ступай съ Богомъ, и будетъ нужда, такъ приходи ко Мнѣ, когда хочешь». Его Величество соизволилъ приказать наградить Марина медалью, установленною за спасеніе погибавшихъ, и выдать ему сто пятьдесятъ рублей серебромъ.

(М. Погодинъ).

15. Пахарь Иванъ Анисимычъ.

I. Иванъ Анисимычъ, или просто Анисимычъ (такъ звали старика), принадлежалъ къ числу тѣхъ трудолюбивыхъ, дѣловыхъ пахарей стараго вѣка, которые, къ величайшему сожалѣнію, переводятся годъ отъ году. Особенно рѣдко теперь встрѣчаются они въ нашихъ мѣстахъ. По мѣрѣ того, какъ развивался у насъ фабричный промыселъ, воздѣлываніе полей приходило въ упадокъ; челнокъ, красная рубаха и гармонія замѣтно смѣняли соху, балалайку и лапти. Въ

послѣдніе годы одинъ Анисимычъ исключительно, можно сказать, жилъ своимъ полемъ. Его не сокрушили даже неурожайные годы. Онъ продолжать пахать, боронить и сѣять даже и въ то время, когда фабрики стали приносить очевидныя выгоды противъ пашни. Но не упрямство управляло имъ, не закоснѣлая привычка къ старому прадѣдовскому ремеслу; не управляли имъ также расчетъ и тонкая смѣтливость: старикъ нимало не соображалъ о томъ, что не вѣкъ же продлятся неурожайные годы, не вѣкъ же миткалю будетъ цѣна высокая. Мнѣ сказывали, онъ считалъ даже грѣшнымъ дѣломъ впередъ загадывать: «что будетъ, то все въ рудѣ Господа; словесами, либо думой тутъ не поможешь», говорилъ онъ. Старикъ не разставался съ полями потому только, кажется, что свыкся съ ними и шибко къ нимъ привязался. Мудренаго нѣтъ: онъ началъ привыкать къ нимъ еще въ то время, когда покойная его мать, отправляясь на жнитво, носила его туда въ люлькѣ. А это было очень давно: Анисимычъ доживалъ уже теперь восьмой десятокъ.

II. Меня особенно поражали въ немъ всегда необычайная кротость нрава, чистота помысловъ и благочестіе. Единственная вещь, быть можетъ, которой не любилъ онъ, было миткалевое производство, но никогда, однакожъ, не относился онъ съ насмѣшкой, злобой или пренебреженіемъ, когда рѣчь заходила объ этомъ предметѣ. Онъ, помнится, покручивалъ сѣдою головою и говорилъ: «Худое ремесло то, когда ничего не дѣлаешь! Коли человѣкъ кормится фабриками, стало и въ нихъ прокъ есть. Нехороша только жизнь фабричная—вотъ что похвалить нельзя: нехороши эти гулянки, да кабаки, да пищалки эти (такъ называлъ онъ гармоники). Что денегъ-то даютъ хозяева», присовокуплялъ онъ обыкновенно, «за этимъ гнаться нечего: деньги только въ соблазнъ вводятъ. Нашему брату денегъ не надобно: былъ бы хлѣбъ святой. Есть хлѣбъ—ни въ чемъ, значитъ, недостатка не будетъ, потому, что хлѣбъ всѣмъ надобенъ, всякому то-есть человѣку; на что хочешь, можно промѣнять его!... По моему, пахота самое, выходитъ, первое дѣло!» заключалъ всегда старикъ, рѣдко пропускавшій случай поговорить о ремеслѣ своемъ, когда былъ въ духѣ, стараясь при этомъ выставлять всѣ его выгоды. «Да! пахота всякому ремеслу голова! Какое ни есть рукомесло, ужъ это все, значитъ, живешь при немъ, какъ словно не въ удовольствіи: фабриканту ли какому, или хозяину работаешь, имъ, примѣрно, и отвѣчать долженъ. Люди-то не равны—вотъ что! И хорошо сдѣлаешь, всѣми силами стараешься, да не уго-

дишь: ну, сердце-то и кипитъ въ тебѣ, все не въ удовольствіи... Ну, а съ пахотой этого не бываетъ: самъ себѣ работаешь, самъ себѣ и отвѣчаешь: старался—значитъ, тебѣ же хорошо; полѣнился, не родилось ничего—самъ, выходитъ, на себя пеняй!... И живешь покойнѣе, потому, выходитъ, серчать не на кого: весь ты, какъ есть, во власти Господней!»

III. Въ жизни пахаря, которая протекла такъ же покойно и тихо, какъ песокъ стеклянныхъ часовъ, было однакожъ одно сильное потрясеніе. На семью его пала рекрутская очередь. Его не предупредили объ этомъ, слова не сказали: думали сдѣлать лучше. Но разъ ночью пришли къ нему въ избу и захватили одного изъ сыновей его, перваго, который попался. Но случай этотъ его поразилъ сильно только по своей неожиданности. Прійдя въ себя, старикъ побѣжалъ въ контору и просилъ, чтобы ему самому предоставили выборъ дѣтей. На другой день онъ отвезъ всѣхъ трехъ сыновей въ городъ.

До сихъ поръ еще многимъ лицамъ, присутствовавшимъ на ставкѣ, памятна сцена, когда, послѣ произнесенія очередного имени, въ дверяхъ присутствія явился вдругъ сѣдой, шестидесятилѣтній старикъ.—«Ваше благородіе!» сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ членамъ присутствія:—«очередь за моею семьею. У меня три сына... пытался—не могу выбрать: всѣ равно дороги!... Соблаговолите позвать всѣхъ трехъ... выбирайте ужъ лучше сами!»... Въ комнату вошли три парня, одинъ краше другого. Двое стали по правую руку отца, одинъ по лѣвую. Старикъ обнялъ поочередно всѣхъ трехъ и произнесъ, положивъ имъ сперва руку на голову: «Всѣ милы!... всѣ дороги! всѣ хороши»!.. Тутъ дыханіе какъ бы стѣснилось въ груди его; онъ остановился, покачалъ головою, тяжко вздохнулъ и вдругъ залился слезами. Присутствующіе, тронутые его положеніемъ, стали его успокоивать. Онъ попросилъ позволенія кинуть жеребій. Вынувъ изъ кошелька три мѣдные гроша, онъ подалъ ихъ дѣтямъ, внимательно потомъ осмотрѣлъ каждый грошъ, положилъ на каждомъ знакъ зубами и велѣлъ бросить ихъ въ шапку.

—«Вамъ, ваше благородіе», сказалъ онъ, обратясь опять ко всѣмъ:—«вамъ, я вижу... вы о нихъ также жалѣете... прикажите ужъ лучше позвать какого ни-на-есть человѣка, который не видалъ меня съ ними... Пускай ужъ лучше онъ жеребій вынетъ»... Позвали солдата. Старикъ сказалъ ему: «Какъ вынешь жеребій, никому не показывай... мнѣ отдай»...

Жеребій вынутъ. Старикъ взялъ грошъ у солдата, отошелъ

къ окну, взглянулъ на него, дрогнулъ, но тотчасъ же оправился, перекрестился и возвратился къ дѣтямъ.—«Вася», вымолвилъ онъ, обратясь къ младшему:—«Вася... голубчикъ мой! подойди ко мнѣ»...—Онъ снова положилъ ему руку на голову, съ минуту глядѣлъ на него молча и наконецъ произнесъ: «Ты былъ... да, былъ ты мнѣ хорошимъ сыномъ... всегда хорошъ былъ... будь же хорошимъ солдатомъ царю нашему»...—Онъ обнялъ его, благословилъ и, закрывъ ладонью лицо, пошелъ къ двери. (*Д. В. Григоровичъ*).

16. Красный фонарь.

I. Кто ѣздилъ по желѣзнымъ дорогамъ, тотъ, вѣроятно, замѣтилъ, что по обѣимъ сторонамъ дороги выстроены маленькіе красивые домики-будки сторожей. Сторожа, живущіе въ этихъ домикахъ, постоянно смотрятъ за тѣмъ, чтобы рельсы и все полотно дороги были въ порядкѣ. Поэтому каждый изъ сторожей ежедневно осматриваетъ весь путь отъ своего домика и до сосѣдней будки. Если онъ находитъ полотно дороги въ порядкѣ, то при проѣздѣ поѣзда становится у своего домика днемъ съ зеленымъ флагомъ въ рукахъ, а ночью съ зеленымъ фонаремъ. Если же сторожъ замѣтитъ, что гдѣ-нибудь сломался рельсъ, сгнила старая шпала, или размыло дорогу дождемъ, то онъ тотчасъ же становится возлѣ этого мѣста днемъ съ краснымъ флагомъ, а ночью съ краснымъ фонаремъ и тѣмъ даетъ знать машинисту, что путь испорченъ. Увидитъ машинистъ эти красные сигналы, догадается объ опасности и останавливаетъ поѣздъ, чтобы не попасть въ бѣду, чтобы не перебить людей, которыхъ онъ везетъ и которые довѣрили ему свою жизнь. Не дай Богъ, если сторожъ или машинистъ забудутъ свое дѣло: погибнутъ тогда и поѣздъ, и люди!

II. Въ одномъ такомъ сторожевскомъ домикѣ жилъ желѣзнодорожный сторожъ Колечкинъ. Онъ уже много лѣтъ жилъ на этомъ мѣстѣ и усердно исполнялъ свою тяжелую службу: передъ каждымъ поѣздомъ осматривалъ онъ свой участокъ на дорогѣ, каждый поѣздъ и днемъ, и ночью встрѣчалъ съ флагомъ или съ фонаремъ въ рукахъ; въ зимнее время, не смотря ни на холодъ, ни на вьюгу, онъ старательно сметалъ снѣгъ съ дороги и очищалъ рельсы отъ льда. Но не мало хлопотъ и работы Колечкину было и лѣтомъ.

III. Однажды—это было въ іюлѣ мѣсяцѣ—день случился очень жаркій, а къ ночи стала собираться гроза. Зашумѣли высокія сосны, заскрипѣли, застонали и другія деревья; землю оку-

тала непроглядная ночь. Дождь ливнемъ хлынулъ на землю. Буря вырывала съ корнями многія деревья, опрокидывала телеграфные столбы, рвала въ куски проволоку.

IV. Въ это самое время Колечкинъ съ фонаремъ въ рукахъ осматривалъ свой участокъ. Онъ уже приближался къ своей будкѣ, какъ вдругъ страшная молнія ослѣпила его, а ударъ грома оглушилъ и повалилъ его на землю. Молнія ударила въ чугунные рельсы, разметала ихъ во всѣ стороны и зажгла будку Колечкина.

«Боже, Боже мой! что-то будетъ съ поѣздомъ? погибнутъ всѣ, погибнутъ!» вскрикнулъ Колечкинъ, когда немного очнулся и осмотрѣлся кругомъ. Собравши послѣднія силы, онъ всталъ на ноги; вдали послышался свистокъ локомотива. Колечкинъ, не имѣя въ рукахъ краснаго фонаря, быстро зажегъ свой простой фонарь, потушенный бурей, оторвалъ лоскутъ отъ своей красной рубахи, покрылъ этимъ лоскутомъ стекла фонаря, прибавилъ какъ можно больше огня и, сидя на полотнѣ дороги, поднялъ этотъ фонарь кверху...

V. А будка горитъ, горитъ все имущество Колечкина; только длинные огненные языки высовываются изъ-подъ крыши, да искры разносятся по вѣтру...

Смотритъ Колечкинъ вдаль, глазъ не спускаетъ; а сердце у него бьется, въ глазахъ темнѣетъ. Далеко, далеко по дорогѣ показались два огонька: это мчится на всѣхъ парахъ поѣздъ... «Вотъ налетитъ сейчасъ, соскочитъ съ рельсъ, разобьется, погибнутъ всѣ!» думаетъ Колечкинъ. Однако не случилось такъ, какъ думалось Колечкину. Машинистъ замѣтилъ красный фонарь и замедлилъ ходъ машины; за нѣсколько же шаговъ до Колечкина поѣздъ совсѣмъ остановился, а обезсиленный Колечкинъ безъ чувствъ повалился на землю. *(Вутечичъ).*

17. Разсказы дѣдушки Пахома.

I. Дѣдушка Пахомъ умный и добрый старичекъ, за что его всѣ любятъ и уважаютъ. Богъ благословилъ его всякимъ добромъ. У дѣдушки хорошій домъ. Около дома садъ. Въ саду у него растутъ яблоки, груши, сливы, вишни, малина, крыжовникъ и смородина. У дѣдушки много лошадей, коровъ, овецъ, свиней, гусей и куръ. Много у него ржи, овса и всякаго хлѣба.

У дѣдушки большая семья: три сына женатыхъ, да шесть внучатъ. Дѣдушка любитъ внучатъ, ласкаетъ ихъ, дѣлаетъ имъ иг-

рушки, сказываетъ сказки; дѣти любятъ дѣдушку и всегда слушаются его.

II. Дѣдушка уже старый старичекъ: у него нѣтъ болѣе силы работать. Онъ грамотенъ, читаетъ книги самъ и дѣтей учитъ грамотѣ. Учитъ ихъ молитвамъ, учитъ ихъ всему хорошему. Дѣдушка учитъ внуковъ, какъ надо жить по-Божьему.

«Разскажу я вамъ, дѣти, про себя», говорилъ дѣдушка Пахомъ внукамъ. «Былъ я молодъ. Жили мы двое съ женой. Наши дѣти были еще маленькія. Былъ въ нашемъ селѣ крестьянинъ Тихонъ. Работалъ онъ изо всѣхъ силъ, потому что у него была большая семья. Пришла весна. Настала пора пахать. Всѣ наладили сохи и собирались на утро ѣхать въ поле. Вдругъ, въ эту ночь украли у Тихона лошадей. Взвылъ мой мужикъ голосомъ: «что мнѣ теперь дѣлать! Останется моя земля непаханною! Умру я съ дѣтьми съ голоду!» Хотѣлъ было онъ нанять на пахоту, да некого: всѣ свою землю пашутъ. Положилъ онъ въ мѣшечекъ хлѣба и пошелъ розыскивать своихъ лошадей.

Жаль мнѣ стало бѣднаго мужика, и подумалъ я: вотъ, еслибы у меня земля осталась непаханною, я желалъ бы, чтобы ее вспахали. А Спаситель говоритъ въ Евангеліи: чего себѣ желаешь, то дѣлай и другимъ. Лошади были у меня хорошія. Я поспѣшилъ вспахать и обсѣять свою землю, да вспахалъ и обсѣялъ и Тихоновы пашни. Двѣ недѣли Тихонъ искалъ своихъ лошадей. Не нашелъ и воротился домой. Идетъ онъ своимъ полемъ, видитъ, на его пашняхъ овесъ уже всходитъ, и не вѣритъ Тихонъ своимъ глазамъ. Спрашиваетъ у встрѣтившагося ему сосѣда: кто вспахалъ и обсѣялъ мои пашни? Сосѣдъ говоритъ ему: я видѣлъ, ихъ пахалъ Пахомъ. Тихонъ прямо съ поля прибѣжалъ ко мнѣ, заплакалъ и говоритъ: «Пахомъ Ивановичъ! во вѣкъ не забуду того, что ты для меня сдѣлалъ».

«И въ самомъ дѣлѣ не забылъ. Этимъ лѣтомъ въ нашемъ селѣ была горячка. Заболѣлъ и я, а вскорѣ захворала и моя хозяйка, и слегли мы оба. Тихонъ, какъ узналъ объ этомъ, сталъ ходить къ намъ каждый день; натаскаетъ воды, нарубитъ дровъ, накормитъ скотину. Жена его топила нашу печь, кормила и обмывала ребятъ. Дочери его попеременно ухаживали за нами. Долго я лежалъ и долежалъ до рабочей поры. И стала меня мучить забота: кто теперь будетъ убирать съ поля мою рожь, пропадетъ она въ полѣ, и останусь я безъ хлѣба. Прошла недѣля. Тихонъ приходитъ ко мнѣ такой веселый и говоритъ: «слава Богу, Пахомъ Ивановичъ! Рожь твою мы сжали, скажи теперь,

на какое мѣсто ее возить». Я и хозяйка моя такъ этому обрадовались, что стали выздоравливать и скоро совсѣмъ оправились.

III. «Еще разскажу вамъ, что было со мною въ другой разъ», говорилъ дѣдушка Пахомъ. «Покойный мой батюшка, когда я былъ еще небольшимъ парнемъ, биралъ меня съ собою въ дорогу. Въ дорогѣ онъ помогалъ всякому, у кого случится какая-нибудь бѣда. Бывало, увидитъ у какого проѣзжаго—завязъ возъ, и говоритъ мнѣ. «Пойдемъ, Пахома, пособимъ: Богъ велитъ помогать всякому человѣку въ нуждѣ, и тебѣ люди помогутъ, когда случится съ тобою бѣда». Бывало, по поясъ войдемъ въ грязь или въ воду, а все помогаемъ. Сломается ли у кого колесо или телѣга, тоже пособимъ справить; лошадь ли у кого станетъ, привяжемъ его возъ къ своему возу и кой-какъ дотащимъ до ближайшей деревни.

«Въ одно время, осенью, я поѣхалъ въ городъ муку продавать. Продалъ, ссыпалъ и поѣхалъ домой. Пошелъ сильный дождь; подулъ холодный—прехолодный вѣтеръ. Дорога сдѣлалась грязная-прегрязная. Нагналъ я какого-то мужика и поѣхалъ за нимъ. А дождь все сильнѣе и сильнѣе; я весь промокъ и прозябъ; наступалъ вечеръ, а до двора оставалось верстъ десять. Съѣхали мы подъ гору къ мостику. Вижу на дорогѣ, возлѣ моста, ложитъ человѣкъ. И говорю я товарищу: остановись, братъ, человѣкъ лежитъ, подымемъ его.—«Богъ съ нимъ», отвѣчалъ онъ; «я самъ чуть живъ, окоченѣлъ отъ холода».— «Или у тебя души христіанской нѣтъ», говорю я ему, «Богъ велитъ помогать всякому человѣку, вѣдь онъ подъ дождемъ на холоду умретъ».—«Богъ съ нимъ», опять отвѣчалъ мужикъ; «пожалуй съ нимъ бѣды наживешь: наѣдетъ кто на насъ, скажутъ, что мы его убили». И поѣхалъ мужикъ дальше.

«Слѣзъ я съ телѣги. Сталъ окликать и толкать лежащаго. Ни слова. Вижу, онъ безъ памяти, а дышитъ. Что дѣлать? Одинъ я не подыму его на телѣгу, высоко. Вотъ я подвезъ телѣгу къ нему поближе, разостлалъ въ ней солому, снялъ съ нея колесо, одна сторона у ней обнизилась, и я кой-какъ втащилъ въ телѣгу лежащаго. Подложилъ ему подъ голову веретье, одѣлъ его войлокомъ и поѣхалъ. Стало темно, хоть глазъ выколи. Проѣхалъ я съ версту, слышу, кто-то стонетъ. Иду на стонъ, вижу—лежитъ другой человѣкъ. «Братъ, спаси!» —чуть-чуть проговорилъ онъ,—лошади убили, замерзаю». Я самъ почти замерзъ. Но жалость взяла меня. Подвезъ я и къ этому телѣгу, опять снялъ колесо, положилъ и этого въ телѣгу и опять надѣлъ колесо.

«Лошадь моя кой-какъ потащилась. А я пошелъ пѣшкомъ возлѣ телѣги. Ужъ помаялся я въ это время! Темь непроглядная; грязь по колѣно; дождь льетъ какъ изъ ведра; вѣтеръ пронизываетъ насквозь, лошадь устала, останавливается. Ухватился я рукою за тяжъ и сталъ тащить телѣгу вмѣстѣ съ лошадью. Тащилъ, тащилъ и остановился. Умаялся, не тронусь съ мѣста. Присѣлъ отдохнуть. Слышу, залаяли собаки. Значитъ, наше село близко Всталъ, опять потащилъ телѣгу. Шаговъ пять пройду и отдохну. Такъ я кое-какъ и дотащился до дому.

«Позвалъ сосѣдей. Внесли убитыхъ въ избу. Сняли съ нихъ мокрую одежду. Надѣли на нихъ сухія рубашки, положили ихъ на теплую постель и одѣли. Послѣ поднятый мною пересталъ стонать. А другой опамятовался. Тогда мы узнали, что поднятый мною прежде—купецъ изъ Москвы. Ѣхалъ онъ съ ямщикомъ закупать хлѣбъ. На горѣ, передъ мостомъ, выскочилъ изъ канавы заяцъ. Лошади испугались и понесли. На мосту телѣга хватилась колесомъ о перила. Купецъ упалъ съ телѣги и ударился объ камень. Черезъ версту упалъ и ямщикъ, а лошади ускакали. Купецъ говорилъ, что ему больно ногу зашибло. Мы посмотрѣли—видимъ, нога переломлена. Утромъ я поѣхалъ за костоправомъ. Костоправъ справилъ, перевязалъ ему ногу и приказалъ ему шесть недѣль не трогаться съ мѣста. Ямщикъ дня черезъ три оправился и уѣхалъ домой. А купецъ пролежалъ у насъ шесть недѣль.

«Черезъ шесть недѣль нога его срослась, и онъ сталъ ходить. Надо было ему домой отправляться. Уѣхалъ купецъ. Мнѣ стало жаль его, и стало на душѣ хорошо, что привелось сдѣлать доброе дѣло. Черезъ недѣлю я получаю съ почты повѣстку, что мнѣ прислали изъ Москвы двѣсти рублей. Ѣду на почту. Получаю письмо съ деньгами. Въ письмѣ купецъ пишетъ ко мнѣ: «прими, любезный Пахомъ Ивановичъ, эту малую отъ меня благодарность. Прими, пожалуйста, а то я не буду покоенъ». Ну, взялъ деньги. Пятьдесятъ рублей изъ нихъ отдалъ въ церковь за его здоровье, и пятьдесятъ рублей далъ сосѣду купить лошадь. У него была одна, и та издохла.

Съ той поры всѣ изъ нашего села стали продавать свой хлѣбъ одному этому купцу. Пріѣдемъ, бывало, къ нему, обрадуется намъ, какъ роднымъ; даетъ за хлѣбъ хорошую цѣну; лошадей нашихъ велитъ поставить у себя на дворѣ; насъ угощаетъ какъ у праздника; мнѣ, хозяйкѣ моей и дѣтямъ всякій разъ надаетъ подарковъ и гостинцевъ.

IV. «Въ одно время собрались мы въ дорогу. Съ вечера насыпали въ сани муки, увязали воза и согласились выѣзжать рано утромъ. Ночью, въ самый сонъ, слышу, стучатъ въ окно и кричатъ: «вставайте! горите! пожаръ!» Вскочили мы съ хозяйкой. Видимъ, кругомъ все занялось. Схватили ребятъ и выскочили въ томъ, въ чемъ спали. Оглянулся я назадъ, вижу: весь домъ и дворъ въ огнѣ и не помню, что тогда со мною было. Сосѣдъ Иванъ съ пожара насъ всѣхъ взялъ къ себѣ. А на другой день наши поѣхали въ Москву. Пріѣзжаютъ къ купцу. Онъ спрашиваетъ: «что же не пріѣхалъ Пахомъ Ивановичъ?» Наши говорятъ ему: «да съ нимъ несчастіе случилось, сгорѣлъ бѣдный: все у него погорѣло—и домъ, и хлѣбъ, и скотина, остался въ одной рубашкѣ».

«Черезъ недѣлю послѣ пожара сидѣлъ я подъ окномъ. Такъ мнѣ было грустно и тяжело, что мочи нѣтъ. Вижу, подъѣзжаютъ двѣ тройки, на передней сидитъ мой купецъ. Входитъ онъ въ избу, а за нимъ тащутъ узлы и мѣшки. Взглянулъ онъ на меня, заплакалъ, и я заплакалъ. Обнялъ меня и говоритъ: «не плачь, Пахомъ Ивановичъ, заживешь лучше прежняго; ты меня спасъ отъ смерти, и я спасу тебя. Родительское благословеніе твое сгорѣло, вотъ тебѣ отъ меня Божіе благословеніе»,—и подаетъ мнѣ образъ въ серебряной ризѣ и въ позолоченомъ кіотѣ; «а вотъ тебѣ хлѣбъ-соль»,—и сталъ класть на столъ бѣлые хлѣбы, а на лавку ставить запечатанныя бутылки; «а вотъ тебѣ одѣться и обуться»,—и наложилъ на другую лавку рубашекъ, сапоговъ, платковъ, ситцу, кафтановъ, полушубковъ, шапокъ и рукавицъ; «а вотъ тебѣ тысяча рублей на домъ, на хлѣбъ, на скотину и на всѣ домашнія потребности».

«Я стоялъ, какъ вкопанный, и не могъ выговорить ни слова: такъ онъ меня озадачилъ. Потомъ сталъ благодарить его. А онъ мнѣ говоритъ: «не благодари, пожалуйста, Пахомъ Ивановичъ, я у тебя всегда останусь въ долгу».

«На его деньги я построилъ этотъ домъ, купилъ лошадей, коровъ, овецъ и все нужное для хозяйства и еще осталось у меня денегъ. Если бы я не помогъ человѣку въ бѣдѣ, то навѣкъ остался бы нищимъ». *(Прот. Никольскій).*

18. „Христосъ воскресъ!"

I. Скажите мнѣ, отчего въ эту ночь воздухъ всегда такъ тепелъ и тихъ, отчего въ небѣ горятъ милліоны здѣздъ, отчего природа одѣвается радостью, отчего сердце у меня словно сад-

нитъ отъ полноты нахлынувшаго вдругъ веселія; отчего кровь приливаетъ къ горлу, и я чувствую, что меня какъ-будто поднимаетъ, какъ-будто уноситъ какою-то невидимою волною? «Христосъ воскресъ!» звучатъ колокола, вдругъ загудѣвшіе во всѣхъ углахъ города; «Христосъ воскресъ!» журчатъ ручьи, бѣгущіе съ горы въ оврагъ; «Христосъ воскресъ!» говорятъ шпили церквей, внезапно одѣвшіеся огнями; «Христосъ воскресъ!» привѣтливо шепчутъ вѣчные огни, горящіе въ глубокомъ, темномъ небѣ; «Христосъ воскресъ!» откликается мнѣ давно минувшее мое прошлое.

П. Я еще вчера явственно слышалъ, какъ жаворонокъ, только что прилетѣвшій съ юга, бойко и сладко пропѣлъ мнѣ эту радостную вѣсть, отъ которой сердце мое всегда билось какою-то чуткою надеждой. Я еще вчера видѣлъ, какъ добрая купчиха Пелагея Ивановна хлопотала и возилась, изготовляя несчетное множество куличей и пасхъ, окрашивая сотни яицъ и запекая въ тѣстѣ десятки окороковъ.

— Куда вамъ такое множество куличей, Пелагея Ивановна?— спросилъ я ее.

— И, батюшка, все изойдетъ для «несчастненькихъ!—отвѣчала она, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Ужасно люблю я Пелагею Ивановну. Это именно почтеннѣйшая женщина! «Несчастненькими» она называетъ арестантовъ, и, кажется, всю жизнь свою посвятила на то, чтобы какъ-нибудь усладить тѣсноту и суровость ихъ заключенія. Она не спрашиваетъ, кто этотъ арестантъ, которому рука ея подаетъ милостыню Христовымъ именемъ: разбойникъ ли онъ, воръ, или просто «прикосновенный». Въ глазахъ ея всѣ они просто—«несчастненькіе», и вотъ каждый воскресный день отправляются изъ ея дома цѣлыя вязки калачей, пуды говядины или рыбы, и «несчастненькіе» благословляютъ имя Пелагеи Ивановны, зовутъ ее «матушкой» и «кормилицей»... И я того мнѣнія, что если кто-нибудь на семъ свѣтѣ заслужилъ царствіе небесное, то конечно Пелагея Ивановна больше всѣхъ. *(М. Салтыковъ).*

19. Счастливый учитель.

Въ одномъ городѣ жилъ столѣтній старецъ учитель. Весь вѣкъ свой онъ не зналъ никакой роскоши и, забывая о себѣ, думалъ только о ближнихъ своихъ. Всѣ любили и глубоко уважали почтеннаго старца. Какъ то разъ встрѣтился съ нимъ одинъ богатый человѣкъ. Вотъ богачъ этотъ и говоритъ старику учителю:

«Я много слышалъ о вашей добротѣ, о вашей мудрости и давно собирался попросить васъ, чтобы вы научили меня, какъ достигнуть истиннаго счастья на землѣ. Скажите, Бога ради, какъ вы пріобрѣли тотъ душевный покой, безъ котораго невозможно прожить столько лѣтъ?»

Старецъ, подумавъ минутку, отвѣчалъ богачу: «Когда-то и я былъ молодъ, и мнѣ улыбалось то, что многіе называютъ счастіемъ: богатство, почести, слава. Я только и думалъ, какъ бы достигнуть такого счастья. Одинъ разъ я задумался объ этомъ и уснулъ. Вдругъ вижу во снѣ — стоитъ передо мною, въ бѣлой, какъ снѣгъ, блистающей одеждѣ, прекрасный юноша: «Ты хочешь найти счастье, такъ иди за мною!» сказалъ онъ мнѣ. Я всталъ и послѣдовалъ за нимъ. Онъ привелъ меня на какую-то высокую гору и говоритъ: «смотри вотъ туда!» Я сталъ вглядываться. Предъ глазами моими лежалъ прекрасный садъ, точно рай, а посреди сада возвышался роскошный дворецъ. Среди рѣдкихъ и дорогихъ цвѣтовъ и деревъ сада, извивались во всѣ стороны дорожки, усыпанныя золотистымъ пескомъ. Запахъ цвѣтовъ, чудныя пѣсни безчисленныхъ птицъ и звуки музыки разносились по всему саду. А за садомъ разстилались, убѣгая въ безконечную даль, прекрасныя нивы и богатѣйшіе луга. По дорожкамъ сада, взадъ и впередъ, ходилъ хозяинъ дворца, сада и всего окружающаго ихъ. Лицо его было пасмурно, глаза опущены въ землю. Сзади его шла толпа слугъ. Одинъ подносилъ ему дорогіе плоды, другой подавалъ самое лучшее вино. Но видно, богачу все было не по вкусу. Онъ едва дотронется губами до вина, взглянетъ на плоды, и тотчасъ отвернется, а лицо его искривится, точно отъ боли.

«Теперь пойдемъ въ другое мѣсто,» сказалъ мнѣ чудный проводникъ мой. Мы перешли на другую сторону горы. Тамъ я увидѣлъ лѣсъ, среди котораго, точно въ муравейникѣ, копошилось множество людей. Они занимались вырубкою и корчеваніемъ лѣса. Я сталъ слѣдить за работникомъ, который былъ ближе другихъ ко мнѣ. Потъ градомъ катился съ него. Руки его, не переставая ни на минуту, сыпали тяжелые удары топоромъ. Когда наступилъ полдень, онъ положилъ на время топоръ, вынулъ кусокъ чернаго, какъ земля, хлѣба, съ глубокимъ чувствомъ возвелъ очи къ небу и помолился Богу, сѣлъ на пень, и сталъ ѣсть съ такимъ удовольствіемъ, какъ будто онъ ѣлъ не вѣсть что. Поѣлъ, поблагодарилъ въ усердной молитвѣ Бога, передохнулъ и снова принялся за свою тяжелую работу. Во снѣ часы летѣли точно

минуты. Вотъ спустился на землю вечеръ. Работникъ сдалъ свою работу надсмотрщику и, получивъ отъ него немного денегъ, купилъ коровай хлѣба и пошелъ домой. Его маленькая, покосившаяся на бокъ, избушка стояла далеко, далеко, на горѣ. Навстрѣчу ему вышла жена и выбѣжали трое небольшихъ дѣтокъ. Весело подпрыгивая, дѣтки поздоровались съ отцомъ и стали просить у него хлѣба. Онъ досталъ ножикъ и отрѣзалъ имъ по ломтю хлѣба. Дѣти хватились за хлѣбъ, точно за какое лакомство. Казалось, не было никого счастливѣе ихъ, такъ какъ не каждый день имъ приходилось ѣсть хлѣбъ. Поѣвши хлѣба, они пришли и усѣлись всѣ возлѣ своей избушки. Дѣти обступили отца со всѣхъ сторонъ и руками своими обтирали потъ съ лица его. А отецъ, улыбаясь дѣткамъ, бралъ ихъ на колѣни и, цѣлуя и лаская ихъ, училъ любить Бога, дающаго хлѣбъ насущный. Вся семья была весела, довольна и вполнѣ счастлива.

«Теперь ты видишь», сказалъ мнѣ спутникъ мой: «покой душевный, довольство жизнію — дѣти любви. *Кто не трудится, чтобы сдѣлать другихъ возможно счастливѣе, тотъ самъ никогда не будетъ счастливъ.* Зарой его по самую шею въ золото, дай ему самыя лучшія кушанья и напитки, онъ все-таки не будетъ счастливъ. Если душа человѣка мертва, если человѣкъ, избѣгая полезнаго труда, предается праздности и удовольствіямъ, тѣлу его очень скоро надоѣстъ всякая роскошь и нѣга. Среди богатства, среди роскоши, совѣсть его нѣтъ-нѣтъ да и скажетъ ему: «я дармоѣдъ, я ѣмъ и пью чужой трудъ». Каждый бѣднякъ, будь онъ земледѣлецъ, ремесленникъ, поденщикъ, учитель, священникъ, солдатъ, который въ потѣ лица своего трудится для семьи и для ближнихъ своихъ, счастливѣе богача, забывающаго свои обязанности къ другимъ людямъ. Честный трудъ даетъ здоровье, крѣпитъ тѣло и ведетъ за собою довольство и покой душевный. Кто кормитъ свою родину трудами своими, тотъ спокойно и сладко спитъ на голой скамейкѣ, подложивъ кулакъ подъ голову; а праздный богачъ всю ночь ворочается на своей дорогой постели, тревожась за цѣлость своихъ богатствъ».

Сказавъ это, спутникъ мой исчезъ. Я проснулся и съ тѣхъ поръ перестал думать только о себѣ, о своемъ счастіи. Я рѣшилъ всю жизнь мою всѣми силами своими служить ближнимъ моимъ. Я добровольно избралъ себѣ учительство и этой святой обязанности отдался всѣмъ сердцемъ. Моимъ богатствомъ, моею роскошью были—мои ученики. Безъ учениковъ я не могъ жить, какъ безъ насущнаго хлѣба. Съ того времени прошло уже много

лѣтъ. И вотъ я вижу вокругъ себя богатые плоды моихъ трудовъ и вполнѣ счастливъ. «Хотите ли и вы найти счастье», заключилъ старецъ, обратившись къ внимательно слушавшему его богачу: «полюбите всѣмъ сердцемъ вашихъ ближнихъ: всѣхъ безпріютныхъ, заброшенныхъ сиротъ, всѣхъ бѣдныхъ вдовъ, будьте имъ отцемъ и братомъ; полюбите, по заповѣди Христовой, всѣхъ несчастныхъ, не жалѣйте имъ помощи; сдѣлайтесь благодѣтелемъ вашихъ ближнихъ, потрудитесь для нихъ и не только для ихъ временнаго благополучія, но и для вѣчнаго спасенія ихъ души, словомъ, наполните свою жизнь честнымъ трудомъ на пользу ближнихъ и во славу Божію — и вы найдете истинное счастіе—начинательное здѣсь и полное и совершенное въ будущей загробной жизни».

20. Монахъ изъ офицеровъ и деньщикъ.

Странствуя, встрѣтилъ я однажды въ губернскомъ городѣ К. бывшаго моего деньщика Афанасія, а съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ нимъ, было уже восемь лѣтъ. Нечаянно увидѣлъ меня онъ на базарѣ, узналъ, подбѣжалъ ко мнѣ, и, Боже, какъ обрадовался, такъ и кинулся ко мнѣ: «Батюшка, баринъ, вы ли это? Да неужто васъ вижу!» Повелъ меня къ себѣ.

Былъ уже онъ въ отставкѣ, женился, двухъ дѣтей младенцевъ уже прижилъ. Проживалъ съ супругой своей мелкимъ торгомъ на рынкѣ съ лотка. Комнатка у него бѣдная, но чистенькая, радостная. Усадилъ меня, самоваръ поставилъ, за женой послалъ, точно я праздникъ какой ему сдѣлалъ, у него появившись. Подвелъ ко мнѣ дѣтокъ: «благословите, батюшка!»

— Мнѣ ли благословлять, отвѣчаю ему, инокъ я простой и смиренный, Бога о нихъ я помолю, а о тебѣ, Афанасій Павловичъ, и всегда, на всякій день, Бога молю.

Онъ смотритъ на меня и все не можетъ представить, что я, прежній баринъ его, офицеръ, предъ нимъ теперь въ такомъ видѣ и въ такой одеждѣ: заплакалъ даже.

— Чего-же ты плачешь, говорю ему, незабвенный ты человѣкъ, лучше повеселись за меня душой, милый, ибо радостенъ и свѣтелъ путь мой.

Многаго не говорилъ, а все охалъ и качалъ на меня головой умиленно. «Гдѣ-же ваше, спрашиваетъ, богатство?» Отвѣчаю ему: «въ монастырь отдалъ, а живемъ мы въ общежитіи».

Послѣ чаю сталъ я прощатся съ нимъ, и вдругъ онъ вынесъ мнѣ полтину, жертву на монастырь, а другую полтину, смотрю,

суетъ мнѣ въ руку, торопится: «это ужъ вамъ,—говоритъ,—странному, путешествующему, пригодится вамъ, можетъ, батюшка». Принялъ его полтину, поклонился ему и супругѣ его и ушелъ обрадованный. И больше я ужъ съ тѣхъ поръ никогда не видалъ его. Былъ ему господинъ, а онъ мнѣ слуга, а теперь, какъ облобызались мы съ нимъ любовно и въ духовномъ умиленіи, межъ нами великое человѣческое единеніе произошло. (*Достоевскій*).

21. Красныя яблочки.

I. Жилъ въ Москвѣ одинъ купецъ, сколько богатый, столько же и благочестивый: каждому бѣдняку онъ старался помочь, никому не отказывалъ и въ деньгахъ, и въ добромъ совѣтѣ. Онъ пріютилъ одного безпомощнаго калѣку, кормилъ и одѣвалъ его. Умеръ добрый купецъ—и наслѣдники выгнали бѣдняка изъ теплаго угла на улицу. Съ горючими слезами пошелъ калѣка на могилу своего благодѣтеля и, вдоволь наплакавшись, тутъ же и уснулъ съ горя.

II. И вотъ является ему во снѣ покойный купецъ и спрашиваетъ: «О чемъ ты такъ плачешь, Степанъ Ильичъ?»—«Какъ же мнѣ не плакать, отвѣчаетъ тотъ, когда двери вашего дома для меня уже заперты? Какъ я теперь буду безъ васъ доживать свой вѣкъ?» Глубоко вздохнулъ явившійся и говоритъ ему: «если ужъ двери моего дома для тебя заперты, то иди въ четвертый домъ направо отъ моего магазина; тамъ есть купецъ (онъ назвалъ его по имени); ступай къ нему и скажи: «ради тѣхъ красныхъ яблочковъ, о которыхъ ты знаешь, дай мнѣ три тысячи рублей», и онъ тебѣ дастъ, и ихъ достанетъ на твой вѣкъ, только молись о моей душѣ.»

III. Проснулся Степанъ Ильичъ, перекрестился и побрелъ туда, куда ему было сказано. Приходитъ въ указанный магазинъ и застаетъ тамъ большую суету: кто мѣряетъ матерію, кто считаетъ деньги, кто записываетъ. Не безъ страха подошелъ онъ къ самому хозяину, который сидѣлъ за большимъ прилавкомъ и смотрѣлъ, какъ росло его богатство каждый часъ. Увидѣвъ калѣку, купецъ поднялся и привѣтливо подалъ ему монету. Ободренный его добротою, калѣка сказалъ ему, что видѣлъ онъ такой сонъ, который не смѣетъ даже разсказать, что приснился ему покойный его благодѣтель и сказалъ ему вотъ что.—Купецъ слушалъ калѣку со вниманіемъ, потомъ положилъ на себѣ крестное знаменіе и сказалъ: «не только три тысячи, но еслибы покой-

никъ велѣлъ дать тебѣ десять тысячъ ради красныхъ яблочковъ, и тогда я съ удовольствіемъ бы тебѣ далъ!» И онъ приказалъ прикащику тутъ же отсчитать три тысячи рублей. Никогда не видавшій у себя столько денегъ калѣка упалъ въ ноги купцу и сказалъ: «ни за что не возьму этихъ денегъ, пока вы не скажете мнѣ, что это за красныя яблочки, ради которыхъ вамъ не жаль такой суммы!»

IV. И купецъ разсказалъ ему вотъ что. «Въ молодости своей я былъ очень бѣденъ и торговалъ яблоками на копейки. Покойный часто покупалъ у меня яблоки, чтобы только доставить мнѣ пользу.

Разъ шелъ проливной дождь. Я промокъ до костей и очень прозябъ; продать во весь день не удалось ничего, такъ что вечеромъ не на что было купить и хлѣба. Иду по улицѣ и кричу: яблоки красныя—хорошія! Покойный увидалъ меня въ окно и позвалъ къ себѣ. Вхожу на дворъ—полонъ дворъ гостей: это былъ день его свадьбы. Идти въ палаты не смѣю, смотрю—онъ выходитъ самъ. «Бѣдный Николка, говоритъ онъ: что это ты въ такой дождь не сидишь дома?» Я сказалъ, что я еще не ѣлъ сегодня,—ничего не удалось продать. Онъ взялъ у меня корзину съ яблоками и говоритъ: «подожди тутъ!» А самъ пошелъ въ палаты. Тамъ всѣ гости окружили его съ вопросами: что это значитъ? А онъ говоритъ: «мы тутъ пируемъ, братцы—гости любезные, а торговецъ этими яблоками еще не ѣлъ сегодня и проситъ купить у него этотъ товаръ».—А что вы заплатили за него? спрашиваетъ одинъ богачъ.—«Сто рублей».—Это дешево, я даю 300! говоритъ гость.—«А я—500!» говоритъ другой: «надо помочь бѣдняку.»—Тогда покойникъ говоритъ имъ: «я уже раньше васъ купилъ,—не угодно ли у меня купить по 50 р. за яблочко?»—Хорошо! сказали гости—и золото посыпалось на столъ. Было 60 яблоковъ, и покойный вынесъ мнѣ за нихъ 3,000 рублей.

V. Со слезами радости и съ цѣлымъ кошелькомъ червонцевъ пошелъ я прямо въ церковь поблагодарить Бога за такое неслыханное счастье. «Не попусти мнѣ, Господи, загордиться,—такъ молился я тамъ,—подай мнѣ, Господи, смыслъ и умѣнье, какъ распорядиться этимъ добромъ честно, во славу Твою, на счастье себѣ и ближнимъ моимъ!» Вотъ съ чего разжился я, по милости Божіей; вотъ почему съ радостью даю и тебѣ три тысячи, чтобы онѣ съ моей руки такъ же умножились, какъ у меня съ руки покойнаго благодѣтеля! Вотъ тебѣ и объясненіе, что такое красныя яблочки!»

VI. Такъ заключилъ купецъ свой поучительный разсказъ.

(Извл. съ перед. слога изъ «Тр. Л.»).

22. Житель Аѳонской горы.

I. На Аѳонской горѣ жилъ ученый, благочестивый мужъ; смолоду онъ научился разнымъ наукамъ; зналъ цѣлебную силу травъ и кореньевъ; часто онъ ходилъ по хижинамъ бѣдныхъ людей, лѣчилъ больныхъ, утѣшалъ умирающихъ. И были ему отъ всѣхъ любовь и почетъ.

II. Однажды ту страну посѣтила страшная зараза—чума моровая. Люди заболѣвали, и многіе умирали; во всѣхъ хижинахъ были больные и отвсюду посылали за добрымъ и ученымъ лѣкаремъ, чтобы пришелъ онъ утѣшить и помочь страждущимъ.

III. Безъ устали ходилъ по больнымъ добрый лѣкарь и раздавалъ лѣкарство; иногда, когда могъ захватить болѣзнь во время, онъ вылѣчивалъ; но чаще безпечные люди присылали за лѣкаремъ тогда, когда ужъ больной былъ при послѣднемъ издыханіи, когда уже никакія лѣкарства помочь не могутъ, а неразумные люди упрекали и бранили добраго лѣкаря, какъ-будто онъ былъ виноватъ въ ихъ безпечности.

IV. Эти упреки оскорбили добраго лѣкаря; изнемогъ онъ и отъ усталости, и пришло ему на мысль: «зачѣмъ тружусь я для людей, да еще для неблагодарныхъ? зачѣмъ я жертвую собою для неразумныхъ, которые не считаютъ, кому я помогъ моимъ лѣкарствомъ, а только жалуются, что не вылѣчиваю полумертвыхъ? зачѣмъ я подвергаю себя опасности заразиться отъ больныхъ, мнѣ вовсе чужихъ? Останусь я спокойно на горѣ: чума сюда не заходитъ; а тамъ, внизу, пусть заболѣваютъ неразумные—мнѣ дѣла нѣтъ; ихъ вина».

V. Въ этихъ мысляхъ онъ пошелъ на гору; вдругъ видитъ онъ, невдалекѣ, растетъ прекрасный цвѣтокъ, и такой онъ красивый! и такой отъ него запахъ!

«Вотъ, подумалъ лѣкарь, и цвѣтокъ меня тому же научаетъ, растетъ онъ здѣсь, на горѣ, красуется, и ни до кого ему нѣтъ дѣла; ему здѣсь хорошо: вѣтерокъ повѣваетъ, солнышко грѣетъ, роса обливаетъ; и растетъ онъ здѣсь не кому другому, а только себѣ на радость. Такъ буду и я жить, думать только о себѣ, а о другихъ не заботиться».

VI. Между-тѣмъ онъ наклонился надъ цвѣткомъ, чтобы лучше его разглядѣть. Смотритъ: внутри цвѣтка—мертвая пчела: соби-

рая медъ и цвѣточную пыль, она ослабѣла, прилипла къ цвѣтку и замерла.

Лѣкарь посмотрѣлъ, подумалъ, и краска стыда выступила у него на лицѣ; «Боже!» сказалъ онъ, «прости меня за мое уныніе и неразуміе! По Твоей волѣ набрелъ я на этотъ цвѣтокъ, чтобы простое насѣкомое пристыдило меня. Для кого трудилась эта пчела, для кого собирала медъ? не для себя, а для другихъ. Также какъ и мнѣ, ей никто не скажетъ спасибо; также какъ и меня, ее всякій гналъ, а между тѣмъ она все трудилась и на трудѣ свою жизнь положила. Прости, Господи! мое уныніе и неразуміе. Умудри и меня, какъ Ты умудрилъ пчелу — медоносицу»!

И снова началъ лѣкарь собирать цѣлебныя травы, и снова до пота лица сталъ ходить по хижинамъ и помогать больнымъ, утѣшать умирающихъ. *(Кн. В. Ѳ. Одоевскій).*

23. Братская помощь.

I. Воскресенье въ деревнѣ (18 іюля 1876 г.). Сельская церковь полна молящихся. Старичекъ священникъ, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ, говоритъ съ амвона обступившимъ его прихожанамъ о безчеловѣчныхъ мученіяхъ, которыя терпятъ славяне отъ турокъ...

Въ церкви безмолвная тишина. Изрѣдка слышатся глубокіе вздохи; на глазахъ у многихъ слушателей блестятъ слезы... «Спаси, Господи, и помилуй!» шепчутъ женщины и крестятся.

— «Помогите, православные, страждущимъ братьямъ!» такъ кончилъ священникъ свое слово.

II. Храмъ огласился рыданіями. Толпа заволновалась... По мѣдной тарелкѣ, вынесенной дьячкомъ изъ алтаря и положенной на столикъ, зазвучали копейки, пятаки и серебряныя монеты.

Вонъ женщина положила на тарелку полотенце съ красной каймой, другая платокъ, третья указывая на тарелку, суетъ въ руку что-то пятилѣтней дочуркѣ; дѣвочка побѣжала къ столику и положила на тарелку серебряный перстенекъ.

Старый солдатъ снимаетъ съ груди Георгіевскій крестъ и несетъ туда же, на общій жертвенникъ братской любви къ роднымъ страдальцамъ...

Въ короткое время столъ заваленъ былъ полотенцами, платками, холстами. Святая жертва!...

III. Золотое сердце у тебя, нашъ родной русскій народъ!... Скудна природа, тебя окружающая; трудно достается тебѣ твой

черствый хлѣбъ; дымна и холодна твоя курная избушка. Но ты всегда былъ печальникомъ, защитникомъ слабаго, обездоленнаго. Всѣ сказки, что тобой сказаны, сложены въ защиту — утѣху сироты бездомнаго, люда горемычнаго, безталаннаго. Противно тебѣ всякое лукавство и двоедушіе. Ненавистны тебѣ люди гордые, ехидные: змѣи - горынычи, бабы-яги, лютыя свекрови, злыя мачехи... Сираго, убогаго ты къ сердцу жмешь и грѣешь: гонимымъ сироткамъ—Марьюшкамъ, обижаемымъ дурачкамъ—Иванушкамъ даришь ты вѣнцы царскіе, строишь дворцы—терема хрустальные, посреди садовъ съ золотыми рѣшетками, на деревьяхъ тамъ растутъ золотыя яблоки, распѣваютъ—поютъ птицы райскія...

IV. Золотое сердце у тебя, нашъ родной русскій народъ!

Въ рабствѣ спасенное,
Сердце свободное,
Золото, золото
Сердце народное!
Спитъ, словно мертвая,
Русь недвижимая...
А загорится въ ней
Искра незримая—
Встали не бужены,
Вышли не прошены;
Жита по зернышку
Горы наношены.
Рать подымается
Неисчислимая,
Сила въ ней скажется
Несокрушимая!..

(*Изъ «Родины» Радонежскаго*).

24. Царская награда за геройскій подвигъ дѣвочки.

I. Осенью 1887 года въ Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ, по Воскресенской улицѣ, на огородномъ мѣстѣ, шестилѣтній мальчикъ Димитрій, играя, забросилъ палку въ колодезь, имѣющій пять аршинъ глубины, какъ это потомъ было вымѣрено. Желая достать палку, мальчикъ и самъ упалъ въ колодезь и пошелъ ко дну. Собралось нѣсколько человѣкъ народа и, въ числѣ прочихъ, дѣвочка 14 лѣтъ. Она быстро сбросила съ себя платье и въ одной рубашкѣ нырнула въ колодезь; но эта попытка оказалась безуспѣшною: дѣвочка вынырнула, едва не задохнувшись; однако еще три раза нырнула въ этотъ колодезь, несмотря на то, что онъ былъ наполненъ грязной, вонючей жидкостью, служившею для поливки огорода, для чего туда сбрасывалась всякая дрянь. Наконецъ, самоотверженной дѣвочкѣ удалось вытащить мальчика, который общими усиліями собравшагося народа былъ приведенъ въ чувство и только сдѣлался боленъ. Дѣвочка также захворала.

II. О такомъ подвигѣ самоотверженія было представлено Его Императорскому Величеству, и Государь Императоръ въ 20-й день

сентября 1887 года Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: шлиссельбургской мѣщанкѣ, 14-ти-лѣтней дѣвочкѣ Анисьѣ Никифоровой, за оказанный ею подвигъ самоотверженія, кромѣ награжденія ея серебряною медалью, съ надписью: «За спасеніе погибавшихъ», и выдачи ей 25 руб. единовременнаго пособія,—производить, впредь до выхода ея въ замужество, ежемѣсячное, изъ суммъ Его Величества, денежное пособіе по 5 р. и затѣмъ при выходѣ въ замужество отпустить единовременно на приданое 200 рублей.

III. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что эта дѣвочка не имѣетъ отца и живетъ при матери, которая существуетъ продажею молочныхъ скоповъ, перебиваясь кое-какъ. Петербургская городская дума постановила позаботиться о воспитаніи этой дѣвочки въ какомъ-либо городскомъ учебномъ заведеніи.

(*Изъ «Сельск. Вѣст.» за 1887 г.*).

25. Подвигъ безстрашія и человѣколюбія казака Василія Грабъ.

14-го апрѣля 1824 года, Ямбурскаго уѣзда, въ деревнѣ Кобылякахъ, загорѣлась ночью изба крестьянина Семена Николаева, котораго на бѣду не было дома, а хозяйка такъ перепугалась, что едва только сама успѣла выскочить изъ огня, а своихъ двоихъ дѣтей выхватить не успѣла. Крестьяне сбѣжались и принялись тушить пожаръ. Въ это время случился въ деревнѣ и прибѣжалъ на пожаръ казакъ 7-го Черноморскаго эскадрона, Василій Грабъ. Весь домъ былъ въ огнѣ, а малютки, которыхъ уже душилъ дымъ и припекалъ жаръ, испускали отчаянный крикъ. Грабъ кинулся въ огонь, вскочилъ въ окно, схватилъ обоихъ дѣтей и съ ними выскочилъ изъ горѣвшаго дома живъ и здоровъ. Страшно было видѣть, какъ Грабъ полѣзъ въ огонь: всѣ полагали, что онъ найдетъ себѣ тамъ вѣрную смерть, но казакъ полѣзъ въ огонь съ молитвою и вынесъ младенцевъ невредимыми: Господь помиловалъ его и ихъ. Государь Императоръ за славное дѣло это пожаловалъ казаку Грабъ медаль съ надписью: «За спасеніе погибавшихъ» и пятьсотъ рублей денегъ.

(*Изъ журн. «Досугъ и Дѣло»*).

26. Чудный домикъ.

Чудный я знаю домикъ и съ полнымъ хозяйствомъ. Есть въ немъ мельничка, есть въ немъ и кухня, гдѣ день и ночь готовится теплая пища. Въ этомъ домикѣ множество ходовъ и пе-

реходовъ, и проворные маленькіе слуги разносятъ по нимъ теплую пищу во всѣ уголки дома. Есть въ этомъ домѣ неугомонный распорядитель. Ни днемъ, ни ночью не засыпаетъ онъ ни на минуту: все тукъ, да тукъ, и гонитъ проворныхъ слугъ во всѣ углы дома, гдѣ только спрашивается пища, питье и тепло. Есть въ этомъ домѣ обширная горница, куда свободно входитъ чистый воздухъ; есть два свѣтлыя окошечка съ подвижными ставеньками: ночью эти ставеньки запираются, днемъ отпираются. Въ домикѣ живетъ невидимая хозяйка. Хоть .этой хозяйки и не видно, но она все знаетъ, всѣмъ распоряжается и все оживляетъ; для нея то и хлопочетъ распорядитель, для нея-т о и работаютъ маленькіе слуги, она-то и смотрится въ свѣтлыя окошечки, подымаетъ и опускаетъ ставеньки; ея невидимые глаза—мысли далеко видятъ. Уйдетъ хозяйка изъ дому—и все заснетъ, замолкнетъ, обезсилитъ. Распорядитель перестанетъ стучать, слуги остановятся въ переходахъ и во всемъ домикѣ станетъ тихо, пусто и холодно, а ставеньки на вѣки закроютъ окошечки.

Изъясненіе. Домикъ—человѣкъ. Мельничка—зубы. Кухня—желудокъ. Неугомонный распорядитель—сердце. Обширная горница—ротъ, дыхательное горло и легкія. Два свѣтлыя окошечка—глаза. Невидимая хозяйка—душа человѣка. Уходъ хозяйки изъ дому—смерть человѣка.

27. Цѣна души человѣческой.

Когда императоръ Ѳеодосій узналъ, что жители Антіохіи влачили по грязи статую его супруги, то онъ приказалъ разрушить городъ. Что сдѣлаетъ Богъ намъ, если мы грѣхомъ оскверняемъ душу—Его образъ и храмъ?

Хотите ли знать цѣну вашей души? Посмотрите на цѣну искупленія: не золото цѣлаго міра, не міръ весь, со всѣмъ, что въ немъ есть, но самъ Богъ былъ цѣною нашего выкупа (Златоустъ).

Одинъ святой мужъ, при видѣ прекрасной и роскошно одѣтой женщины, горько заплакалъ и сказалъ: «Она сдѣлала для украшенія своего смертнаго тѣла болѣе, чѣмъ я для моей безсмертной души».

(Дух. Цвѣтн.)

28. Велика вещь человѣкъ! (Пр. Сол. XX, 6).

Такъ велика, что самъ великій Цѣнитель и Судія всяческихъ ставилъ ее выше всѣхъ вещей въ мірѣ. *Кая польза человѣку*, говорилъ Онъ, *аще пріобрящетъ міръ весь, душу же свою отщетитъ? (т. е. душу свою погубитъ).*

Велика вещь человѣкъ, потому что вещь эта произошла отъ Величайшаго, вслѣдствіе великаго совѣта, и стоила не мало. И *рече Богъ: сотворимъ человѣка* (Быт. 1, 26). И *созда Богъ человѣка, персть воземъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни* (Быт. 11, 7).

Велика вещь человѣкъ, потому что вещь эта имѣетъ величайшее значеніе и чрезвычайно много заключаетъ въ себѣ. И *сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его* (Быт. 1, 27).

Велика вещь человѣкъ, потому что предназначена для великихъ цѣлей. *Сотвори Богъ человѣка... да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными, и скотами, и всею землею, и всѣми гады пресмыкающимися по земли* (Быт. 1, 26).

Велика вещь человѣкъ, потому и паденіе этой вещи превратило и опрокинуло за собою все. *Вѣмы, яко вся тварь совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ съ нами даже до нынѣ. Суетѣ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю* (человѣка) (Рим. 8, 20—22).

А какъ цѣнится эта великая вещь у самихъ человѣковъ? Чему не подчиняется? На что не мѣняется?

Человѣкъ подобенъ сыну и наслѣднику великаго царя, который, находясь съ малолѣтства въ изгнаніи, забылъ о своемъ великомъ происхожденіи и столь же великомъ предназначеніи.

Посему первый и послѣдній урокъ человѣку долженъ быть: *познай самого себя!..* (В. В. IV. 267).

29. Человѣкъ и верблюдъ. (Аллегорія) [1]).

Верблюдъ.

I. Чрезъ степь однажды велъ верблюда путникъ; вдругъ верблюдъ озлился, началъ страшно фыркать, храпѣть, бросаться; путникъ испугался и побѣжалъ; верблюдъ за нимъ. Куда укрыться? Степь пуста. Но вотъ увидѣлъ у самой онъ дороги водоемъ ужасной глубины, но безъ воды. Изъ нѣдра темнаго его торчали вѣтвями длинными кусты малины, разросшейся межъ трещинами стѣнъ, покрытыхъ мохомъ старины. Въ него, гонимый бѣшенымъ верблюдомъ, путникъ въ испугѣ прянулъ: онъ за гибкій сукъ малины ухватился и повисъ надъ тем-

1) Аллегорія—иносказаніе, т. е. разсказъ, въ которомъ подъ видомъ однихъ предметовъ и лицъ нужно понимать другіе предметы и лица.

ной бездной. Голову поднявъ, увидѣлъ онъ разинутую пасть верблюда надъ собой: его схватить рвался ужасный звѣрь. Онъ опустилъ глаза ко дну пустого водоема: тамъ змѣй ворочался и на него зіялъ голоднымъ зѣвомъ, ожидая, что онъ, съ куста сорвавшись, упадетъ. Такъ онъ и висѣлъ на гибкой тонкой вѣткѣ межъ двухъ погибелей. И что жъ еще ему представилось? Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ кустъ малины (за который онъ держался) корнемъ въ землю сквозь проломъ стѣны состарѣвшейся водоема входилъ,—двѣ мыши, бѣлая одна, другая черная, сидѣли рядомъ на корнѣ, и его поочередно съ большою жадностію грызли, землю со всѣхъ сторонъ скребли и обнажали всѣ вѣтви корня, а когда земля шумѣла, падая на дно, оттуда выглядывалъ проворно змѣй, какъ будто спѣша провѣдать, скоро-ль мыши корень перегрызутъ, и скоро-ль съ ношей кустъ къ нему на дно обрушится. Но что же? Вися надъ этимъ страшнымъ дномъ, безъ всякой надежды на спасенье, вдругъ увидѣлъ на ближней вѣткѣ путникъ много ягодъ малины, зрѣлыхъ, крупныхъ; сильное желаніе полакомиться ими зажглося въ немъ; онъ все тутъ позабылъ: и грознаго верблюда надъ собою, и подъ собою на днѣ далекомъ змѣя, и двухъ мышей коварную работу: оставилъ онъ вверху храпѣть верблюда, внизу зіять голодной пастью змѣя, и въ сторонѣ грызть корень и копаться въ землѣ мышей, а самъ, рукой добравшись до ягодъ, началъ ихъ спокойно рвать и ѣсть,— и страхъ его пропалъ...

II. Ты спросишь, кто этотъ жалкій путникъ?—человѣкъ. Пустыня же съ водоемомъ—свѣтъ; а путь черезъ пустыню—наша жизнь земная; гонящійся за путникомъ верблюдъ есть врагъ души, тревогъ создатель—грѣхъ. Намъ гибелью грозитъ онъ; мы жъ безпечно на вѣткѣ трепетной висимъ надъ бездной, гдѣ въ темнотѣ могильной скрыта смерть—тотъ змѣй, который, пасть разинувъ, ждетъ, чтобъ вѣтка тонкая переломилась. А мыши? Ихъ названье день и ночь: безъ отдыха, смѣняяся, онѣ работаютъ, чтобы сукъ твой, вѣтку жизни, которая межъ смертію и свѣтомъ тебя невѣрно держитъ, перегрызть: прилежно черная грызетъ всю ночь, прилежно бѣлая грызетъ весь день; а ты, прельщенный ягодой душистой, усладой чувствъ, желаній утоленьемъ, забылъ и грѣхъ—верблюда въ вышинѣ, и смерть—внизу зіяющаго змѣя, и быструю работу дня и ночи—мышей, грызущихъ тонкій корень жизни; ты все забылъ—тебя манитъ одно невѣрное минуты наслажденье. Вотъ свѣтъ и жизнь, и смертный человѣкъ! *(Жуковскій).*

30. Притча о дубовой бочкѣ.

I. Выросъ въ лѣсу, въ зеленой дубравѣ, дубъ, безъ малаго въ обхватъ толщины, и сталъ онъ старѣться, дряблѣть. Пришелъ хозяинъ, срубилъ его и отдалъ въ руки мастеру; мастеръ распилилъ дубъ на доски, изъ досокъ подѣлалъ клепки, собралъ ихъ, связалъ обручами, вставилъ по дну въ уторы—и вышла бочка. За бочку эту люди даютъ три цѣлковыхъ; въ бочкѣ этой люди воду возятъ; на бочку кто ни посмотритъ, говоритъ, что сработана хорошо, и мастеру на славу и добрымъ людямъ на нужду, и что безъ бочки нельзя жить хозяйствомъ; нельзя жить безъ воды, а возить ее не близко: ведрами не наносишься.

II. Все бы это хорошо, да бочка наша какъ-то разсохлась и разсыпалась. Хозяинъ ли не доглядѣлъ, сами-ль клепки между собою повздорили да вмѣстѣ жить раздумали—не знаю; да только разсыпалась бочка вся. Ребятишки растаскали обручи, стали катать ихъ по улицамъ и погонять хворостиной; клепки, подъ ногами навалявшись, пошли то въ печь, то подъ лавку, а о бочкѣ и помину не стало, словно ея и на свѣтѣ не бывало.

III. Въ притчѣ этой рѣчь идетъ вотъ къ чему: дубъ — это православный прадѣдъ твой; клепки—все его сѣмя: и малъ и великъ; обручи—честь и смиреніе и доброе согласіе, которое держитъ и живитъ, и питаетъ односемьянъ: покуда клепки держались обручами, а цѣлая семья добрымъ согласіемъ, въ одномъ кружкѣ, потуда все было хорошо, а какъ разсыпались клепки врозь, какъ не стало добраго согласія въ семьѣ, такъ всѣ пропали порознь, и слуху объ нихъ не стало. *(В. Даль).*

31. Разсказъ мужика о томъ, за что онъ старшаго брата своего любитъ.

Я и такъ брата люблю, а больше за то, что онъ за меня въ солдаты пошелъ. Вотъ какъ было дѣло: стали бросать жеребій. Жеребій палъ на меня, мнѣ надо было итти въ солдаты, а я тогда недѣлю какъ женился. Не хотѣлось мнѣ отъ молодой жены уходить.

Матушка стала выть и говоритъ: «какъ Петрушкѣ итти, онъ молодъ». Дѣлать было нечего, стали меня собирать. Сшила мнѣ жена рубахи, собрала мнѣ денегъ, и на завтра надо было итти на ставку въ городъ. Матушка убивалась — плакала, а я какъ подумаю, что итти надо, такъ сердце сожмется, точно на смерть иду.

Собрались мы ввечеру всѣ ужинать. Никому и ѣсть не хотѣлось. Старшій братъ, Николай, лежалъ на печи и все молчалъ. Молодайка моя выла. Отецъ сидѣлъ сердитый. Какъ матушка поставила на столъ кашу, такъ никто ее и не тронулъ. Матушка стала звать Николая съ печи ужинать. Онъ сошелъ, перекрестился, сѣлъ у стола, да и говоритъ: «не убивайся, матушка. Я пойду за Петрушку въ солдаты, я старше его. Авось не пропаду. Отслужу, да и приду домой. А ты, Петръ, безъ меня покой батюшку съ матушкой и жену мою не обижай». Я обрадовался, матушка тоже перестала убиваться, стали собирать Николая. По утру, когда я проснулся, какъ пораздумалъ, что за меня братъ идетъ, стало мнѣ тошно. Я и говорю: «не ходи, Николай, мой чередъ, я и пойду». А онъ молчитъ и собирается. И я собираюсь. Пошли мы оба въ городъ на ставку. Онъ становится, и я становлюсь. Оба мы ребята хорошіе, стоимъ—ждемъ, не бракуютъ насъ. Старшій братъ посмотрѣлъ на меня—усмѣхнулся и говоритъ: «будетъ, Петръ, ступай домой. Да не скучайте по мнѣ, я своей охотой иду». Заплакалъ я и пошелъ домой. А теперь какъ вспомню про брата, кажется бы жизнь за него отдалъ. *(Гр. Л. Толстой).*

32. Примѣръ сыновней любви.

I. Въ царствованіе Петра Великаго стольникъ [1]) Желябужскій сдѣлалъ важное преступленіе, за которое законы осуждали его на смертную казнь. Судъ приговорилъ его къ положенному законами наказанію, и смертный приговоръ былъ уже подписанъ государемъ. Несчастный долженъ былъ готовиться къ неминуемой смерти. Никакихъ средствъ не было къ его спасенію. Но онъ имѣлъ у себя сына, который съ самыхъ юныхъ лѣтъ отличался нѣжною любовію къ родителямъ.

II. Молодой человѣкъ, пораженный несчастіемъ отца и безчестіемъ, которое падало на все семейство его, рѣшился пожертвовать своею жизнію за спасеніе родителя. Встрѣтивъ государя, при выходѣ его изъ дворца, онъ падаетъ къ ногамъ его и съ рыданіемъ говоритъ: «Государь! Отецъ мой нарушилъ долгъ свой противъ Бога и отечества и приговоренъ къ смертной казни. Не смѣю роптать на приговоръ твой, но дерзаю прибѣгнуть къ твоему милосердію. Повели, великій государь, вмѣсто отца моего

1) Стольникъ—придворный чиновникъ, имѣвшій смотрѣніе за царскимъ столомъ.

предать казни меня. Я съ радостію жертвую жизнію за виновника моей жизни. Государь! Не откажи мнѣ въ моемъ сердечномъ желаніи заплатить отцу за воспитаніе, избавить мать отъ потери мужа, братьевъ и сестеръ отъ сиротства, и все потомство отъ поношенія».

Императоръ Петръ Великій.

III. Государь, тронутый до слезъ горячею любовію нѣжнаго сына, поднялъ его и, поцѣловавъ, сказалъ: «За воспитаніе такого сына, какъ ты, прощаю отца твоего и возвращаю его тебѣ и всему вашему семейству. Сверхъ того, жалую тебя чиномъ и мѣстомъ, которое занималъ отецъ твой, въ полной увѣренности, что ты лучше его будешь исполнять должность, на тебя возлагаемую». *(Ист. Вѣстн.)*.

33. Казачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою,
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
Самъ узнаешь, будетъ время,
Бранное [1]) житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье!
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью!..
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь съ виду—
И казакъ душой,
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой.
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать,
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой.

---

1) Бранный—военный.

Да, готовясь въ бой[2]) опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

(*Лермонтовъ*).

34. Мать и дитя.

Комнату лампада слабо озаряла,
Мать, надъ колыбелью наклонясь, стояла.
А въ саду сердито выла буря злая,
Подъ окномъ деревья темныя качая.
На малютку сына нѣжно мать глядѣла,
Колыбель качая, тихо пѣсню пѣла:
«Ахъ, уймись ты, буря! Не шумите, ели!
Мой малютка дремлетъ сладко въ колыбели.
Ты, гроза Господня, не буди ребенка!
Пронеситесь, тучи черныя, сторонкой!
Спи, дитя, спокойно!.. Вотъ гроза стихаетъ:
Матери молитва сонъ твой охраняетъ.
Завтра, какъ проснешься и откроешь глазки,
Снова встрѣтишь солнце, и любовь, и ласки».

(*А. Плещеевъ*).

35. Сердце матери.

„Ты, родима моя матушка!
Въ день-денна моя печальница,
Въ ночь—ночная богомолица!“

(*Народ. пѣсня*).

I. Такъ поетъ русская вылившаяся изъ глубины сердца пѣсня. «Нѣтъ такого дружка, какъ родима матушка», говоритъ умная наша пословица. Кто такъ искренно, какъ мать, порадуется нашему счастію и раздѣлитъ наше горе? Чье сердце одинаково горитъ любовью и къ чаду разумному, и къ дѣтищу безталанному? Къ послѣднему душа матери лежитъ еще больше, нежели къ первому; прижимаетъ мать къ своей груди уродливое, неудавшееся чадо и молится о немъ еще больше, еще жарче.

II. Въ пѣснѣ говорится: «Посреди поля чистаго, подъ ракитовымъ кустомъ лежитъ избитъ, израненъ, исколотъ добрый молодецъ. Что не ласточки, не касаточки вкругъ тепла гнѣзда увиваются—увивается тутъ родна матушка; она плачетъ, какъ рѣка льется; а родна сестра плачетъ, какъ ручей течетъ; молодая жена плачетъ, какъ роса падетъ; солнышко взойдетъ—росу высушитъ»... Ручей лѣтомъ пересыхаетъ—горе сестры скоротечно; слезы жены, подобно росѣ, непродолжительны; но рѣка

2) Бой—битва, сраженіе.

не перестанетъ течь,—мать до гробовой доски будетъ оплакивать смерть своихъ дѣтей...

Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но въ мірѣ есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ;

Ей не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

III. Пройдутъ года, десятки лѣтъ послѣ смерти сына или дочери, а старушка-мать все теплитъ лампадку предъ образомъ, все шепчутъ ея уста дорогое имя и слезы влажатъ тусклыя, старческія очи.

Родимая матушка, дѣти, денная печальница о васъ, ночная богомолица! Отвѣчайте же ей взаимной любовью, благодарностію; окружите старость ея попеченіями, и благословеніе Божіе почіетъ на васъ. (*Изъ «Родины» Радонежскаго*).

36. Материнская любовь.

I. Моя мать, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ города К., *) заставила моего дядьку, Евсеича, побожиться передъ образомъ, что онъ увѣдомитъ ее, если я сдѣлаюсь боленъ. Онъ исполнилъ свое обѣщаніе: одинъ изъ грамотныхъ дядекъ написалъ ему письмо, въ которомъ, безъ всякой осторожности и даже несправедливо, онъ извѣщалъ, что молодой баринъ боленъ падучею болѣзнію, и что его отдали въ больницу. Можно себѣ представить, какимъ громовымъ ударомъ разразилось это письмо надъ моимъ отцомъ и матерью. Письмо шло довольно долго и пришло въ деревню во время совершенной распутицы, о которой около Москвы не могутъ имѣть и понятія: дорога прорывалась на каждомъ шагу, и во всякомъ долочкѣ была зажара, т. е. снѣгъ, насыщенный водою: ѣхать почти было невозможно. Но мать мою ничто удержать не могло; она выѣхала въ тотъ же день въ К. съ своей Парашей и молодымъ мужемъ ея, Ѳеодоромъ.

II. Ѣхала мать день и ночь на перемѣнныхъ крестьянскихъ некованыхъ лошадяхъ, въ простыхъ крестьянскихъ саняхъ, въ одну лошадь. Всѣхъ саней было четверо: въ трехъ сидѣло по одному человѣку безъ всякой поклажи, которая вся помѣщалась на четвертыхъ саняхъ. Только такимъ образомъ была какая-нибудь возможность подвигаться шагъ за шагомъ впередъ, и то пользуясь морозными утренниками, которые на этотъ разъ продолжались, по счастію, до половины апрѣля. Въ десять дней до-

*) К.—Г. г. Казань.

тащилась моя мать до большого села, Мурзихи, на берегу Камы; здѣсь пошла уже большая почтовая дорога, крѣпче уѣзженная, и потому ѣхать по ней представлялось болѣе возможности; но за то изъ Мурзихи надобно было переѣхать черезъ Каму. Кама еще не прошла, но надулась и посинѣла; наканунѣ перенесли черезъ нее на рукахъ почту; но въ ночь пошелъ дождь, и никто не согласился переправить мою мать и ея спутниковъ на другую сторону. Мать моя должна была ночевать въ Мурзихѣ. Боясь каждой минуты промедленія, она сама ходила изъ дому въ домъ по деревнѣ и умоляла добрыхъ людей помочь ей, разсказывала свое горе и предлагала въ вознагражденіе все, что имѣла. Нашлись добрые и смѣлые люди, понимавшіе материнское сердце; они обѣщали ей, что, если дождь въ ночь уймется и къ утру хоть крошечку подморозитъ, они берутся благополучно доставить ее на ту сторону и возьмутъ то, что она пожалуетъ имъ за труды.

III. До самой зари молилась мать моя, стоя въ углу на колѣняхъ передъ образомъ той избы, гдѣ провела ночь. Теплая материнская молитва была услышана: вѣтеръ разогналъ облака, и къ утру морозъ высушилъ дорогу и тонкимъ льдомъ затянулъ лужи. На зарѣ шестеро молодцевъ, рыбаковъ по промыслу, каждый съ шестомъ или багромъ, перекрестясь на церковный крестъ, взяли подъ руки обѣихъ женщинъ, обутыхъ въ мужскіе сапоги, дали шестъ Ѳедору и отправились, пустивъ впередъ самаго расторопнаго изъ своихъ товарищей для ощупыванія дороги. Дорога лежала вкось, и надобно было пройти около трехъ верстъ.

IV. Переходъ черезъ огромную рѣку въ такое время такъ страшенъ, что только привычный человѣкъ можетъ совершить его, не теряя бодрости и присутствія духа. Ѳедоръ и Параша просто ревѣли, прощались съ бѣлымъ свѣтомъ и со всѣми родными, и въ иныхъ мѣстахъ надобно было силою заставлять ихъ итти впередъ; но мать моя съ каждымъ шагомъ становилась бодрѣе и веселѣе. Провожатые поглядывали на нее и привѣтливо потряхивали головами. Надобно было обходить полыньи, перебираться по сложеннымъ вмѣстѣ шестамъ черезъ трещины; мать моя нигдѣ не хотѣла сѣсть на чуманъ (нѣчто вродѣ легкихъ санокъ), и только тогда, когда дорога, подошедъ къ противоположной сторонѣ, пошла возлѣ ямского берега по мелкому мѣсту, когда вся опасность миновалась, она почувствовала слабость; сейчасъ постлали на чуманъ мѣховое одѣяло, положили подушки, мать легла на него, какъ на постель, и почти лишилась чувствъ: въ такомъ поло-

женіи дотащили ее до самаго двора въ Шуранѣ. Мать моя дала сто рублей своимъ провожатымъ, т. е. половину своихъ денегъ, но честные люди не захотѣли воспользоваться: они взяли по синенькой на брата (по пяти рублей ассигнаціями). Съ изумленіемъ слушая изъявленіе горячей благодарности и благословенія моей матери, они сказали ей на прощанье: «дай вамъ Богъ благополучно доѣхать», и немедленно отправились домой, потому что мѣшкать было некогда: рѣка прошла на другой день. Все это подробно разсказала мнѣ Параша. Изъ Шурана, въ двое сутокъ, мать моя доѣхала до К., остановилась гдѣ-то на постояломъ дворѣ и чрезъ полчаса была въ гимназіи, гдѣ я жилъ. (*С. Аксаковъ*).

37. Родительское благословеніе.

Дорожите, дѣти, благословеніемъ родительскимъ, если хотите, да благо вамъ будетъ и да долголѣтны будете на земли! Дорожите этимъ сокровищемъ, котораго никто и никогда не можетъ похитить у васъ! Съ благословеніемъ родительскимъ никакія бѣды и напасти не страшны будутъ вамъ; съ нимъ и въ счастьѣ-довольствѣ вы не забудетесь. Не даромъ говоритъ мудрая пословица: «родительское благословеніе со дна моря достанетъ,—оно въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ». *Въ родительскомъ благословеніи дѣйствуетъ благословеніе Самого Бога.* Самъ Богъ—Отецъ Небесный, сотворивъ нашихъ праотцевъ, благословилъ ихъ Своимъ Отеческимъ благословеніемъ (Быт. 1, 28) и опредѣлилъ, чтобы *благословеніе отчее утверждало домы чадъ* (Сир. 3, 9).

Къ несчастію, не всѣ дѣти знаютъ цѣну этого великаго сокровища. Есть дѣти, которые ни во что ставятъ родительское благословеніе и за то лишаются Божія благословенія. Вотъ поучительный разсказъ изъ недавнихъ временъ,—разсказъ, свидѣтельствующій, какъ дѣти должны дорожить самымъ *знаменіемъ родительскаго благословенія—св. иконою*, какова бы она ни была по внѣшнему виду. Молодой человѣкъ, сынъ одной благочестивой помѣщицы, отправлялся на службу въ Петербургъ. Мать при отъѣздѣ благословила его Ахтырскою иконою Божіей Матери. Икона была простая, безъ ризы, на видъ невзрачная, темная, какъ обыкновенно эта икона рисуется. Было уже лѣто около того времени, какъ празднуется въ честь Ахтырской иконы Божіей Матери, т. е. въ іюлѣ мѣсяцѣ. Путникамъ нужно было выбраться на большую дорогу, глухою степью, заросшею высокою травой и бурьяномъ. И вотъ юноша, оставшись въ каретѣ

на-единѣ, съ иконою въ рукахъ, которую его мать подала е́му въ карету съ напутственными словами и слезами, и которую ему некуда было дѣть, предался мечтамъ о своемъ будущемъ: о роскошной жизни въ Петербургѣ, о знакомствѣ съ знатными особами, о блестящемъ обществѣ. Взглянувши на образъ, бывшій у него въ рукахъ, темный, невзрачный, онъ подумалъ, что при такой обстановкѣ, какая его ожидаетъ, ему будетъ стыдно поставить у себя такую икону, и вотъ, недолго думая, онъ—страшно сказать—вышвырнулъ святой образъ изъ кареты въ густую, высокую траву и продолжалъ мечтать. Путешествіе кончилось благополучно. Юноша пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу. Когда устроилась квартира, то дядька, размѣщая вещи, вспомнилъ про св. образъ и спросилъ у барина—гдѣ онъ? Баринъ сказалъ, что онъ вышвырнулъ его еще въ степи... Дядька пришелъ въ ужасъ и тутъ-же сказалъ, что не будетъ ему счастья безъ материнскаго благословенія: «материнская молитва со дна моря достанетъ», сказалъ старикъ, «а кто ее не почитаетъ, тотъ счастья вѣкъ не знаетъ». Баринъ успокоилъ дядьку, а самъ развлекся и позабылъ о своемъ поступкѣ; но—не надолго. Вскорѣ что-то приключилось ему весьма непріятное, и дядька не преминулъ напомнить ему о материнскомъ благословеніи. Юноша промолчалъ; но съ тѣхъ поръ его поступокъ сталъ приходить ему на умъ всякій разъ, какъ-только постигала его какая-нибудь непріятность. Онъ служилъ въ Петербургѣ года два или три, служба шла для него весьма неудачно. Непріятности повторялись чаще и чаще; а дядька всякій разъ твердилъ о материнскомъ благословеніи. Наконецъ получилось извѣстіе о смерти матери, и юноша совершенно упалъ духомъ, потерявши возможность испросить у нея прощеніе и вторичное благословеніе. Тутъ-то дядька приступилъ къ барину съ настоятельными совѣтами и увѣщаніями бросить службу, ѣхать на родину и употребить всѣ возможныя средства къ розысканію иконы. У самого юноши явилось сильное раскаяніе; онъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ опять домой. Проѣхали уже степью нѣсколько верстъ; вдругъ лошади сбѣсились и понесли... карету опрокинули и повредили; баринъ вывалился, дядька и кучеръ тоже... наконецъ лошади умаялись и остановились. Кучеръ и дядька по слѣду измятой травы нашли ихъ стоящими и спокойно щиплющими траву. Барина въ каретѣ не оказалось. Кучеръ и дядька отправились искать барина... наконецъ нашли: но какъ?! Онъ лежалъ въ обморокѣ, съ окровавленнымъ лицомъ, а подъ головой икона..., та самая Ахтырская икона Божіей Матери, которою мать благословила его, про-

вожая въ Петербургъ, и которую онъ такъ легкомысленно выбросилъ вонъ изъ экипажа! Дядька и кучеръ въ изумленіи пали на колѣни; а юноша, опамятовавшись и увидѣвши св. образъ, зарыдалъ горячими слезами, благодаря Господа за Его милость и вразумленіе. Онъ порѣшилъ итти домой пѣшкомъ, неся въ рукахъ съ честію св. икону. Потомъ онъ построилъ въ своемъ имѣніи церковь, которая и теперь тамъ существуетъ во славу Божіей Матери и въ честь св. иконы Ахтырской; а самую икону, покрывъ дорогою ризою, поставилъ въ церкви какъ храмовую, сказавъ, что онъ не достоинъ, чтобъ этотъ чудотворный образъ украшалъ жилище его, какъ тяжко согрѣшившаго предъ Господомъ и предъ св. иконою Пресвятой Его Матери.

Такъ вразумилъ Богъ этого юношу, добраго сердцемъ, но легкомысленнаго, и научилъ его дорожить родительскимъ благословеніемъ. Дорожите, дѣти, и вы этимъ сокровищемъ, если желаете, чтобы на васъ почивало Божіе благословеніе!

(Извлеч. съ сокращ. изъ № 230 «Троицк. листк.»).

38. Слава труду.

Слава святому труду!
Бѣдность и трудъ
Честно живутъ,
Съ дружбой, съ любовью въ ладу.
Слава святому труду!
Дружно-же, дѣти!
Громкую славу споемъ
Тѣмъ, кто живетъ въ этомъ мірѣ
Честнымъ трудомъ.
Слава святому труду!
Бѣдность и трудъ
Честно живутъ,
Съ дружбой, съ любовью въ ладу.
Слава святому труду!

(Изъ стих. Беранже).

39. Наслѣдство.

Не осталося
Мнѣ отъ батюшки
Палатъ каменныхъ,
Слугъ и золота;

Онъ оставилъ мнѣ
Кладъ наслѣдственный:
Волю твердую,
Удаль смѣлую.
Съ ними молодцу
Всюду весело!
Безъ казны богатъ,
Безъ почета гордъ.
Въ горѣ, въ черный день,
Соловьемъ поешь;
При нуждѣ, въ бѣдѣ
Смотришь соколомъ;
На распашку грудь
Противъ недруга,
Подъ грозой, въ бою
Улыбаешься.
И мила душѣ
Доля всякая,
И весь бѣлый свѣтъ
Раемъ кажется!

(Никитинъ).

40. Косарь.

Я куплю себѣ
Косу новую,
Отобью ее,
Наточу ее,—
И прости—прощай,
Село родное...
Въ края дальніе,
Пойдетъ молодецъ...
Что внизъ по Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки...
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ травой
Разстилается...

* * *

Ахъ, ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась.
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ,
Съ ней хотѣлося...

* * *

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную...
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошенная!
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
На ряду съ травой
Вы засохнете!
Нагребу копенъ,
Намету стоговъ:—
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.

(Кольцовъ).

41. Счастливая старость.

«Ты, дѣдушка, старъ», ученикъ говоритъ:
«Весь сѣдъ, и волосъ лишь немного сберегъ;

«Лѣтами ты старъ, но здоровъ и не хилъ—
«Скажи: отчего, старичокъ?»
— Въ дни юности, другъ мой, старикъ возразилъ:
Я помнилъ, что юность летитъ какъ стрѣла:
Не тратилъ я даромъ здоровья и силъ,
Чтобъ послѣ внезапно нужда не пришла.—
«Ты, дѣдушка, старъ», ученикъ говорилъ,
«Вѣдь съ юностью кончится радости срокъ,
«А ты о прошедшемъ еще не тужилъ—
«Скажи: отчего, старичокъ?»
— Въ дни юности, другъ мой, старикъ возразилъ:
Я помнилъ, какъ юности дни коротки:
О будущемъ думалъ я, что ни творилъ,
Чтобъ прошлое могъ вспоминать безъ тоски.
«Ты, дѣдушка, старъ», ученикъ говорилъ,
«А жизнь коротка: твой конецъ недалекъ:
«Ты веселъ; про смерть разговоръ тебѣ милъ.
«Скажи: отчего, старичокъ?»
— Да, другъ мой; я веселъ, и вотъ отчего—
Причину замѣть ты—старикъ возразилъ:
Я въ юности помнилъ Творца моего,
А Онъ за то старость мою не забылъ. (*Я. Гротъ*).

42. Нищій.

И вечерней, и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветъ.

—

Надѣваетъ-ли суму неволя,
Не охота-ли взяться за трудъ,—
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!

—

Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой,—
Жаль разумное, Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой.

(*Никитинъ*).

43. Смерть нищаго

Пришелъ онъ, старецъ величавый;
Кто онъ—Богъ вѣсть; съ своей сумой,
Въ одеждѣ бѣдной и дырявой,
Пришелъ на берегъ онъ морской.

—

И легъ онъ на прибрежный камень,
Тяжелый посохъ уронилъ,
И взоръ, гдѣ гаснулъ жизни пламень,
Въ лазурь безгранную вперилъ.

—

Надъ нимъ, какъ ангелъ, проносилась
По небу тучка. День сіялъ.
Морская даль не серебрилась.
И знойный воздухъ не дышалъ.

—

Въ одеждѣ бѣдной и дырявой,
Съ сумою, съ посохомъ, въ пыли,
Онъ умеръ гордый, величавый,
Какъ царь непризнанный земли.

(М. Бѣлинскій).

44. Счастіе.

Хочешь ли счастьемъ земнымъ всегда въ тишинѣ наслаждаться?
Зависти въ сердцѣ не знай къ тѣмъ, кто счастливѣй тебя,
Сравнивай долю свою не съ ихъ завидною долей,—
Сравнивай съ долею тѣхъ, кто злополучнѣй тебя.

(Ѳ. Миллеръ).

45. Ищи того, что прочно, безконечно.

Ты пріобрѣлъ сокровище земное,—
Къ чему восторгъ?—ничтожно это все!
Ты потерялъ сокровище земное,—
Къ чему печаль?—ничтожно это все.
Здѣсь, на землѣ, какъ ты, ничто не вѣчно:
Ищи того, что прочно, безконечно. *(Ѳ. Миллеръ).*

46. Завтра.

«*Завтра*, завтра, не сегодня!»
Такъ лѣнивцы говорятъ;
Завтра свой урокъ начну,
Завтра не хочу лѣниться,

Завтра надо потрудиться;
Нынче, лучше, поиграть,—
Вотъ сужденіе какое!
Для чего же не теперь?

Завтра сдѣлаемъ другое.
Нынче это сдѣлай; вѣрь,
Что на каждый день есть дѣло;
Что поспѣло, то созрѣло.
Что ты сдѣлалъ, то съ концомъ.—
Вижу я, и—поздравляю,
А что сдѣлаешь потомъ,
Я, дружокъ, еще не знаю.
День за днемъ, вся жизнь пройдетъ—
Невозвратно и мгновенно.
Быстро каждый часъ летитъ.
Далѣ, далѣ время мчитъ!
Каждымъ часомъ настоящимъ
Въ жизни пользоваться знай;
Мигомъ дорожи летящимъ;
Завтрому не довѣряй.
Коль до завтра ты отложишь,
Что сегодня сдѣлать можешь,
Будешь часто горевать...

(*Б. Өеодоровъ*).

47. Хоровая пѣсня дѣтей.

Дружно, братцы, пѣсню грянемъ!
Отдохнемъ—и смѣло
Мы опять работать станемъ,
Примемся за дѣло.

—

Хоромъ, хоромъ пойте дружно,
Намъ во всемъ согласье нужно.
Гдѣ согласье заведется,
Славно, славно тамъ живется:
Все кипитъ, все удается...
Дружно, дружно, веселѣй!

—

Гдѣ разладъ—прощай веселье,
Радость улетѣла,
Тамъ не клеится ни пѣнье,
Ни игра, ни дѣло.

—

Хоромъ, хоромъ пойте дружно,
Намъ во всемъ согласье нужно.
Гдѣ согласье заведется,
Славно, славно тамъ живется,
Все кипитъ, все удается...
Дружно, дружно, веселѣй!

—

Гдѣ разладъ—тамъ грустно, скучно.
Тамъ житье плохое...
Будь же съ нами неразлучно,
Дружество святое!

Хоромъ, хоромъ пойте дружно,
Намъ во всемъ согласье нужно.
Гдѣ согласье заведется,
Славно, славно тамъ живется:
Все кипитъ, все удается...
Дружно, дружно, веселѣй!

(*Кн. Одоевскій*)

48. Утренняя пѣсня.

Встань поутру, не лѣнись!
Мыломъ вымойся, утрись.
Кто растрепанъ, не умытъ,
Тотъ собой людей смѣшитъ.
Зубы, десны крѣпче три
И снаружи, и снутри;
Чистымъ гребнемъ причешись,
Да и Богу помолись.
Долго спать тебѣ невпрокъ,
Лишь забудешь про урокъ,
Ты за книжку—повторить,
А ужъ начали звонить.
Знай заранѣе, что взять,
Времени чтобъ не терять.
Въ классъ когда итти велятъ,
Тутъ ужъ некогда искать.
То забылъ налить чернилъ,
То пера не очинилъ;
Книжку бросилъ безъ пути,
А потомъ и не найти.
Но въ порядкѣ что лежитъ,
Подъ руку само бѣжитъ.
Въ классѣ быть, такъ не зѣвать,
А стараться понимать!
Кто зѣваетъ — негодяй;
Ты ему не подражай.
Слышишь новое—смекни,
Да въ тетрадкѣ очеркни;
Полѣнился, пропустилъ—
Смотришь: завтра позабылъ,
А написано—прочтешь,
Лучше въ толкъ себѣ возьмешь.

(*Одоевскій*)

49. Трудись!

Если любитъ кто трудиться,
Воленъ тотъ и отдыхать,
Погулять и порѣзвиться,
Да и книжку почитать.
Что за стыдъ!
Какъ не знать
Ни читать, ни писать?
Я и книжку прочту,
Да и счеты сведу.
Станемъ дружно мы трудиться
И другъ другу помогать!
Надо многому учиться,
Чтобы малое узнать.
На другихъ погляжу,
Да свой умъ приложу.
До чего не дойду,
То я въ книжкѣ найду.
Не страшна работѣ бѣдность!
Кто работаетъ, тотъ сытъ.
Кто къ труду имѣетъ ревность,
Богъ того благословитъ.
Помолись
И трудись!
Только знай не лѣнись:
Безъ нужды проживешь
И отраду найдешь.

(*Одоевскій*)

БАСНИ.

50. Волкъ и журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ, ѣвши, никогда костей не разбираетъ.
За то на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ журавль случился.
Вотъ кой-какъ знаками сталъ волкъ его манить
И проситъ горю пособить.
Журавль свой длинный носъ по шею
Засунулъ къ волку въ пасть и съ трудностью большою

Волкъ.

Кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.
«Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный;
«Тебѣ за трудъ? Ахъ ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ

И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ!
Поди-жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся.—
(*Крыловъ*).

51. Пастухъ.

У Саввы, пастуха (онъ барскихъ пасъ овецъ),
Вдругъ убывать овечки стали.
Нашъ молодецъ
Въ кручинѣ и печали:
Всѣмъ плачется и распускаетъ толкъ,
Что страшный показался волкъ,
Что началъ онъ овецъ таскать изъ стада
И безпощадно ихъ деретъ.
«И не диковина», твердитъ народъ:
«Какая отъ волковъ овцамъ пощада!»
Вотъ волка стали стеречи.
Но отчего-жъ у Саввушки въ печи
То щи съ бараниной, то бокъ бараній съ кашей?
(Изъ поваренковъ, за грѣхи,
Въ деревню онъ былъ сосланъ въ пастухи;
Такъ кухня у него немножко схожа съ нашей).
За волкомъ поиски; клянетъ его весь свѣтъ;
Обшарили весь лѣсъ, а волка слѣду нѣтъ.
Друзья! пустой вашъ трудъ: на волка только слава,
А ѣстъ овецъ-то Савва.
(*Крыловъ*).

52. Лисица и оселъ.

«Отколѣ умная бредешь ты, голова?»
Лисица, встрѣтяся съ осломъ, его спросила.
— Сейчасъ лишь ото льва!
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила:
Бывало зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
И я безъ памяти бѣгомъ,
Куда глаза глядятъ, отъ этого урода;
А нынѣ въ старости и дряхлъ и хилъ,
Совсѣмъ безъ силъ,
Валяется въ пещерѣ, какъ колода.
Повѣришь ли, въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ.

И поплатился онъ старинными долгами!
Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему
По своему:
Кто зубомъ, кто рогами...
— «Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнулъ?»
Лиса осла перерываетъ.
— «Вотъ-на!» оселъ ей отвѣчаетъ:
«А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:
Пускай ослиныя копыта знаетъ!»

—

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты,
Не смѣютъ на тебя поднять онѣ и взгляды;
Но упади лишь съ высоты—
Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

(*Крыловъ*).

53. Кукушка и орелъ.

Орелъ.

Орелъ пожаловалъ кукушку въ соловьи.
Кукушка въ новомъ чинѣ,
Усѣвшись важно на осинѣ,
Таланты въ музыкѣ свои
Выказывать пустилась;
Глядитъ—всѣ прочь летятъ;
Одни смѣются ей, а тѣ ее бранятъ.
Моя кукушка огорчилась,
И съ жалобой на птицъ къ орлу спѣшитъ она.
«Помилуй!» говоритъ: «по твоему велѣнью
Я соловьемъ въ лѣсу здѣсь названа;
А моему смѣяться смѣютъ пѣнью!»
— «Мой другъ!» орелъ въ отвѣтъ: «я царь, но я не Богъ:
Нельзя мнѣ отъ бѣды твоей тебя избавить,
Кукушку соловьемъ честить я могъ заставить;
Но сдѣлать соловьемъ кукушки я не могъ.

(*Крыловъ*).

54. Скворецъ.

У всякаго талантъ есть свой;
Но часто, на успѣхъ прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совсѣмъ не годенъ.
А мой совѣтъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ,
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшный былъ конецъ.

—

Какой-то смолоду скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ будто бы щегленкомъ самъ родился!
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякій скворушку хвалилъ.
Иной бы былъ такой доволенъ честью;
Но скворушка услышь, что хвалятъ соловья—
А скворушка завистливъ былъ, къ несчастью—
И думаетъ: «постойте же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ».
И подлинно запѣлъ;
Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пищалъ, то онъ хрипѣлъ,
То верещалъ козленкомъ,
То не путемъ
Мяукалъ онъ котенкомъ;
И, словомъ, разогналъ всѣхъ птицъ своимъ пѣньемъ.
Мой милый скворушка, ну что за прибыль въ томъ?
Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьемъ. (*Крыловъ*).

55. Два мужика.

«Здорово, кумъ Ѳаддей!» — «Здорово, кумъ Егоръ!»
— «Ну, каково, пріятель, поживаешь!»
— «Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до тла свой дворъ,
И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ».
— «Какъ такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»
— «Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;

Я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ:
Признаться, въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?» — «Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь—я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.
Я, тожъ, о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезчуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару,
А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ:
Анъ бѣсъ меня впотьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не человѣка,
И вотъ я съ той поры калѣка».
— «Пеняйте на себя, друзья!»
Сказалъ имъ сватъ Степанъ. «Коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчею худо,
Да врядъ не хуже-ль и впотьмахъ.

(*Крыловъ*).

56. Бѣлка.

У льва служила бѣлка:
Не знаю, какъ и чѣмъ; но дѣло только въ томъ,
Что служба бѣлкина угодна передъ львомъ;

Левъ

А угодить на льва, конечно, не бездѣлка.
За то обѣщанъ ей орѣховъ цѣлый возъ;
Обѣщанъ—между тѣмъ все время улетаетъ;
А бѣлочка моя нерѣдко голодаетъ
И скалитъ передъ львомъ зубки свои сквозь слезъ.
Посмотритъ: по лѣсу то тамъ, то сямъ мелькаютъ
Ея подружки въ вышинѣ;
Она лишь глазками моргаетъ, а онѣ,

Орѣшки, знай себѣ, щелкаютъ да щелкаютъ.
Но наша бѣлочка къ орѣшнику лишь шагъ,
Глядитъ—нельзя никакъ:
На службу льву ее то кличутъ, то толкаютъ.
Вотъ бѣлка наконецъ ужъ стала и стара,
И льву наскучила: въ отставку ей пора.
Отставку бѣлкѣ дали
И, точно, цѣлый возъ орѣховъ ей прислали.
Орѣхи славные, какихъ не видѣлъ свѣтъ;
Всѣ на отборъ орѣхъ къ орѣху—чудо!
Одно лишь только худо—
Давно зубовъ у бѣлки нѣтъ. (*Крыловъ*)

57. Скупой и курица.

Скупой теряетъ все, желая все достать.
Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать,
Хоть есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ,
Да рыться лѣнь, такъ я намѣренъ
Вамъ басню старую сказать.
—
Вотъ что въ ребячествѣ читалъ я про скупого:
Былъ человѣкъ, который никакого
Не зналъ ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнѣли очевидно.
Онъ курицу имѣлъ (какъ это ни завидно!),
Котора яица несла;
Но не простыя,
А золотыя.
Иной бы и тому былъ радъ,
Что понемногу онъ становится богатъ;
Но этого скупому мало:
Ему на мысли вспало,
Что, взрѣзавъ курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ.
Итакъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее разрѣзалъ онъ. И что-же? Въ воздаянье
Онъ вынулъ изъ нея простые потроха. (*Крыловъ*).

58. Раздѣлъ.

Имѣя общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгаши

Наторговали денегъ гору;
Окончили торги и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ,
Какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.
«Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ!»
Кричитъ одинъ изъ нихъ: «ступайте,
А счеты послѣ мы сведемъ!»
— «Мнѣ только тысячу мою сперва додайте!»
Шумитъ другой:
Я съ мѣста не сойду долой».
— «Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счеты ясны!»
Еще одинъ кричитъ. — «Нѣтъ, нѣтъ, мы не согласны!
Да какъ, за что и почему?»
Забывши, что пожаръ въ дому,
Проказники тутъ до того шумѣли,
Что захватило ихъ въ дыму,
И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

—

Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,
Не рѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ,
Что чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей. *(Крыловъ).*

59. Демьянова уха.

— «Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста покушай!»
— «Сосѣдушка, я сытъ по горло».
— « Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
— «Я три тарелки съѣлъ».
— «И, полно, что за счеты!
Лишь стало бы охоты,
А то во здравіе ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!

Еще хоть ложечку! Да, кланяйся, жена!»
Такъ потчевалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однакоже еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю.
«Вотъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ:
«Зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой. (*Крыловъ*).

60. Тришкинъ кафтанъ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ
И локти заплатилъ.—Кафтанъ [1]) опять готовъ,
Лишь на четверть голѣе руки стали,
Да что до этого печали?
Однако же смѣется Тришкѣ всякъ,
А Тришка говоритъ: «такъ я же не дуракъ,
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю».
О, Тришка—малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой!
Хотьноситъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы [2]).—
—
Такимъ же образомъ видалъ я иногда,—
Иные господа,

---

[1]) Кафтанъ—верхняя одежда, въ родѣ сюртука, которую носили въ прошломъ столѣтіи.

[2]) Камзолъ—платье безъ рукавовъ, которое носили подъ кафтаномъ, какъ теперь жилеты.

Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ:
Посмотришь,—въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ. —
(*Крыловъ*).

61. Оселъ и соловей.

Оселъ увидѣлъ Соловья
И говоритъ ему: «Послушай ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище;
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье:
Велико-ль, подлинно, твое умѣнье?»
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался:

Соловей.

Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу авроры [1]):
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно», говоритъ: «сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ.
Ещъ-бъ ты болѣ навострился,
Когда-бы у него немножко поучился».
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и—полетѣлъ за тридевять полей.

—

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей! (*Крыловъ*).

---

[1]) „Аврора" латинское слово—утренняя заря. „Любимцемъ и пѣвцемъ авроры" соловей здѣсь названъ потому, что онъ обыкновенно поетъ на зарѣ.

62. Ларчикъ.

Случается не рѣдко намъ
И трудъ, и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.

—

Къ кому-то принесли отъ мастера Ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой Ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякій Ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на Ларчикъ, онъ сказалъ: «Ларецъ съ секретомъ;
Такъ, онъ и безъ замка,
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ исподтишка!
Я отыщу секретъ, и Ларчикъ вамъ открою:
Въ механикѣ и я чего нибудь да стою».
Вотъ за Ларецъ принялся онъ:
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ
И голову свою ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
«Не тутъ, не такъ, не тамъ». Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ, но наконецъ усталъ,
Отъ Ларчика отсталъ,
И какъ открыть его, никакъ не догадался;
А Ларчикъ просто открывался. (*Крыловъ*).

63. Муравей и зерно.

Готовя муравей запасъ, нашелъ зерно,
Межъ мелкими одно
Весьма большое.
Не муравью бы съ нимъ, казалось, совладать,
Да нѣтъ, затѣялъ онъ и эту ношу взять.
Зерно, онъ думаетъ, такое
Одно на цѣлую недѣлю можетъ стать;
И потащилъ зерно большое.

Дорога вверхъ горы утесистой была:
Ну, около зерна мой муравей трудиться,
Тащить, карабкаться, лѣпиться;
Но тяжесть трудъ перемогла—
И муравья стремглавъ съ утеса сорвала:
Грузъ въ сторону летитъ, а муравей—въ другую.
Не трогая струну людскую,
Мнѣ только муравью хотѣлось бы сказать,
Чтобъ свыше силъ не подымать. (*Хемницеръ*).

64. Воробьи и овсянка.

Накрывши сѣтью воробьевъ,
Мужикъ имъ говорилъ: «Вотъ я васъ всѣхъ, воровъ!
Вы на поле мое летали,
Горохъ клевали!
Не долго дамъ теперь сидѣть вамъ въ полону—
Всѣмъ головы сверну,
И въ кашицу... Да ты, овсянка, какъ попала?»
Овсянка такъ ему подъ сѣтью отвѣчала:
—Послушай, мужичокъ, всю истину скажу:
Я съ ними только лишь летала,
А, право, твоего гороха не клевала.
Пусти меня; ничѣмъ тебѣ я не врежу.
Ужъ-ли поступишь такъ со мной, какъ съ воробьями?
—«Да не помилую, конечно, и тебя!
Пеняй сама ты на себя:
Зачѣмъ была съ плутами? (*Измайловъ*).

65. Пословицы.

а) о трудѣ и праздности.

Скученъ день до вечера, коли дѣлать нечего. — Безъ дѣла жить, только небо коптить.—Трудъ кормитъ, а лѣнь портитъ.—Богъ труды любитъ.—Хочешь ѣсть калачи, такъ не сиди на печи.—Столъ поставятъ, такъ и работать заставятъ.—Не потрудиться—такъ и хлѣба не родится.—Кто рано встаетъ, тому Богъ подаетъ.—Работа да руки—надежныя въ людяхъ поруки.—Праздность—мать пороковъ.

б) объ языкѣ и словѣ.

Малъ языкъ, да всѣмъ тѣломъ владѣетъ.—Языкъ до Кіева доведетъ. — Много знай, да мало бай.—Не спѣши языкомъ, то-

ропись дѣломъ.—Ѣшь калачи, да меньше лепечи.—За правое дѣло говори смѣло.—Ласковое слово и кость ломитъ.—Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь.—Умныя рѣчи пріятно и слушать.

в) о здоровьѣ.

Живи просто: проживешь лѣтъ со сто.—Здоровье всему голова.—Чистота здоровье сохраняетъ, а воздержность разумъ укрѣпляетъ.—Не думай быть нарядным, а думай быть опрятнымъ.—Баня мать вторая.—Привычка вторая натура.—Не все то ѣшь, что видишь.

Работай до поту, покушаешь въ охоту.—Коли хлѣба край, такъ и подъ елью рай.—Безъ соли, безъ хлѣба половина обѣда.—Сытое брюхо къ ученью глухо.

Здоровому врачъ не надобенъ.—Боль врача ищетъ.—У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.—Больному въ ѣдѣ не вѣрь.—Больному и золотая кровать не поможетъ.—Кровь отворить—гвоздь въ гробъ вколотить.—Отъ смерти нѣтъ лѣкарства.—Прежде смерти не должно умирать.—Не по старости мрутъ, не по молодости живутъ.—Деньги—мѣдь, одежда—тлѣнъ, а здоровье—всего дороже.—Гдѣ пиры да чаи, тамъ и немочи.—Держи голову въ холодѣ, животъ въ голодѣ, а ноги въ теплѣ.

г) объ отношеніи къ чужой собственности.

Украсть—въ бѣду попасть.—Хоть съ умомъ воровать, а бѣды не миновать.—Украдешь песчинку—заплатишь полтинку.—Сколько вору ни воровать, а висѣлицы не миновать.—По дѣломъ вору и мука.—Не тотъ воръ, кто крадетъ, а тотъ воръ, кто концы хоронитъ.—Кто укралъ, у того одинъ грѣхъ, а у кого украли, у того десять [1]).—Лучше съ убыткомъ торговать, нежели съ барышемъ воровать.—Лучше по міру сбирать, чѣмъ чужое взять,—чужое взять — свое потерять.—Краденое порося и въ ушахъ визжитъ.—Краденое богатство исчезаетъ, какъ ледъ таетъ.—Нашелъ, да не объявилъ—все равно, что утаилъ.—Воръ воруетъ не для прибыли, а для гибели.

д) о терпѣніи.

Богъ терпѣлъ, и намъ велѣлъ.—Подумаешь—горе; а раздумаешь—воля Господня.—Свѣтъ стоитъ до тьмы, а тьма до свѣту; не все ненастье,—будетъ и ведро; не узнавъ горя,—не узнаешь

1) То-есть: такой человѣкъ можетъ оговорить невинныхъ лицъ въ кражѣ, чѣмъ конечно, тяжко согрѣшитъ.

и радости.—Лихо терпѣть, а оттерпится—слюбится.—Не гнѣви Бога ропотомъ, а молись Ему шопотомъ; на Бога положишься—не обложишься (не обманешься);—Богъ тучу пронесетъ и ведро принесетъ; Богъ намочитъ, Богъ и высушитъ.—Колотись, бейся, а все надѣйся.—Коли тутъ житья нѣтъ, жди перехода на тотъ свѣтъ. — За терпѣнье Богъ даетъ спасеніе. — Терпѣнье даетъ умѣнье.—Терпя въ люди выходятъ.

Исподволь и сырыя дрова загораются. — Капля долбитъ камень.—Терпѣніе и трудъ все перетрутъ.—Терпи, казакъ, атаманъ будешь.—Поживи въ рабахъ, будешь и въ господахъ.

е) о грѣхѣ, преступленіи и наказаніи.

Одинъ Богъ безъ грѣха.—Кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ?—Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ? — Отъ грѣха не уйдешь, и отъ бѣды не упасешься. — Не можетъ человѣкъ безгрѣшнымъ быть въ свой вѣкъ.—Нѣту дерева, гдѣ бы птица не сидѣла, нѣту и мужика, кой бы былъ безъ грѣха.—Отъ запада до востока нѣтъ человѣка безъ порока.—Кто въ грѣхѣ, тотъ и въ отвѣтѣ.—Дураку законъ не писанъ. — Старымъ и больнымъ законъ не лежитъ.—Только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ.—Невольный грѣхъ живетъ на всѣхъ. —Кто станетъ доносить, тому головы не сносить.—Невольный грѣхъ отпускается.—Кто переноситъ вѣсти, тому бы на день плетей по двѣсти.—Для разума не много чести, чтобы знать и сказывать лишь вѣсти.—За худыя дѣла слетитъ и голова. — Кого честь не беретъ, того палка пройметъ.—Кнутъ не мучитъ, а добру учитъ.—Кто плутъ, для того сдѣланъ кнутъ.—Бьютъ не ради мученья, а ради ученья.—Побьютъ, такъ скажи спасибо, что ума даютъ.—За битаго двухъ небитыхъ даютъ, да и то не берутъ.—Повинную голову и мечъ не сѣчетъ.—Карать да миловать—Богу и царю.

ж) о дружбѣ.

Другъ и братъ великое дѣло: не скоро его добудешь.—Онъ не по хорошу милъ, а по милу хорошъ.—Для друга нѣтъ круга: и семь верстъ не околица.—Для милаго дружка и сережка изъ ушка. — Старый другъ лучше новыхъ двухъ. —Свой своему поневолѣ другъ.

з) о томъ, что не должно завидовать чужому счастью и надо быть довольну своимъ жребіемъ.

Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.—Посади свинью за столъ: она и ноги на столъ.—Въ чужія сани не садись. — Всякій ку-

ликъ въ своемъ болотѣ великъ. — Большому кораблю большое и плаванье. — Въ большомъ мѣстѣ сидѣть, много ума имѣть. — Всякая лисица свой хвостъ хвалитъ. — Не все то золото, что блеститъ. — На безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи и Ѳома дворянинъ. — Выше лба уши не ростутъ.

и) о пользѣ ученія и знанія.

Науки вѣрнѣй золотой поруки. — Азъ да буки, а потомъ и науки.

Кто больше знаетъ, тому и книги въ руки. — Не перомъ пишутъ — умомъ. — Пиши, да не спѣши. — Добръ конь, да не ѣзжанъ; дорогъ парень, да не ученъ. — Безъ муки нѣтъ и науки. — Одной пчелѣ Богъ съ роду далъ науку. — Не школа учитъ — охота. — Наука не пиво: въ ротъ не вольешь. — Не учась и лаптя не сплетешь.

і) о правдѣ.

Всѣхъ вруновъ не переврешь. — Извѣришься въ иглѣ, не повѣрятъ въ рублѣ. — Будь въ маломъ правдивъ, и въ большомъ станутъ вѣрить. — Враньемъ или неправдой весь свѣтъ пройдешь, да назадъ не вернешься.

66. Какъ сохранить здоровье.

Великое благо для всякаго человѣка — здоровье. Какъ оно дорого, человѣкъ только тогда узнаетъ, когда потеряетъ его. Нѣтъ ничего легче потерять здоровье, но вернуть потерянное здоровье часто бываетъ очень и очень трудно. Кто хочетъ сберечь здоровье, кто желаетъ прожить долгій вѣкъ, пусть твердо запомнитъ слѣдующія правила. Для здоровья и долгой жизни служатъ —

1. *Чистый воздухъ.* Избу, въ которой живешь, каждый день, и зиму и лѣто, надо провѣтривать. Для этого въ каждой комнатѣ въ окнѣ должна быть форточка. Ходи и работай побольше на свѣжемъ воздухѣ, хотя бы и въ дурную погоду.

2. *Чистая свѣжая вода.* Пріучи себя каждый день натощахъ пить хоть немного воды. Вода очиститъ тебѣ желудокъ и поможетъ переваривать то, что ты съѣшь. Днемъ также чаще пей воду. Водопійцы долго живутъ, рѣже хвораютъ и легче переносятъ болѣзни. Каждый день, вставая съ постели, мой лицо, руки, шею студеною чистою водою, а если можно, то ежедневно обтирай водою и все тѣло. Это первое лучшее лѣкарство противъ множества болѣзней.

3. *Заботься о чистотѣ бѣлья и постели.* Непремѣнно, хотя разъ въ недѣлю, перемѣни бѣлье, ходи въ баню, и провѣтривай одѣяло, подушки и тюфякъ.

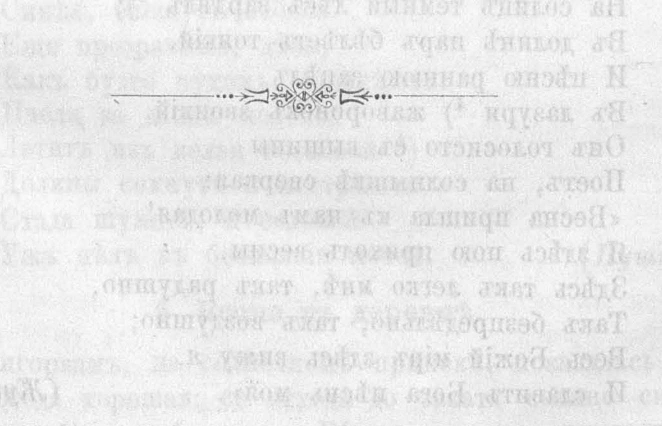
4. *Дѣлай побольше движенія.* Теперь движеньемъ тѣла лѣчатъ различныя болѣзни. Кто проводитъ жизнь въ движеніи, тотъ всегда здоровѣе и живетъ дольше. При работѣ въ движеніи крѣпнетъ и здоровѣетъ тѣло.

5. *Остерегайся безсонныхъ ночей.* Раньше ложись спать, раньше вставай: будешь гораздо здоровѣе.

6. *Кушай всегда умѣренно и не пей никакихъ крѣпкихъ напитковъ:* помни всегда, что водка есть страшный ядъ, который болѣе чѣмъ наполовину сокращаетъ жизнь человѣка: помни крѣпко, что водка даетъ людямъ обманчивое удовольствіе на часъ, а заставляетъ потомъ страдать недѣли, мѣсяцы и годы; никогда не забывай, что пьющіе водку пріучаются къ ней постепенно, мало-по-малу; берегись, какъ огня, и одной рюмки; берегись, какъ злѣйшихъ твоихъ враговъ, тѣхъ людей, которые потчуютъ тебя виномъ и могутъ навѣки погубить твою душу и тѣло.

7. Лѣкарствами пользуйся только въ крайней нуждѣ, и никогда не обращайся къ знахарямъ, а ищи совѣта у знающаго и разумнаго доктора.

8. Крови не открывай никогда. Кровь—сила человѣка. Кровопусканіе полезно только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

МІРЪ БОЖІЙ.

1. Божій міръ.

Стоитъ величественный домъ
На скрытомъ основаньи;
Но навсегда остаться въ немъ
Нельзя, при всемъ желаньи.
По непостижнымъ чертежамъ
Исполнено строенье;
Въ немъ свѣточъ вспыхиваетъ самъ—
И ярко освѣщенье.
Покрытъ весь домъ тотъ бирюзой [1]),
Опалами [2]) и прочимъ,
Но незнакомъ никто земной
Съ его Великимъ Зодчимъ [3]). (*Жуковскій*).

2 Жаворонокъ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ [1]);
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій,
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури [4]) жаворонокъ звонкій.
Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
«Весна пришла къ намъ молодая!
Я здѣсь пою приходъ весны.
Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ безпредѣльно, такъ воздушно;
Весь Божій міръ здѣсь вижу я,
И славитъ Бога пѣснь моя». (*Жуковскій*).

---

1) Бирюза—драгоцѣнный камень свѣтло-голубого цвѣта.
2) Опалъ—драгоцѣнный камень молочно-бѣлаго цвѣта.
3) Зодчій—строитель.
4) Зардѣть—покраснѣть, покрыться румянцемъ.
5) Лазурь—свѣтло-синій цвѣтъ.

3. Весенній гимнъ.

Сладко на солнцѣ дремлю я,
Слышу паденіе водъ,
И надо мною, ликуя,
Пташекъ поетъ хороводъ.
Легкое вѣтра дыханье
Всюду несетъ ароматъ,
Воздухъ исполненъ сіянья,
Пестрыя мушки жужжатъ,
Кудри деревъ расцвѣтаютъ
Роскошью бѣлыхъ цвѣтковъ,
Пчелы надъ ними летаютъ
Въ желтой пыли лепестковъ.
Чашей сребристой—лилея,
Жукъ—изумрудомъ блеститъ;
Сѣть паутины, бѣлѣя,
Въ зелени темной виситъ.
Быстро по сучьямъ взбѣгаютъ
Ящерицъ рѣзвыхъ семьи,
И, шелестя, пропадаютъ,—
Будятъ меня въ забытьи...
Я подъ крыломъ у природы
Чистъ и безскорбенъ живу,
Полнъ первобытной свободы;
Все мнѣ, какъ сонъ на яву.
О, Міродержецъ! Отрадно
Стройность въ душѣ ощутить...
Дай же мнѣ долго и жадно
Жизни до дна не допить!..

(*Щербина*).

4. Наступленіе весны.

Гонимы вешними [1]) лучами
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года [2]);
Синѣя, блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса,
Какъ будто пухомъ, зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой [3])
Долины сохнутъ и пестрѣютъ,
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

(*Пушкинъ*).

5. Весна въ деревнѣ.

По пригоркамъ, на солнечномъ припекѣ, показалась молодая зелень. Погода хорошая; со всхода до заката солнце свѣтитъ и грѣетъ; въ небѣ ни облачка... Рѣчки и ручьи шумно бурлятъ;

---

[1]) *Вешній*—весенній.
[2]) *Утро года*—весна.
[3]) *Келья восковая*—ячейка, куда пчелы кладутъ медъ.

луга затоплены; легкій вѣтерокъ рябитъ широкія воды, и дрожащими золотыми переливами ярко горятъ онѣ на вешнемъ солнцѣ.

По деревнѣ стономъ стоятъ голоса... Весеннія хлопоты подоспѣли: кто борону вяжетъ, кто соху чинитъ, кто въ кузницѣ сошникъ перековываетъ—пахота не за горами... Не налюбуются пахари на изумрудную зелень, пробившуюся на озимыхъ поляхъ!

«Поднимайся, рожь зеленая! охрани тебя, матушку, небесный Царь!.. Уроди, Господи, крещенымъ людямъ вдоволь хлѣбушка!»... молятъ мужики.

Бабы да дѣвки тоже хлопочутъ: гряды въ огородахъ копаютъ, сѣмена на солнцѣ размачиваютъ, вокругъ коровенокъ возятся и ждутъ—не дождутся Егорьева дня [1]), когда на утренней зарѣ святой вербушкой погонятъ въ поле скотинушку, отощалую, истощенную отъ долгаго зимняго холода—голода.

Молодежь работаетъ неустанно, а веселья не забываетъ. Звонкія пѣсни разливаются по деревнѣ. Парни, дѣвки весну окликаютъ:

Весна, весна красная,
Приходи къ намъ съ радостью!

Ребятишки босикомъ, въ однѣхъ рубашонкахъ, по лѣтнему, кишатъ на улицѣ. Стономъ стоятъ тоненькіе дѣтскіе голоса... Жмурясь и щурясь, силятся они своими глазенками прямо глядѣть на солнышко и, рѣзво прыгая, поютъ они весеннюю пѣсню:

Солнышко, ведрышко,
Выглянь въ окошечко,
Твои дѣтки плачутъ...
Солнышко, покажись,
Красное, нарядись!

адуница пришла!... Красная горка [2])!... Веселье-то какое!...

(*А. Печерскій*).

6. Что ты спишь, мужичокъ?...

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя по лади:

Что ты былъ, и что сталъ,
И что есть у тебя?
На гумнѣ—ни снопа;
Въ закромахъ—ни зерна;
На дворѣ—по травѣ
Хоть шаромъ покати.

[1]) Апрѣля 23-е.

[2]) Красная горка—народное названіе понедѣльника Ѳоминой недѣли. Радуница—вторникъ Ѳоминой недѣли.

Изъ клѣтей — домовой
Соръ метлою посмелъ [1])
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ,
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И, погнувшись, изба
Какъ старушка стоитъ.
Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой;
Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!
И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!

А теперь подъ окномъ
Ты съ бѣдою сидишь,
И весь день на печи
Безпросыпу лежишь.
А въ поляхъ сиротой
Хлѣбъ некошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!
Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ;
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну —
Бражку ковшикомъ пьютъ.

(*Кольцовъ*).

7. Весною.

Въ старый садъ вхожу я. Росинки,
Какъ алмазы, на листьяхъ горятъ;
И цвѣты мнѣ головкой киваютъ,
Разливая кругомъ ароматъ.
Все влечетъ, веселитъ мои взоры:
Золотая пчела на цвѣткѣ,
Разноцвѣтной бабочки крылья
И слѣды воробья на пескѣ.

За оградой садовой чернѣетъ
Полоса взбороненной земли,
И покрытыя соснами горы
Подымаются къ небу вдали.
Какъ любовью и радостью дышитъ
Вся природа подъ вешнимъ лучомъ,
И душа благодарная чуетъ
Здѣсь присутствіе Бога во всемъ.

(*Плещеевъ*).

8. Вскрытіе рѣки.

I. Съ крыльца нашего подъѣзда была видна рѣка Бѣлая, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда она вскроется.

И наконецъ пришелъ этотъ желанный день и часъ. Торопливо заглянулъ Евсеичъ [2]) въ мою дѣтскую и тревожно-радостнымъ

---

[1]) Поэтъ, конечно, самъ не вѣритъ въ домового, говоритъ же о немъ въ насмѣшку, примѣняясь къ повѣрью простого народа.

[2]) Старый слуга.

голосомъ сказалъ: «Бѣлая тронулась!» Мать позволила, и въ одну минуту, тепло-одѣтый, я уже стоялъ на крыльцѣ и жадно слѣдилъ глазами, какъ шла между неподвижныхъ береговъ огромная полоса синяго, темнаго, а иногда и желтаго льда.

Далеко уже уплыла поперечная дорога, и какая то несчастная черная корова бѣгала по ней, какъ безумная, отъ одного берега до другого. Стоявшіе около меня люди сопровождали жалобными восклицаніями каждое неудачное движеніе бѣгающаго животнаго, котораго ревъ долеталъ до ушей моихъ, и мнѣ стало очень его жалко. Рѣка на поворотѣ загибалась за крутой утесъ, и скрылась за нимъ дорога и бѣгающая по ней черная корова.

Вдругъ двѣ собаки показались на льду; но ихъ суетливые прыжки возбудили не жалость, а смѣхъ въ окружающихъ меня людяхъ, потому что всѣ были увѣрены, что собаки не утонутъ, а перепрыгнутъ или переплывутъ на берегъ. Я охотно этому вѣрилъ и, позабывъ бѣдную корову, самъ смѣялся вмѣстѣ съ другими. Собаки не замедлили оправдать общее ожиданіе, и скоро перебрались на берегъ.

II. Ледъ все еще шелъ крѣпкою, сплошною, неразрывною безконечною глыбою. Евсеичъ, опасаясь сильнаго и холоднаго вѣтра, сказалъ мнѣ: «пойдемъ, соколикъ, въ горницу: рѣка еще не скоро взломается, а ты прозябнешь. Лучше я тебѣ скажу, когда ледъ начнетъ трогаться». Я очень неохотно послушался; но за то мать была очень довольна и похвалила Евсеича и меня.

Въ самомъ дѣлѣ, не ближе, какъ черезъ часъ, Евсеичъ пришелъ сказать мнѣ, что ледъ на рѣкѣ ломается. Мать опять отпустила меня на короткое время, и, одѣвшись еще теплѣе, я вышелъ и увидѣлъ новую, тоже невиданную мною, картину: ледъ трескался и ломался на отдѣльныя глыбы; вода всплескивалась между ними; онѣ набѣгали одна на другую, большая и крѣпкая затопляла слабѣйшую, а если встрѣчала сильный упоръ, то поднималась однимъ краемъ вверхъ, иногда долго плыла въ такомъ положеніи, иногда обѣ глыбы разрушались на мелкіе куски и съ трескомъ погружались въ воду. Глухой шумъ явственно долеталъ до моихъ ушей. (*С. Аксаковъ*).

9. Весенній дождь.

Еще свѣтло,—подъ окномъ
Въ разрывы облакъ солнце блещетъ
Воробей своимъ крыломъ,
Въ пескѣ купаяся, трепещетъ,

—

А ужъ отъ неба до земли,
Качаясь, движется завѣса,

И будто въ золотой пыли
Стоитъ за ней опушка лѣса. —
Двѣ капли брызнули въ стекло,
Отъ липъ душистымъ медомъ тянетъ,
И что-то къ саду подошло.—
По свѣжимъ листьямъ барабанитъ.

(*А. Фетъ.*)

10. Весна.

(Изъ твор. св. Тихона Задонскаго).

Видишь, что во время весны все какъ будто оживляется и вновь отрождается: земля издаетъ изъ нѣдръ своихъ плоды, деревья одѣваются листьями, травы зеленѣютъ и украшаются цвѣтами, которое все во время зимы, какъ мертвое было; воды, замерзшія и покрытыя льдомъ, растаеваютъ и протекаютъ, и вся поднебесная тварь облекается въ новый видъ и какъ будто вновь созидается. Отъ сей чувственной весны да возведетъ вѣра умъ твой къ прекрасной и желаемой веснѣ, которую обѣщалъ Богъ въ Писаніи Своемъ святомъ, въ которой тѣла отъ начала міра усопшихъ вѣрныхъ изъ земли, какъ сѣмена, силою Божіею прозябнувши, востанутъ и облекутся въ новый, прекрасный видъ, одѣнутся въ ризу безсмертія, примутъ вѣнецъ доброты отъ руки Господа, процвѣтутъ яко финиксъ, и яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножатся, насаждени въ дому Господни и во дворѣхъ Бога нашего [1]), яко невѣста украсятся красотою, и яко земля, произрастающая цвѣтъ свой, и яко вертоградъ сѣмена своя, прозябнутъ; и веселіе вѣчное надъ главою ихъ, и радостію возрадуются о Господѣ [2]). Тогда тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе. Тогда будетъ слово написанное: пожерта бысть смерть побѣдою. Гдѣ ти, смерте, жало? гдѣ ти, аде, побѣда? [3]). Такъ восхищаяся духомъ къ желаемой оной веснѣ, сѣй всякій нынѣ съ вѣрою и надеждою, Божіею помощью, благихъ трудовъ сѣмена, да тогда пожнешь съ радостію.

11. Наступленіе лѣта.

До чтенія ли, до письма ли было тутъ, когда душистыя черемухи зацвѣтаютъ, когда почки на березахъ лопаются, когда черные кусты смородины опушаются бѣловатымъ пухомъ распускающихся сморщенныхъ листочковъ, когда всѣ скаты горъ покрываются подснѣжными тюльпанами, называемыми *сонъ*, лиловаго, голубого, желтоватаго и бѣлаго цвѣта, когда полѣзутъ вездѣ изъ

[1]) Псал. XCI. 13—14; [2]) Пс. LXI; 4; [3]) 1 Кор. XV. 54—55.

земли свернутыя въ трубочку травы и завернутыя въ нихъ головки цвѣтовъ, когда жаворонки съ утра до вечера висятъ въ воздухѣ надъ самымъ дворомъ, разсыпаясь въ своихъ журчащихъ, однообразныхъ, замирающихъ въ небѣ пѣсняхъ, которыя хватали меня за сердце, которыхъ я заслушивался до слезъ; когда Божьи коровки и всѣ букашки выползаютъ на Божій свѣтъ, крапивныя и желтыя бабочки замелькаютъ, шмели и пчелы зажужжатъ; когда въ водѣ движенье, на землѣ шумъ, въ воздухѣ трепетъ, когда и лучъ солнца дрожитъ, пробиваясь сквозь влажную атмосферу, полную жизненныхъ началъ... А сколько мнѣ было дѣла, сколько заботъ! Каждый день надо было раза два побывать въ рощѣ и освѣдомиться, какъ сидятъ на яицахъ грачи, надо было послушать ихъ докучныхъ криковъ; надо было посмотрѣть, какъ развертываются листья на сиреняхъ и какъ выпускаютъ они сизыя кисти будущихъ цвѣтовъ; какъ поселяются зорки и малиновки въ смородиныхъ и барбарисовыхъ кустахъ; какъ муравьиныя кучи ожили, зашевелились, какъ муравьи показались сначала по-немногу, а потомъ высыпали наружу въ безчисленномъ множествѣ и принялись за свои работы; какъ ласточки начали мелькать и нырять подъ крыши строеній въ старыя свои гнѣзда; какъ клохтала насѣдка, оберегая крошечныхъ цыплятокъ, и какъ коршуны кружились, плавали надъ ними... О, много было дѣла и заботы мнѣ!..

(*Аксаковъ*).

12. Привѣтъ лѣту.

Что за раздолье широкое лѣтомъ!
Все, что таилось, невѣдомо гдѣ,
Вызвано теплымъ, живительнымъ свѣтомъ;
Радость, движенье и звуки—вездѣ.
Что за могучая сила родится
Въ Божьемъ созданьи! не чудо-ль творится?..
Все обновляется, дышитъ, поетъ,
Все пробуждается, счастьемъ живетъ.
Вотъ на водѣ расширяется кругъ...
Слышишь, какъ весело плещется рыбка?
Въ рощу пойдешь ли, въ просторный ли лугъ—
Звуки вездѣ, и привѣтъ, и улыбка...
Пѣснями полонъ развѣсистый садъ,
Съ пѣснями мошки надъ озеромъ вьются,
Ржанье коня и блеяніе стадъ
Вечеромъ въ звучной дали раздаются...

Всѣ голоса точно слились въ одинъ;
Радостный міръ такъ глубоко—спокоенъ
И, отъ земли до небесныхъ вершинъ,
Мирно и счастливо весь онъ настроенъ.

(Никитинъ).

13. Восходъ солнца.

Румяной зарею
Покрылся востокъ.
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ.

—

Росой окропились
Цвѣты на поляхъ.
Стада пробудились
На мягкихъ лугахъ.

—

Сѣдые туманы
Плывутъ къ облакамъ.
Гусей караваны [1])
Несутся къ лугамъ

—

Проснулися люди,
Спѣшатъ на поля.
Явилося солнце,
Ликуетъ [2]) земля.

(Пушкинъ).

14. Туча.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! пора миновалась:
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, ласкаяя цвѣточки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ. *(Пушкинъ).*

15. Лѣтомъ.

Всю щедрую [3]) руку Создатель открылъ:
И рощи, и нивы богатствомъ залилъ.
Одѣты деревья, одѣты кусты,
Кругомъ по травѣ запестрѣли цвѣты.

—

Привольно стадамъ на зеленыхъ лугахъ;
Привольно и рыбкѣ въ прохладныхъ струяхъ.

---

[1]) Караваны гусей—длинныя вереницы или большая стая гусей.
[2]) Ликовать—радоваться.
[3]) Щедрый—милостивый. охотно дѣлающій добро.

Въ садахъ между листьевъ желтѣютъ плоды,
И пахаря зрѣютъ на нивахъ труды.

—

Въ лугу ужъ звенитъ и сверкаетъ коса,
А въ рощицѣ птичьи твердятъ голоса:
«Какъ славно здѣсь, мальчикъ, въ прохладной тѣни!
«Иди къ намъ скорѣй, на травѣ отдохни;
«Послушай, какую мы пѣсню поемъ,
«Какъ щедрому лѣту хвалу воздаемъ».

—

«Не лѣто хвалите», имъ мальчикъ сказалъ:
«Хвалите Того вы, Кто лѣто намъ далъ!»

(Изъ *Род. Сл.*).

16. На сѣнокосѣ.

Какой легкій воздухъ, какой чудесный запахъ разносился отъ близкаго лѣса и скошенной травы, изобиловавшей множествомъ душистыхъ цвѣтовъ, которые отъ знойнаго солнца уже начали вянуть и издавать особенный, пріятный ароматическій запахъ. Нетронутая трава стояла стѣной, въ поясъ вышиной, и крестьяне говорили: «что за трава! медвѣдь медвѣдемъ!»

По зеленымъ, высокимъ рядамъ скошенной травы уже ходили галки и вороны, налетѣвшія изъ лѣса, гдѣ находились ихъ гнѣзда. Мнѣ сказали, что онѣ подбираютъ разныхъ букашекъ, козявокъ и червячковъ, которые прежде скрывались въ густой травѣ, а теперь бѣгали на виду по опрокинутымъ стеблямъ растеній и по обнаженной землѣ. Подойдя поближе, я своими глазами удостовѣрился, что это совершенная правда. Сверхъ того я замѣтилъ, что птица клевала и ягоды. Въ травѣ клубника была еще зелена, за то необыкновенно крупна; на открытыхъ же мѣстахъ она уже поспѣвала. Изъ скошенныхъ же рядовъ мы съ отцомъ набрали по большой кисти такихъ ягодъ, изъ которыхъ иныя попадались крупнѣе обыкновеннаго орѣха; многія изъ нихъ хотя еще не покраснѣли, но были уже мягки и вкусны.

Изъ лѣсного оврага, на днѣ котораго, лихо журча, бѣжалъ маленькій родничекъ, неслось воркованье дикихъ голубей, или горлинокъ, слышался даже кошачій крикъ и заунывный стонъ иволги; звуки эти были такъ различны, противоположны, что я долго не хотѣлъ вѣрить, что это кричитъ одна и та же миловидная, желтенькая птичка. Изрѣдка раздавался пронзительный трубный голосъ желны...

Вдругъ кобчикъ вылетѣлъ на поляну, высоко взвился и, кружась надъ косцами, которые выпугивали иногда изъ травы маленькихъ птичекъ, сторожилъ ихъ появленіе и падалъ на нихъ, какъ молнія изъ облаковъ. Его быстрота и ловкость были такъ увлекательны, а участіе къ бѣдной птичкѣ такъ живо, что крестьяне привѣтствовали громкими криками и удальство ловца, и проворство птички, всякій разъ, когда она успѣвала упасть въ траву и скрыться въ лѣсу. (*С. Аксаковъ*).

17. Грибы.

Слухъ о груздяхъ, которыхъ уродилось въ Потаенномъ Колкѣ мостъ—мостомъ [1]),—какъ выражался старый пчелякъ, жившій въ лѣсу съ своими пчелами,—взволновалъ тетушку и моего отца, которые очень любили брать грибы и особенно ломать грузди [2]). Въ тотъ же день, сейчасъ послѣ обѣда, они рѣшились отправиться въ лѣсъ, въ сопровожденіи цѣлой дѣвичьей и многихъ женщинъ.

Сейчасъ послѣ обѣда начались торопливые сборы. У крыльца уже стояли двое длинныхъ дрогъ и телѣга. Всѣ запаслись кузовьями, лукошками и плетеными корзинками изъ ивовыхъ прутьевъ. На длинные роспуски и телѣгу насѣло столько народу, сколько могло помѣститься, а нѣкоторые пошли пѣшкомъ впередъ. Когда отъѣхали отъ дому съ версту, дѣвушки и женщины запѣли пѣсни, и сама тетушка имъ подтягивала. Всѣ были необыкновенно шутливы и веселы, и мнѣ самому стало очень весело. Я мало слыхалъ пѣсенъ, и онѣ привели меня въ восхищеніе. Румяная Матреша имѣла чудесный голосъ и была запѣвалой. Когда мы подъѣхали къ лѣсу, я подбѣжалъ къ Матрешѣ и похвалилъ ея прекрасный голосъ.

Скоро всѣ разбрелись по лѣсу въ разныя стороны и скрылись изъ виду. Лѣсъ точно ожилъ: вездѣ начали раздаваться разныя веселыя восклицанія, ауканье, звонкій смѣхъ и одиночные голоса многихъ пѣсенъ. Евсеичъ, тетушка и мой отецъ, отъ котораго я не отставалъ ни на пядь, ходили по молодому лѣсу, неподалеку другъ отъ друга. Тетушка первая нашла слой груздей. Она вышла на маленькую полянку, остановилась и сказала: «здѣсь непремѣнно должны быть грузди: такъ и пахнетъ груздями»—и вдругъ закричала: «ахъ, я наступила на нихъ!» Я ви-

[1]) Т. е. чрезвычайно много.

[2]) Т. е. собирать грузди.

дѣлъ, какъ она стала на колѣни и, щупая руками землю подъ листьями папоротника, вынимала грузди оттуда и клала въ свою корзинку. Скоро и мы съ отцомъ нашли гнѣздо груздей; мы также принялись ощупывать ихъ руками и бережно вынимать изъ-подъ пелены прошлогоднихъ полусгнившихъ листьевъ, проросшихъ всякими лѣсными травами и цвѣтами. Отецъ мой особенно любовался молодыми груздями, говоря мнѣ: «посмотри, Сережа, какіе маленькіе груздочки! Осторожно снимай ихъ, они хрупки и ломки. Посмотри: точно пухомъ снизу-то обросли, и какъ пахнутъ!» Въ самомъ дѣлѣ, молоденькіе груздочки были какъ-то очень миловидны и издавали острый запахъ.

Наконецъ, побродивъ по лѣсу часа два, мы наполнили свои корзинки одними молодыми груздями. Мы пошли назадъ къ тому мѣсту, гдѣ оставили лошадей, а Евсеичъ принялся громко кричать: «пора домой! Собирайтесь всѣ къ лошадямъ!» Нѣкоторые голоса ему откликались. Мы не вдругъ нашли свои дроги, или роспуски, и еще долѣе бы ихъ проискали, если бъ не заслышали издали фырканья и храпѣнья лошадей. *(С. Аксаковъ).*

18. Садъ.

I. Расположенный по длинному скату пологаго холма, садъ состоялъ изъ четырехъ ясно обозначенныхъ отдѣленій. Передъ домомъ, шаговъ на двѣсти, разстилался цвѣтникъ, съ песчаными прямыми дорожками, группами акацій и сиреней и круглыми клумбами; налѣво, до самаго гумна, тянулся фруктовый садъ, густо насаженный яблонями, грушами, сливами, смородиной, малиной; прямо противъ дома возвышались большимъ сплошнымъ четырехъ-угольникомъ липовыя скрещенныя аллеи. Направо видъ преграждался дорогой, заслоненной двойнымъ рядомъ серебристыхъ тополей; изъ-за купы плакучихъ березъ виднѣлась крутая крыша оранжереи.

II. Весь садъ нѣжно зеленѣлъ первой красой весенняго расцвѣтанія; не было еще слышно лѣтняго, сильнаго гудѣнья насѣкомыхъ; молодые листья лепетали, да зяблики кое-гдѣ пѣли, да двѣ горлинки ворковали все на одномъ и томъ же деревѣ, да куковала одна кукушка, перемѣщаясь всякій разъ, да издалека, изъ-за мельничнаго пруда приносился дружный грачиный гамъ, подобный скрыпу множества телѣжныхъ колесъ. *(И. Тургеневъ).*

19. Урожай.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;

По лицу земли
Туманъ стелется.

Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,

Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась.

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...

Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой-радугой;

Ополчилася—
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною,
Проливнымъ дождемъ,
На земную грудь,
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся.

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.

За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.

А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.

Третью думушку
Какъ задумали,—
Богу-Господу
Помолилися.

Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,

Бороны зубьемъ
Порасчесывать...

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ.

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлетъ колосомъ
Почти до земли;

Словно Божій гость
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...

Люди семьями
Принялися жать
Косить подъ корень
Рожь высокую.

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.

На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко—
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

(Кольцовъ).

20. На нивахъ.

Легкій вѣтеръ въ полѣ чистомъ
Гнетъ колосики волной
И по нивѣ золотистой
Точно стелетъ пеленой.

Вотъ гречиха ужъ поспѣла,
Кашей темною дрожитъ,
Вся отъ солнца загорѣла,
Не бѣлѣетъ, не блеститъ.

Зарябѣлся, зажелтѣлся,
Словно перышки разнесъ,
Золотой парчей одѣлся
Раскудрявленный овесъ.

Будто солнцу улыбаясь,
На соломкѣ молодой
Дремлетъ, медленно качаясь,
Ржи колосикъ золотой.

(Жуковскій).

21. Хлѣбная уборка.

Хлѣбная уборка была во всемъ разгарѣ. Необозримое, блестяще-желтое поле замыкалось только съ одной стороны высокимъ синѣющимъ лѣсомъ. Все поле было покрыто копнами и народомъ. Въ высокой густой ржи виднѣлись кое-гдѣ, на выжатой полосѣ, согнутая спина жницы, взмахъ колосьевъ, когда она переклады-

вала ихъ между пальцевъ, женщина въ тѣни, нагнувшаяся надъ люлькой, и разбросанные снопы по усѣянному васильками жнивью; съ другой стороны мужики въ однѣхъ рубашкахъ, стоя на телѣгахъ, накладывали копны и пылили по сухому раскаленному полю. Староста въ сапогахъ и армякѣ въ накидку, съ бирками [1]) въ рукѣ, снявъ свою поярковую [2]) шляпу, утиралъ рыжую голову и бороду платкомъ и покрикивалъ на бабъ. Говоръ народа, топотъ лошадей и телѣгъ, веселый свистъ перепеловъ, жужжанье насѣкомыхъ, которыя неподвижными стаями вились въ воздухѣ, запахъ полыни, соломы и лошадинаго поту, тысячи различныхъ цвѣтовъ и тѣней, которыя разливало палящее солнце по свѣтло-желтому жнивью, синей дали лѣса и бѣло-лиловымъ облакамъ, бѣлыя паутины, которыя носились въ воздухѣ или ложились по жнивью,—все это я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ.

(Гр. Л. Толстой).

22. Жители лѣса.

I. На вѣтвяхъ деревьевъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ лѣсу живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разнообразныя породы птицъ: токуютъ глухіе и простые тетерева; пищатъ рябчики; хрипятъ вальдшнепы; воркуютъ каждая по-своему всѣ породы дикихъ голубей; взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды, заунывно-мелодически перекликаются иволги; стонутъ рябыя кукушки; постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы; трубятъ желны; трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски,—и все многочисленное, крылатое, мелкое, пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ. На сучьяхъ и въ дуплахъ деревьевъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яица и выводятъ дѣтей; для той же цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумные рои дикихъ пчелъ.

II. Въ чернолѣсьѣ живутъ, болѣе или менѣе постоянно, медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки. Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устраивая гнѣзда на главныхъ сучьяхъ у самаго древеснаго ствола,—большіе и малые ястреба, луни, бѣлохвостики, копчики и другія. Въ густой тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся и плодятся совы, сычи и длинноухіе филины, плачевный, странный, дикій крикъ которыхъ въ ночное время испугаетъ и непугливаго человѣка, запоздавшаго въ лѣсу. Что же мудренаго, что народъ считаетъ эти крики ауканьемъ и хохотомъ лѣшаго?

(С. Аксаковъ.)

---

1) Бирка—палочка, на которой зарубками обозначается счетъ вещей.
2) Поярокъ—шерсть, снятая съ ярки (т.-е. молодого барана).

23. Осень идетъ.

Ужъ небо осенью дышало;
Ужъ рѣже солнышко блистало;
Короче становился день.
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась.
Ложился на поля туманъ;
Гусей крикливыхъ караванъ [1])
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.
Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя конь дорожный
Храпитъ, и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ.
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И, въ часъ полуденный, въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ.

(А. Пушкинъ).

24. Листья.

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчатъ,
Въ снѣга и метели,
Закутавшись, спятъ.
Ихъ тощая зелень,
Какъ иглы ежа,
Хоть вѣкъ не желтѣетъ,
Но вѣкъ не свѣжа.

—

Мы-жъ, легкое племя,
Цвѣтемъ и блестимъ,
И краткое время
На сучьяхъ гостимъ.
Все красное лѣто
Мы были въ красѣ,
Играли съ лучами,
Купались въ росѣ!
Но птички отпѣли,
Цвѣты отцвѣли,
Луга поблѣднѣли,
Зефиры [2]) ушли.
Такъ что же намъ даромъ
Висѣть и желтѣть?
Не лучше-ль за ними
И намъ улетѣть?

—

О, буйные вѣтры,
Скорѣе! скорѣй!
Скорѣй насъ сорвите
Съ докучныхъ вѣтвей!

---

[1]) Караванъ—длинная стая птицъ.
[2]) Зефиръ—тихій лѣтній вѣтерокъ.

Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотимъ,—
Летите, летите,
Мы съ вами летимъ!

(Ѳ. Тютчевъ).

25. Октябрь.

Октябрь ужъ наступилъ, ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній холодъ; путь ужъ промерзаетъ;
Журча еще, бѣжитъ за мельницу ручей;
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшилъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы.
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.
Унылая пора! очей очарованье!
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я полное природы увяданье,
Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса,
Въ тѣни ихъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою одѣты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

(А. Пушкинъ).

26. Осень въ деревнѣ.

Осень. На дворѣ холодно; частый дождь превратилъ улицу въ грязную лужу; густой туманъ затянулъ село, и едва виднѣются ветхія лачуги и обнаженныя нивы. Рѣзкій вѣтеръ раскачиваетъ ворота и мечетъ по полямъ съ какимъ-то заунывнымъ воемъ груды пожелтѣвшихъ листьевъ. Улица пуста—ни живой души. Сизый дымокъ, вьющійся изъ низенькихъ трубъ избушекъ, свидѣтельствуетъ, что никого нѣтъ въ разбродѣ, что всѣ хозяева дома и расправляютъ на горячей печкѣ свои продрогшіе члены. Все живущее прячется, куда можетъ, лишь бы укрыться отъ холода и ненастья. Куры и голуби пріютились на своихъ жердочкахъ подъ навѣсомъ, завернувъ голову подъ теплое крылышко; воробей забился въ мягкое гнѣздо свое; даже неугомонныя Шавки и Жучки комкомъ свернулись подъ телѣгами. Каждому готовъ пріютъ, каждому хорошо и тепло.

(Г. Григоровичъ).

27. Осень.

Кроетъ ужъ листъ золотой
Влажную землю въ лѣсу...
Смѣло топчу я ногой
Вешнюю лѣса красу.

Съ холоду щеки горятъ;
Любо въ лѣсу мнѣ бѣжать,
Слышать, какъ сучья трещатъ,
Листья ногой загребать!
Нѣтъ мнѣ прежнихъ утѣхъ!
Лѣсъ съ себя тайну совлекъ:
Сорванъ послѣдній орѣхъ,
Свянулъ послѣдній цвѣтокъ;
Мохъ не приподнятъ, не взрытъ
Грудой кудрявыхъ груздей;
Около пня не виситъ
Пурпуръ брусничныхъ кистей;
Долго на листьяхъ лежитъ
Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
Холодно какъ-то глядитъ
Ясность прозрачныхъ небесъ.

(*Майковъ*).

28. Зима стоитъ.

Зима стоитъ. Трещатъ морозы.
Пошли съ товарами обозы
По Руси-матушкѣ гулять,
Слѣды въ сугробахъ прокладать.
Ползетъ, скрипитъ дубовый полозъ.
Рѣка, болото—всюду мостъ,
За тысячу и за двѣ верстъ...
На мужичкѣ бѣлѣетъ волосъ,
Но веселъ онъ!.. Идетъ, кряхтитъ,
Казну на подати копитъ.
Посвистывай теперь на волѣ,
Холодный вѣтеръ, въ чистомъ полѣ!
Кружись, сердитая мятель,—
Стелись, пуховая постель!

(*А. Пушкинъ*).

29. Зима.

Бѣлый снѣгъ пушистый
Въ воздухѣ кружится
И на землю тихо
Падаетъ, ложится.

И подъ утро снѣгомъ
Поле забѣлѣло,
Точно пеленою
Все его одѣло.

Темный лѣсъ, что шапкой
Принакрылся чудной—
И заснулъ подъ нею
Крѣпко, непробудно...

Божьи дни коротки,
Солнце свѣтитъ мало,
Вотъ пришли морозцы—
И зима настала.

Труженикъ—крестьянинъ
Вытащилъ санишки;
Снѣговыя горы
Строятъ ребятишки.

Ужъ давно крестьянинъ
Ждалъ зимы и стужи
И избу соломой
Онъ укрылъ снаружи,

Чтобы въ избу вѣтеръ
Не проникъ сквозь щели,
Не надули-бъ снѣга
Вьюги и мятели.

Онъ теперь покоенъ—
Все кругомъ укрыто,
И ему не страшенъ
Злой морозъ, сердитый.

(*Суриковъ*).

30. Первопутье.

Зима.... Крестьянинъ торжествуя
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ—нибудь.
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ;
Ему и больно, и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно.

(*А. Пушкинъ*).

31. На воздушномъ океанѣ.

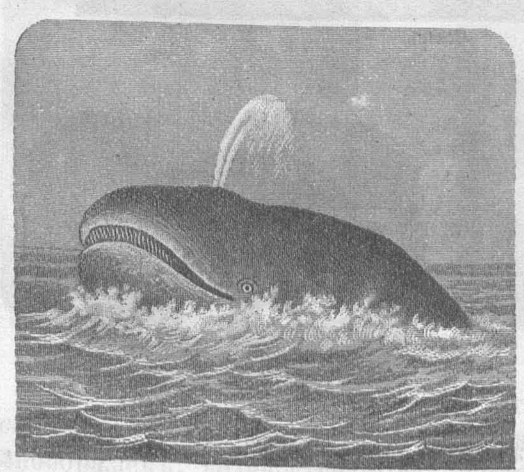
На воздушномъ океанѣ
Безъ руля и безъ вѣтрилъ
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья
Имъ не радость, не печаль,
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.

(*Лермонтовъ*).

32. Растительный и животный міръ.

Каждая страна отличается отъ другихъ своею растительностію и животными, и природа одной мѣстности не похожа на природу другихъ мѣстъ.

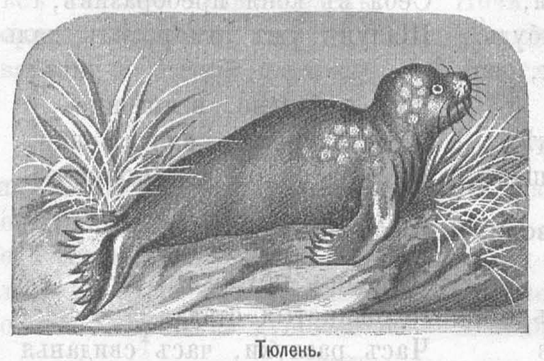
Въ холодныхъ странахъ растительность самая бѣдная; такъ, въ мѣстностяхъ Россіи, прилегающихъ къ берегамъ Ледовитаго океана, травъ почти нѣтъ, а растутъ мохъ да ягоды—клюква и брусника; изъ деревьевъ встрѣчаются толь-

Китъ.

Гага.

ко низкорослыя стелющіяся по землѣ березки и ножжевельникъ. Животныя холоднаго пояса также немногочисленны. Въ холодныхъ моряхъ водится величайшій изъ морскихъ звѣрей—*китъ*.

Въ умѣренномъ климатѣ [1]) растительность гораздо разнообразнѣе; такъ, напримѣръ, въ лѣсахъ Россіи растутъ хвойныя и

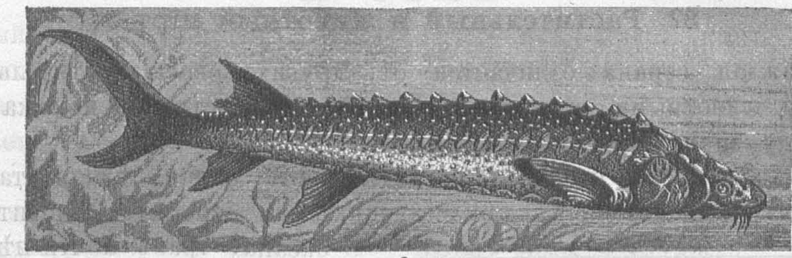

Тюлень.

Куница.

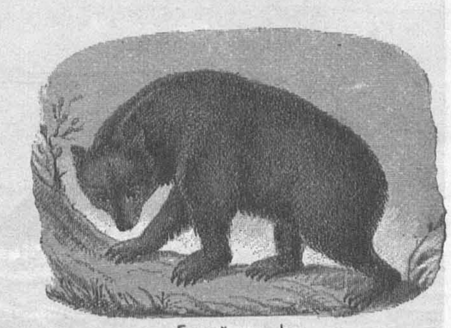
лиственныя деревья, на поляхъ сѣются различныя хлѣбныя растенія: рожь, пшеница, ячмень, овесъ, просо, гречиха; въ садахъ вызрѣваютъ: яблоки, груши, вишни, сливы и разнообразны ягоды; луга покрываются въ лѣтнее время травами и цвѣ-

Осетръ.

Бѣлый медвѣдь.

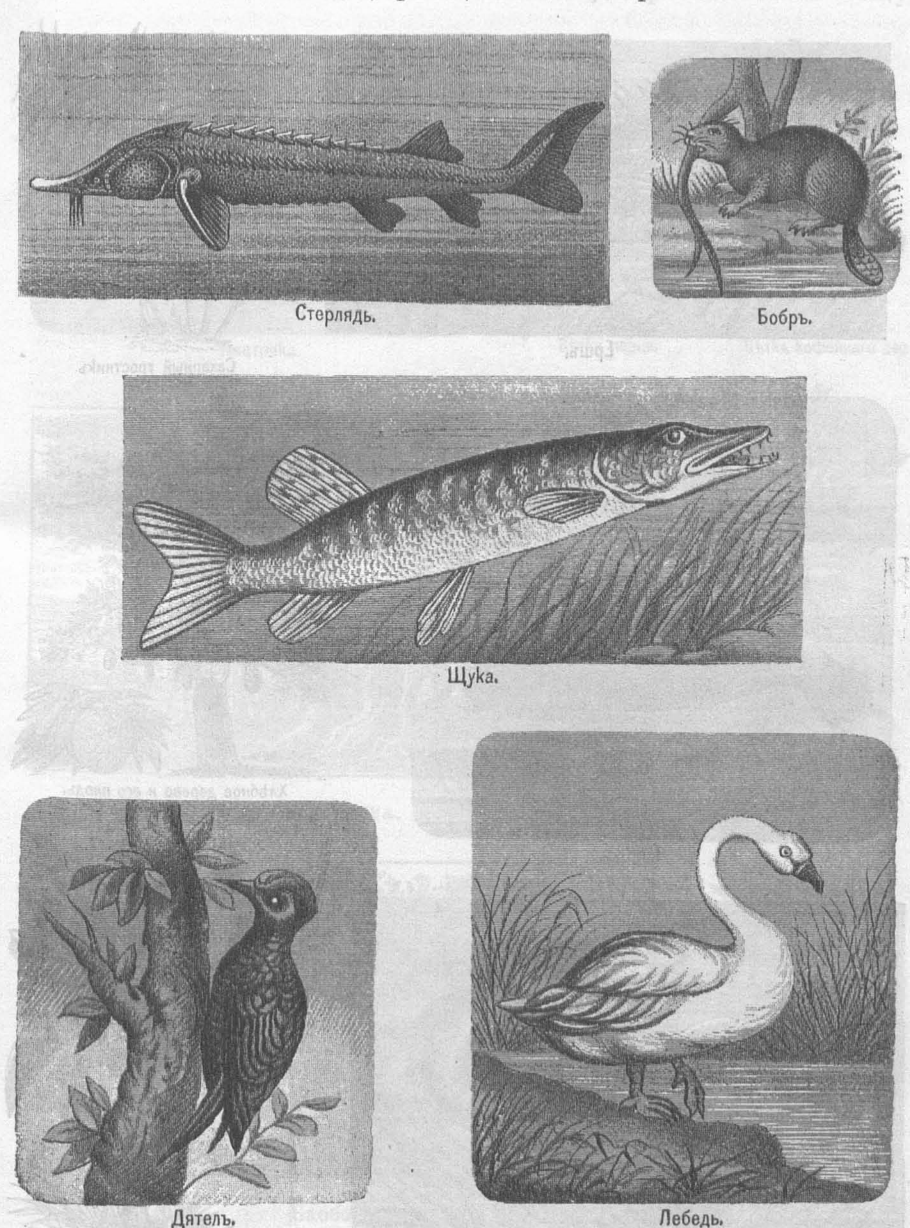

Бурый медвѣдь.

тами. Животныя здѣсь также многочисленнѣе и разнообразнѣе,

1) Климатъ—воздухъ сухой, сырой, теплый, умѣренный.

чѣмъ въ холодныхъ странахъ. Такъ въ лѣсахъ Россіи водятся медвѣди, лоси, волки, лисицы, рыси, зайцы и пр.

Стерлядь.

Бобръ.

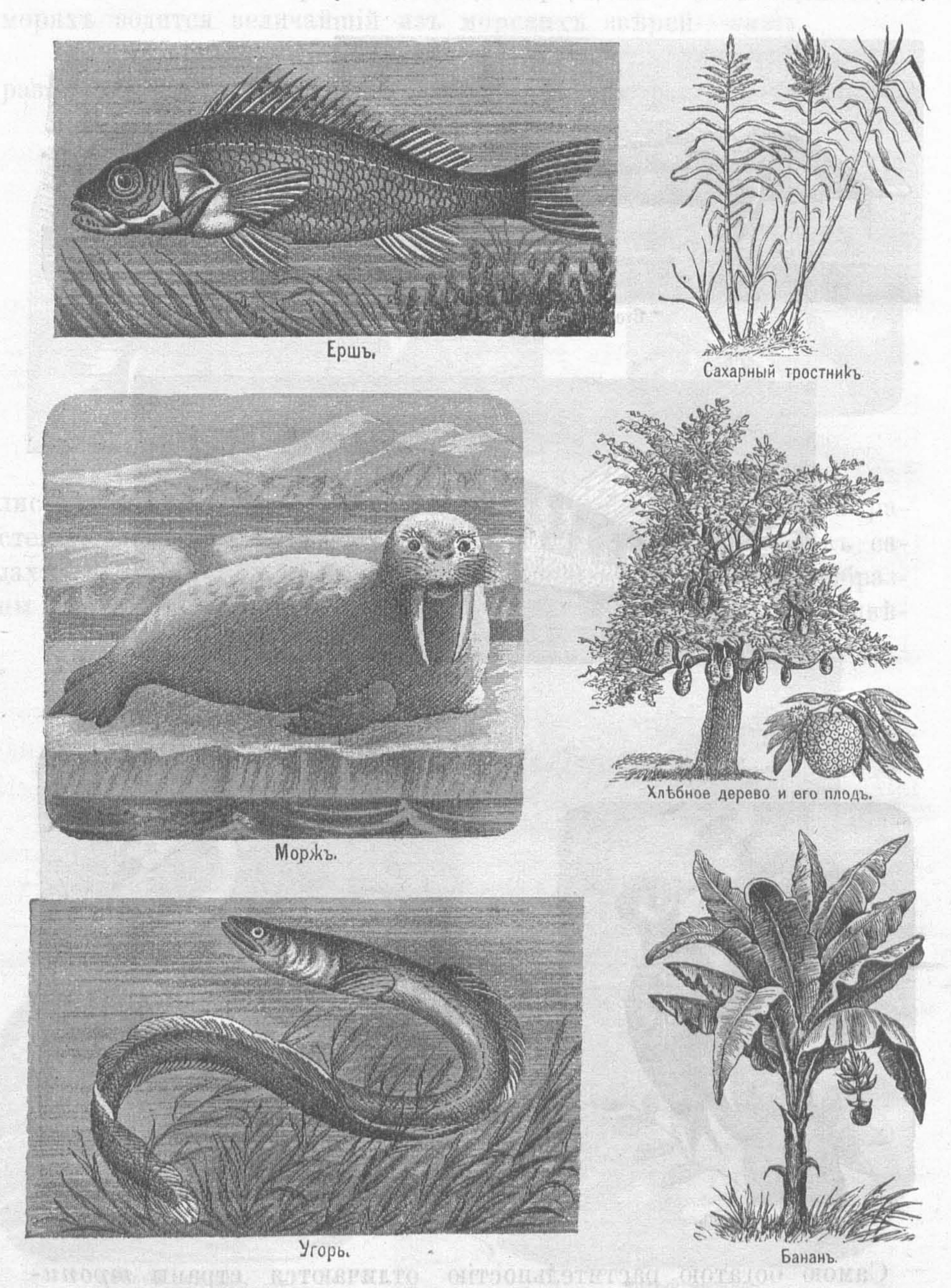
Щука.

Дятелъ.

Лебедь.

Самою богатою растительностію отличаются страны *тропическія* съ теплымъ климатомъ. Здѣсь растенія поражаютъ своимъ разнообразіемъ, величественнымъ ростомъ, необыкновенно боль-

шими листьями и красивыми цвѣтами. Нѣкоторыя деревья достигаютъ тамъ въ вышину до шестнадцати саженъ, а въ толщину

Ершъ.

Сахарный тростникъ.

Моржъ.

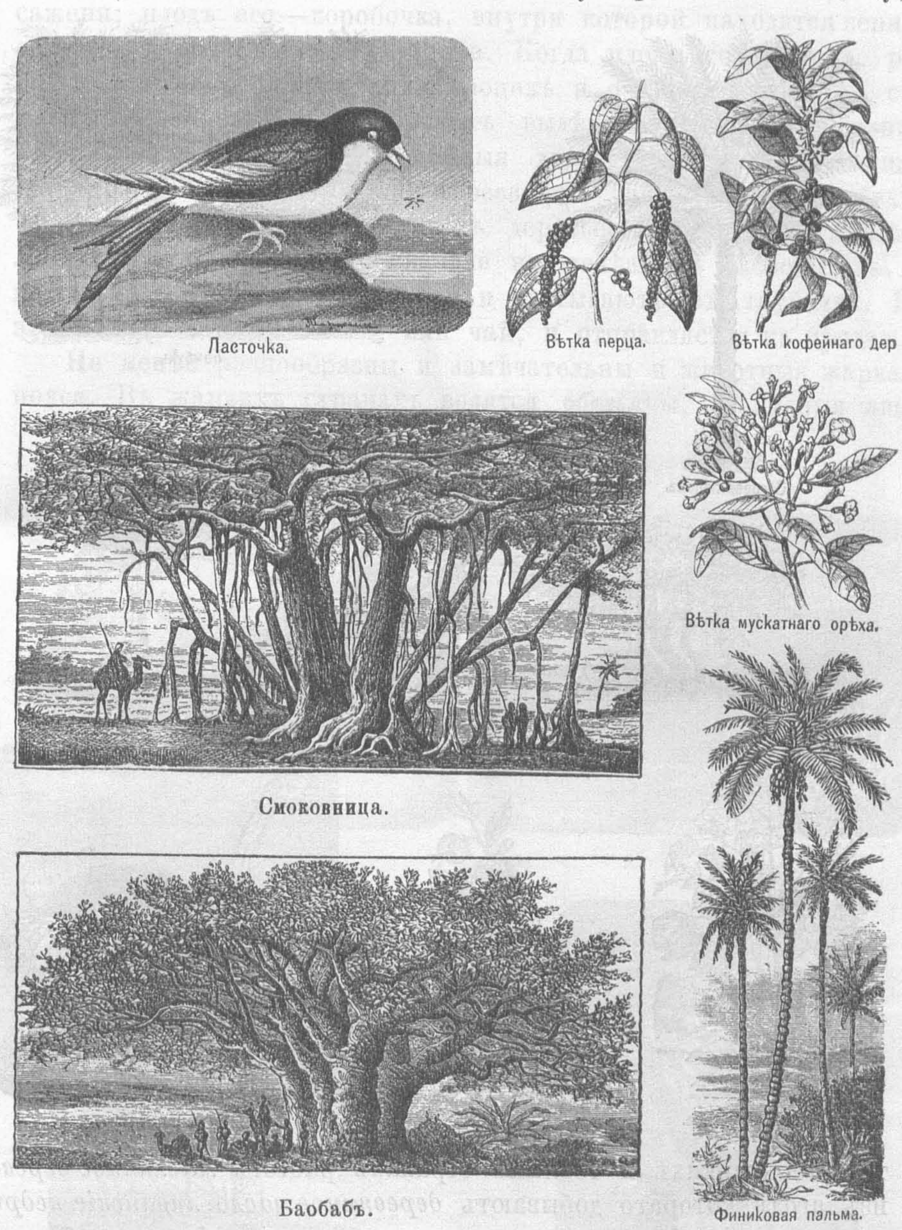
Хлѣбное дерево и его плодъ.

Угорь.

Бананъ.

до 10 саженъ; въ дуплахъ такихъ деревьевъ можетъ помѣститься до сотни людей; болотные тростники тропическихъ странъ не

уступаютъ по величинѣ нашимъ деревьямъ. Изъ деревьевъ—великановъ жаркаго пояса особенно замѣчательны: *финиковыя и кокосовыя пальмы*. Плоды этихъ пальмъ употребляются въ пищу,

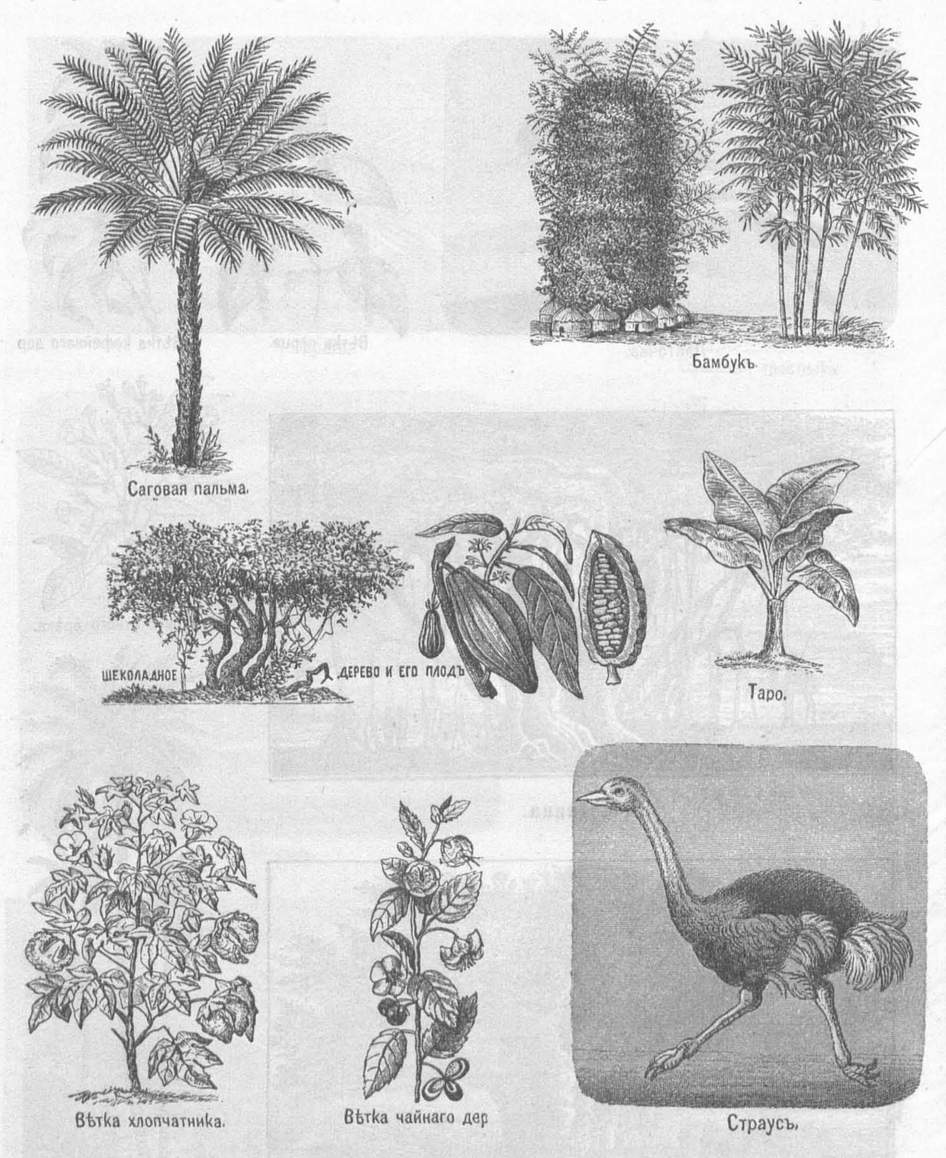
Ласточка. Вѣтка перца. Вѣтка кофейнаго дер

Смоковница. Вѣтка мускатнаго орѣха.

Баобабъ. Финиковая пальма.

листья идутъ на приготовленіе корзинъ, тканей, покрышку домовъ, а стволы на топливо или постройку жилищъ. Въ жаркомъ климатѣ воздѣлываютъ совсѣмъ другія полезныя растенія, нежели

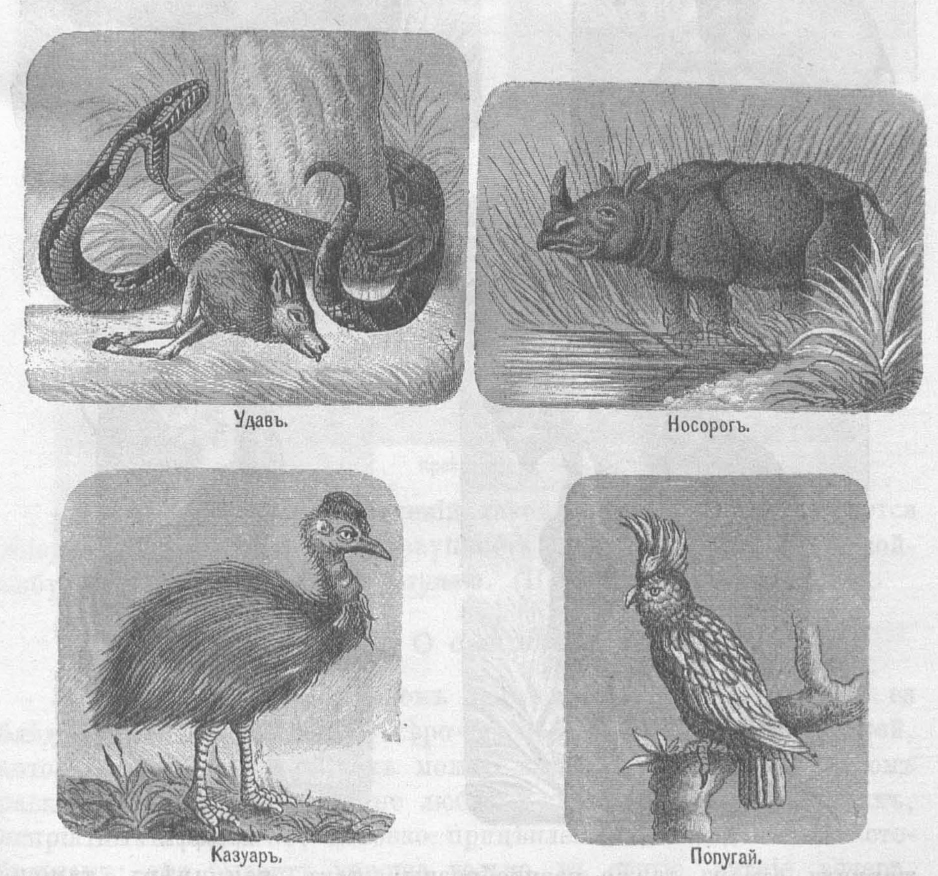
у насъ: вмѣсто *ржи и пшеницы*—*рисъ* и *маисъ* (кукуруза), вмѣсто *льна* и *конопли*—*хлопчатникъ*, доставляющій *хлопчатую бумагу* или *вату*; вмѣсто *свекловицы*—*сахарный тростникъ*. Кромѣ

того въ жаркихъ и теплыхъ странахъ растетъ *масличное дерево*, изъ ягодъ котораго добываютъ *деревянное масло*, *ливанскіе кедры*, доставляющіе благовонную смолу—*ладонъ* и *чайное дерево*, изъ листьевъ котораго приготовляется чай. Рисъ, подобно нашимъ хлѣбнымъ растеніямъ, сѣется на поляхъ или плантаціяхъ; онъ

особенно любитъ сырую почву и въ болотистыхъ мѣстностяхъ даетъ иногда урожай въ самъ—триста. Хлопчатникъ также разводится на плантаціяхъ. Хлопчатникъ бываетъ въ вышину около сажени; плодъ его—коробочка, внутри которой находятся зерна, обросшія тонкими нитями хлопка. Когда плоды созрѣваютъ, работники вынимаютъ изъ нихъ хлопокъ и очищаютъ его отъ сѣмянъ. Изъ хлопка на фабрикахъ выдѣлываются разнообразныя хлопчатобумажныя ткани. Чайныя деревья растутъ преимущественно въ Китаѣ. Это дерево разводятъ также на плантаціяхъ. Три раза въ годъ съ чайныхъ деревьевъ собираютъ листья. Листья эти подогрѣваютъ сначала на желѣзныхъ сковородахъ, а потомъ разсыпаютъ на рогожи и скатываютъ въ трубочки. Въ этомъ видѣ чайный листъ, или чай, и отправляется на продажу.

Не менѣе разнообразны и замѣчательны и животныя жаркаго пояса. Въ жаркихъ странахъ водятся *обезьяны*, громадныя яще-

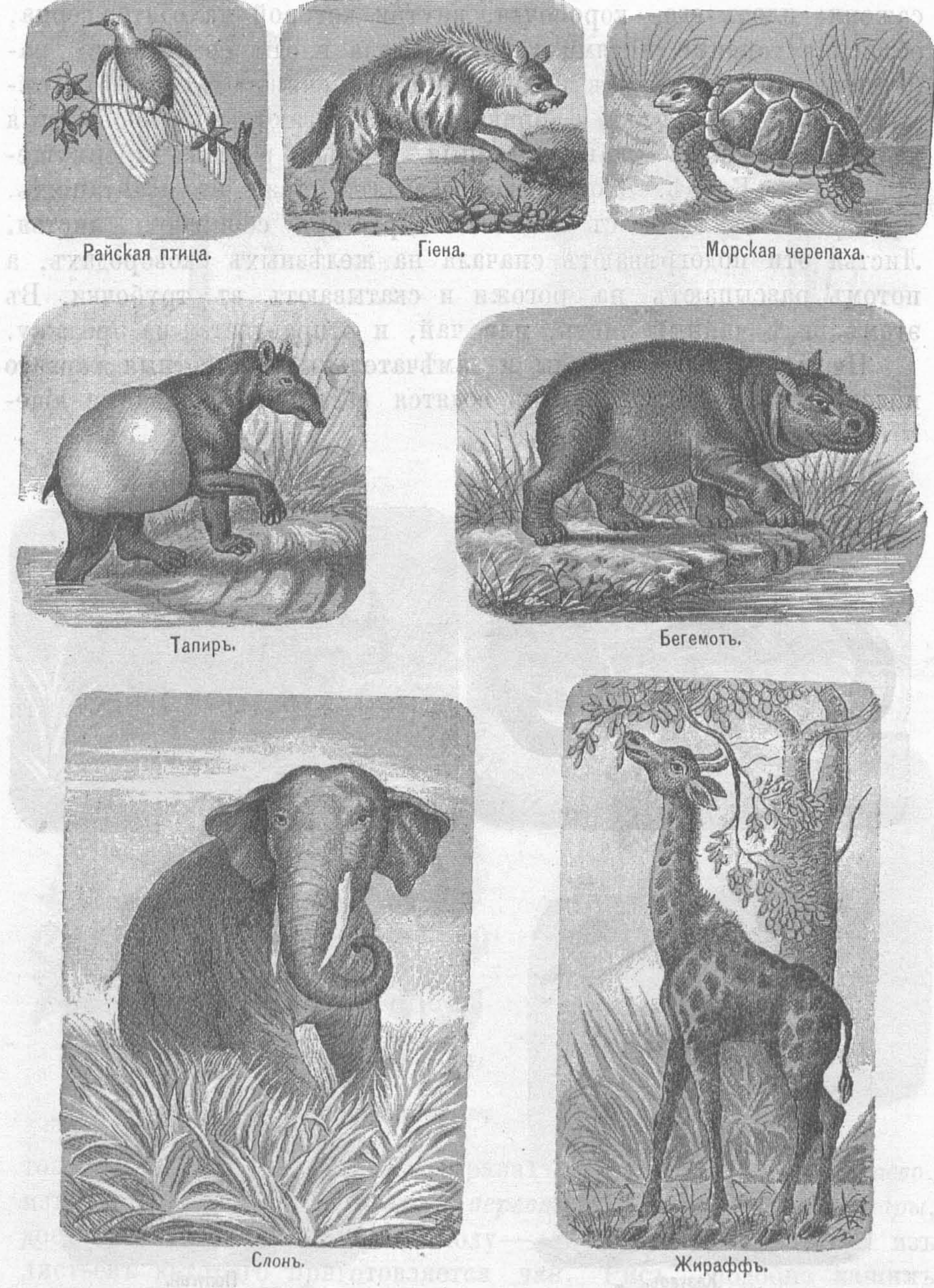

Удавъ. Носорогъ.

Казуаръ. Попугай.

рицы—*крокодилы* и огромныя змѣи—*удавы*; въ непроходимыхъ

тропическихъ лѣсахъ живутъ самыя разнообразныя птицы—*попугаи*, *райскія птицы*, крошечныя птички—*колибри;* насѣкомыя

Райская птица. Гіена. Морская черепаха.

Тапиръ. Бегемотъ.

Слонъ. Жираффъ.

жаркихъ странъ также разнообразны; такъ, напримѣръ, тамош-

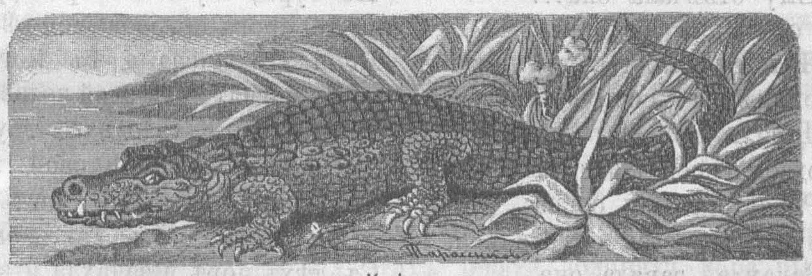
нія *бабочки* поражаютъ своею величиною и красотою крыльевъ; изъ жаркихъ странъ залетаетъ къ намъ и та *саранча*, которая опустошаетъ поля южной Россіи. Но самые замѣчательные звѣри жаркаго пояса: *слонъ*, *левъ* и *верблюдъ*.

Тигръ.

Левъ

Крокодилъ.

Совокупность всѣхъ растеній какой-нибудь страны называется *флорою* этой страны, а совокупность всѣхъ животныхъ какой-нибудь страны называется *фауною*. (По кн. «Наше родное»).

33. Осина.

Я, признаюсь, не слишкомъ люблю это дерево—осину, съ ея блѣдно-лиловымъ пнемъ и сѣро-зеленой металлической листвой, которую она вздымаетъ какъ можно выше и дрожащимъ вѣеромъ раскидываетъ въ воздухѣ; не люблю я вѣчное качаніе ея круглыхъ, непріятныхъ листьевъ, неловко прицѣпленныхъ къ длиннымъ стебелькамъ; она бываетъ хороша только въ ясные лѣтніе вечера, когда, возвышаясь отдѣльно среди низкаго кустарника, она при-

ходится въ упоръ рдѣющимъ лучамъ заходящаго солнца, и блеститъ, и дрожитъ, съ корней до верхушки облитая одинаковымъ желтымъ багрянцемъ, или когда, въ ясный вѣтренный день, она вся шумно струится и лепечетъ на синемъ небѣ, и каждый листъ ея, подхваченный стремленіемъ, какъ будто хочетъ сорваться, слѣтѣть и умчаться вдаль. *(Тургеневъ).*

34 Береза.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Какъ гроздья винограда
Вѣтвей концы висятъ,
И радостенъ для взгляда
Весь траурный [1]) нарядъ.
Люблю игру денницы [2])
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу съ вѣтвей.

(А. Фетъ).

35. Могильная сосна.

На кладбищѣ, тихо качаясь,
Росла молодая сосна;
Съ ней вѣтеръ шептался игривый;
Ему отвѣчала она...
Ее освѣжалъ по долинѣ
Чуть слышно текущій потокъ;
Корнямъ ея—сочную пищу
Дарилъ золотистый песокъ.
Гордяся своей красотою
Росла молодая сосна;
Вдругъ вѣтви ея опустились,
Зачахла, завяла она...
«Скажи мнѣ, сосна молодая,
Спросилъ ее вѣтеръ любя,
Зачѣмъ ты склонилась уныло?
Скажи, что сгубило тебя?
Иль солнце тебя не ласкаетъ,
Не кормитъ песокъ золотой,
Иль буря, не зная пощады,
Шумя пронеслась надъ тобой?»
Полна безнадежнаго горя
Сосна отвѣчала: О нѣтъ!
Земля не скупится на пищу:
Повсюду прохлада и свѣтъ.
Не буря, шумя на просторѣ
До срока сгубила мой вѣкъ:
Корнями вросла я въ могилу,
Въ могилу, гдѣ злой человѣкъ,
И въ сердце холоднаго трупа
Пустила я корни свои...
То сердце не знало участья,
То сердце не знало любви...
Съ тѣхъ поръ я зачахла и вяну,
Померкъ мой блестящій нарядъ;
Я гибну, по жиламъ струится
Тлетворный [3]), губительный ядъ...
Засохли широкія вѣтви
Спасенья отъ гибели нѣтъ;
Я къ осени кончу страданья,
И вьюга завѣетъ мой слѣдъ.

(Козловъ).

---

[1]) Траурный—печальный.
[2]) Денница—утренняя заря.
[3]) Тлетворный—вредный, губительный.

36. На сѣверѣ дубъ одинокій.

На сѣверѣ дубъ одинокій
Стоитъ на пригоркѣ крутомъ;
Онъ дремлетъ, сурово покрытый
И снѣжнымъ, и льдянымъ ковромъ.

Во снѣ ему видится пальма,
Въ далекой, восточной странѣ,
Въ безмолвной, глубокой печали,
Одна, на горячей скалѣ...

(Фетъ).

37. Яблони.

I. Я посадилъ двѣсти молодыхъ яблонь и три года весною и осенью окапывалъ ихъ и на зиму завертывалъ соломой отъ зайцевъ. На четвертый годъ, когда сошелъ снѣгъ, пошелъ я смотрѣть свои яблони. Онѣ потолстѣли въ зиму, кора на нихъ была глянцовитая и налитая: сучки всѣ были цѣлы, и на всѣхъ кончикахъ и на развилинкахъ сидѣли круглыя, какъ горошинки, цвѣтовыя почки. Кое-гдѣ уже лопнули распуколки и виднѣлись алые края цвѣтовыхъ листьевъ. Я зналъ, что всѣ распуколки будутъ цвѣтами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но, когда я развернулъ первую яблоню, я увидалъ, что внизу, надъ самой землею, кора яблони обгрызена кругомъ по самую древесину—какъ бѣлое кольцо. Это сдѣлали мыши. Я развернулъ другую яблоню,—и на другой было то же самое. Изъ двухсотъ яблонь ни одной не осталось цѣлой. Я замазалъ обгрызенныя мѣста смолою и воскомъ; но когда яблони распустились, цвѣты ихъ сейчасъ же спали. Вышли маленькіе листики, и тѣ завяли и засохли. Кора сморщилась и почернѣла. Изъ двухъ сотъ яблонь осталось только девять. На этихъ девяти яблоняхъ кора была не кругомъ объѣдена, а въ бѣломъ кольцѣ оставалась полоска коры. На этихъ полоскахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходилась кора, сдѣлались наросты, и яблони хотя и поболѣли, но пошли. Остальныя всѣ пропали, только ниже обгрызенныхъ мѣстъ пошли отростки и то все дикіе.

II. Кора у деревьевъ—тѣ же жилы у человѣка: черезъ жилы кровь ходитъ по человѣку,—и чрезъ кору сокъ ходитъ по дереву и поднимается въ сучья, листы и цвѣтъ. Можно изъ дерева выдолбить все нутро, какъ это бываетъ у старыхъ лозинъ, но только бы кора была жива—и дерево будетъ жить: но если кора пропадетъ, дерево пропало. Если человѣку подрѣзать жилы, то онъ умретъ, во-первыхъ, потому, что кровь вытечетъ, а во-вторыхъ, потому, что крови не будетъ уже ходу по тѣлу.

Такъ и береза засыхаетъ, когда ребята продолбятъ лунку, чтобы пить сокъ, и весь сокъ вытечетъ.

Такъ и яблони пропали отъ того, что мыши объѣли всю кору кругомъ, и соку уже не было хода изъ кореньевъ въ сучья, листья и цвѣтъ. *(Гр. Л. Толстой).*

38. Подсолнечникъ.

1. Корень у подсолнечника однолѣтній, крѣпкій, вѣтвистый, усаженный многочисленными мочками; цвѣтомъ онъ бѣлъ.

2. Стебель отъ полсажени до сажени и выше, прямо стоящій, наверху иногда вѣтвистый, толщиною обыкновенно пальца въ два; наверху онъ согнутъ внизъ и вздувается, при переходѣ въ соцвѣтеніе. Весь стебель подсолнечника покрытъ жесткими волосами, а внутри содержитъ большую сердцевину.

3. Крупные листья, снабженные черенками, расположены на стеблѣ поочередно; по очертанію своему и формѣ они сердцевидны, пильчаты, шероховаты, съ лица темно-зеленые, съ изнанки блѣдно-зеленые.

4. Многочисленные цвѣты подсолнечника сидятъ на одномъ общемъ ложѣ и окружены общею поволокою, состоящею изъ листовыхъ чешуй, вслѣдствіе чего всѣ они кажутся однимъ огромнымъ цвѣткомъ.

5. Плодомъ подсолнечника бываютъ сѣмячки пепельно-сѣраго цвѣта.

6. Подсолнечникъ родомъ изъ Мексики; тамъ изъ его плодовъ добываютъ хорошее масло и муку для хлѣба.

7. У насъ, въ Россіи, разведеніе подсолнечника идетъ очень успѣшно, особенно въ Саратовской губерніи, гдѣ имъ засѣваются огромныя пространства.

8. Наше подсолнечное масло идетъ даже за границу, а сухими стеблями подсолнечника успѣшно замѣняютъ въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ топливо. *(Изъ Хрест. Полевого).*

39. Что говоритъ человѣку лилія? [1]).

«Я бѣла, какъ первый снѣгъ: будь и ты чистъ и свѣтелъ душою. Росту я открыто: будь и ты откровененъ [2]), простъ и

---

[1]) Лилія—луковичное растеніе, цвѣтокъ.

[2]) Откровенный—истинный, прямодушный, чистосердечный.

невиненъ сердцемъ. Я всегда обращена къ небу и клоню мою головку къ солнцу: приклоняй и ты голову на святую молитву, а душой взирай туда, гдѣ живетъ Богъ святый и возлюбленный. Съ неба течетъ ко мнѣ роса: съ неба притечетъ и къ тебѣ благодать [1]) Господня, если ты будешь ждать ее, какъ я жду росы небесной утро и вечеръ. Я дѣлю мой душистый запахъ и мою нѣжную влагу со всѣми, кто хочетъ: раздѣляй и ты свои дарованія [2]), свои труды и все, что имѣешь, съ братьями—людьми. Я служила образцомъ для украшенія въ храмѣ Соломона: служи и ты по своей чистотѣ и благочестію примѣромъ душевной красоты въ церкви Христовой; пусть твои слова, поступки, обращеніе съ людьми будутъ примѣромъ для твоихъ братій. Смотря на меня, человѣкъ, воспоминай о томъ, какъ Господь любитъ Свою Церковь; всею душою, всѣмъ сердцемъ люби и ты своего Господа».

40. Почка съ вишневаго дерева.

I. Недавно мнѣ было очень грустно и тяжело на душѣ. Меня мучили заботы. Я не смѣлъ надѣяться на помощь людей, а до Бога мнѣ казалось далеко. Въ печальномъ раздумьи вышелъ я погулять въ саду. Не давая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, я сорвалъ почку съ вишневаго дерева. Была ранняя весна, всѣ деревья казались голыми, какъ зимою. Почка эта не могла еще быть весенней почкой. Нѣтъ, она родилась еще прошлымъ лѣтомъ. И въ самомъ дѣлѣ, лѣто вѣдь не только даетъ листья, цвѣты и плоды на одинъ годъ: оно создаетъ кромѣ того милліоны почекъ для будущей весны. Но почка вещь нѣжная. Мало-ли что можетъ случиться съ ней въ теченіе цѣлаго года! Каково ей осенью, когда холодный вѣтеръ качаетъ деревья, и зимою въ морозъ и непогоду? Почка, которая была у меня въ рукахъ, пережила всѣ эти испытанія.

«Что дѣлала ты зимою, капелька?» говорилъ я мысленно, возвращаясь къ себѣ домой.

II. Потомъ я началъ раздѣвать ее, и мало-по-малу я вникъ въ ея тайну.

Какъ вы думаете, во что была одѣта почка?

Сперва я снялъ съ нея тринадцать крошечныхъ, чешуйчатыхъ оболочекъ, похожихъ на чешуи еловыхъ шишекъ. Подъ ними

---

[1]) Благодать—помощь свыше, милость, обиліе.
[2]) Дарованія—способности, умѣнье.

оказалось еще три мягкихъ, плотныхъ оболочки, немного больше первыхъ, а подъ этими еще три, мягче и плотнѣе первыхъ. Итого: шесть одѣялъ и тринадцать покрышекъ! Понятно, что почкѣ тепло подъ ними!

Что же, думаете, нашелъ я между двумя изъ этихъ одѣялъ?

Крошечное насѣкомое, шириною въ волосъ, вдругъ побѣжало по моей рукѣ въ ту минуту, когда я, развернувъ оболочки, невольно разбудилъ его отъ зимняго сна. Заботливая мать уложила его лѣтомъ въ теплую постельку, и оно спокойно проспало много мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ другія, побольше и посильнѣе его, погибали отъ холода.

А подъ всѣми этими одѣяльцами спали настоящія почки, три маленькіе зародыша, изъ которыхъ лѣтомъ образовались бы цвѣты, а позднѣе, въ іюлѣ, сладкія вишни... Они были похожи на спящихъ малютокъ. Имъ не пришла еще пора встать. Не мнѣ, вѣдь, слѣдовало бы разбудить ихъ, а теплому, свѣтлому солнцу, которое уже начало согрѣвать природу и готовило радостный пріемъ своимъ любимымъ дѣтямъ. Мнѣ стало жалко, что я не далъ имъ выспаться вдоволь. Но такъ какъ я ужъ разъ растревожилъ ихъ, мнѣ захотѣлось еще ближе разсмотрѣть моихъ красотокъ: я развернулъ послѣднюю оболочку, и что же я увидѣлъ? Тутъ хранились бѣлые, прозрачные лепестки, украшенные нѣжною сѣтью розовыхъ жилокъ, а въ самой середкѣ пучокъ золотыхъ стебельковъ — будущіе пестики и тычинки цвѣтка. Этихъ стебельковъ было тридцать пять. Всѣ они были готовы развернуться, и въ свое время образовать красный, сочный плодъ.

III. Кто бы могъ подумать, что въ скромной, невзрачной почкѣ скрывается цѣлый міръ, полный жизни и красоты! Кто бы могъ себѣ представить это множество разнообразныхъ частей, и всю эту прелесть и это совершенство! И не одна, а тысячи такихъ дивныхъ почекъ виднѣются на обнаженныхъ вѣтвяхъ нашихъ деревьевъ! Я долго смотрѣлъ изъ окна, думая объ этихъ безчисленныхъ, на видъ безжизненныхъ созданіяхъ. Небесный Отецъ не забываетъ ни одного изъ нихъ. Неужели же Онъ забудетъ меня? Нѣтъ, нѣтъ и ко мнѣ скоро придетъ свѣтлое солнышко, и я тоже согрѣюсь и развернусь подъ вліяніемъ его отрадныхъ лучей!

41. Каменный уголь.

I. Въ темномъ лѣсу, на глубокомъ, черномъ болотѣ, стояло большое дерево: на немъ росли только сучья да листья, а цвѣтовъ

и плодовъ на немъ вовсе не было. Ни одна птичка не жила на этомъ деревѣ и не вила гнѣздышка; въ цѣломъ лѣсу не было ни одной бѣлки. Только комары да мухи жужжали тамъ въ сыромъ воздухѣ. Глухо и пусто было въ этомъ болотистомъ лѣсу. Дерево мало-по-малу состарѣлось; корни его погнили. Вотъ подулъ вѣтеръ и пошатнулъ стволъ; дерево упало и погрязло въ черномъ болотѣ. Черезъ него переползали большія ящерицы. Его покрыла грязная, илистая вода.—Волны наносили на него песку и глины и зарывали все глубже и глубже. Зеленые листья его почернѣли и сгнили, а стволъ былъ до того сдавленъ тяжелымъ слоемъ песку и тины, что дерево стало твердо, какъ камень.

То же самое случилось и съ сосѣдними деревьями. Прошло нѣсколько сотъ лѣтъ. Болото понемногу занесло землею, и оно высохло. На немъ поселились люди, развели сады и поля, построили городъ и деревни. Никто и не зналъ, что подъ ними глубоко въ землѣ были зарыты мертвыя деревья.

II. Разъ какъ-то рудокопы вырыли въ землѣ большую глубокую яму—шахту. Они искали въ землѣ благородныхъ металловъ, а нашли черный зарытый лѣсъ. «А! каменный уголь! Ну, въ добрый часъ!» радостно воскликнули они и сообщили о находкѣ другимъ людямъ. Скоро мертвыя деревья опять очутились надъ землею, подъ лучами краснаго солнышка, и снова начали жить, но конечно, уже совсѣмъ иначе, нежели жили прежде.

Одинъ кусокъ древеснаго ствола попалъ на кухню: его разожгли и, такимъ образомъ, при его помощи сварили супъ, зажарили мясо и испекли пирожное. Другой кусокъ попалъ въ комнату, въ угольную корзину, которая стояла у камина. Бабушка развела въ комнатѣ огонь и положила туда этотъ кусокъ; дѣти смотрѣли, какъ онъ загорѣлся и ярко запылалъ, освѣщая всю комнату. Понемногу онъ нагрѣлъ комнату, хотя на дворѣ въ это время свистѣлъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, и деревья трещали отъ мороза. Третій кусокъ попалъ на газовую фабрику. Тамъ его раскалили въ плотно закрытомъ котлѣ и превратили въ горючій воздухъ. Этотъ горючій воздухъ, или свѣтильный газъ, провели подъ землею, по длиннымъ чугуннымъ трубамъ, въ уличные фонари и въ нѣкоторые дома. Тамъ его зажгли, и въ самыя темныя ночи на улицахъ и въ комнатахъ стало свѣтло. Газъ горитъ свѣтлѣе всякой свѣчки и лампы. Четвертый кусокъ каменнаго угля попалъ на желѣзную дорогу, въ паровозъ. Затопили печку паровоза; онъ зашумѣлъ, запыхтѣлъ, и весь поѣздъ

быстро понесся изъ города въ городъ и повезъ съ собою множество людей и поклажи.

Остался еще одинъ кусокъ отъ чернаго древеснаго ствола: онъ былъ особенно твердъ и блестящъ. Изъ него токарь сдѣлалъ красивыя, черныя, блестящія пуговицы для новаго платья мальчика; онѣ блестятъ на солнцѣ, какъ настоящіе драгоцѣнные камни. (*Изъ* «*Пер. раз. изъ ест. ист.*». *Вагнера*).

42. Сажа.

I. Въ темномъ лѣсу стоитъ маленькая хижина; каждое утро съ восходомъ солнца отворяется ея низкая дверь, и изъ нея выходитъ человѣкъ. На немъ темное платье, на головѣ черная шляпа, а за спиной большой мѣшокъ. Для чего ему этотъ мѣшокъ? Что онъ положитъ въ него? и что вообще онъ тутъ дѣлаетъ?

Человѣкъ этотъ собираетъ щепки и опилки, оставшіяся послѣ рубки деревъ. Онъ собираетъ отпавшіе куски коры и иглы хвойныхъ деревъ; онъ не прихотливъ и довольствуется разнымъ соромъ и древесными остатками, которыми пренебрегаютъ другіе дровосѣки.

Все это онъ прячетъ въ свой мѣшокъ и уноситъ съ собою въ хижину. Возлѣ хижины онъ сложилъ изъ камней печку съ высокой, дымовой трубой. На верхнее отверстіе трубы человѣкъ этотъ надѣваетъ длинный, широкій мѣшокъ. Все то, что онъ набралъ въ лѣсу: корни, иглы и проч., онъ кладетъ въ печь и зажигаетъ ихъ. Тяга въ печкѣ слаба. Воздуха мало проходитъ въ нее; поэтому весь этотъ соръ горитъ не яркимъ, свѣтлымъ пламенемъ, а медленно тлѣетъ и даетъ много густого и темнаго дыма. Дымъ проходитъ по трубѣ въ мѣшокъ; здѣсь онъ садится на стѣнки мѣшка мохнатыми хлопьями въ видѣ черной сажи.

II. Пока печка топится человѣкъ сколачиваетъ изъ тонкихъ дощечекъ маленькія бочки и связываетъ ихъ небольшими деревянными обручами. Снявъ съ трубы мѣшокъ, онъ вытряхаетъ изъ него сажу въ эти боченки и заколачиваетъ ихъ сверху маленькими деревянными крышками. При такой работѣ онъ, конечно, становится черенъ, какъ трубочистъ.

Когда ему удастся наполнить сажей нѣсколько большихъ и малыхъ бочекъ, онъ сваливаетъ ихъ на телѣжку и отвозитъ ихъ въ городъ. Здѣсь ее покупаетъ всякій, кому нужна черная краска.

Обойщикъ печатаетъ ею на обояхъ рисунки. Красильщикъ

смѣшиваетъ ее съ гумми-арабикомъ въ густое тѣсто, рѣжетъ, и кладетъ въ формы—и получаетъ черную краску, которую и кладетъ въ ящикъ съ красками. Ею раскрашиваютъ дѣти бороды и усы солдатамъ на картинкахъ. Каменщики употребляютъ ее для раскрашиванія стѣнъ. Типографщики дѣлаютъ изъ нея черную краску и печатаютъ ею картины и книги. Даже сапожнику нужна эта сажа для приготовленія ваксы. (*Изъ Дѣтск. чт.*).

43. Наши хлѣбныя растенія.

Если мы въ половинѣ лѣта выйдемъ на поле гдѣ-нибудь возлѣ Москвы, то навѣрное залюбуемся, какъ волнуются и точно бѣгутъ по отлогимъ холмамъ разноцвѣтныя полосы хлѣбовъ. Здѣсь желтѣетъ густая рожь, тамъ синѣетъ еще недозрѣвшій овесъ, возлѣ кланяется до земли усатый ячмень; а за нимъ, подальше отъ дороги, зеленѣетъ курчавый горохъ.

Пойдемъ осторожнѣе по межамъ и разсмотримъ поближе, что растетъ на каждой нивѣ. Съ перваго же взгляда замѣтимъ мы, что всѣ эти растенія, кромѣ гороха, похожи одно на другое и своими колѣнчатыми соломинками, пустыми въ серединѣ, и своими длинными узкими листьями, съ продольными жилками, и своими корнями въ видѣ пучка нитокъ, и, наконецъ, своими колосьями, хотя у ячменя колосъ съ такими длинными усами, какихъ нѣтъ у ржи, а у овса разсыпался метелкою. Только курчавый горохъ принадлежитъ къ другой семьѣ растеній: и листья у него не такіе, круглѣе, и жилки на листьяхъ расползаются во всѣ стороны, и зернышки спрятаны въ стручья, какъ у бобовъ; а хорошенькій синеватый или розоватый цвѣточекъ похожъ на мотылька съ поднятыми крылышками.

Если бы мы вышли на поле гдѣ-нибудь поюжнѣе, въ Малороссіи, то увидали бы еще болѣе разнообразія. Здѣсь, возлѣ ржи и овса, огромныя поля покрываетъ пшеница, съ толстыми, будто гранеными колосьями и тучнымъ зерномъ; просо, со своими метелками, наклоняющимися почти до земли, и гречиха съ красными стебельками и бѣлорозовыми цвѣточками. Разсмотримъ эти хлѣбныя растенія и найдемъ, что пшеница и просо, по формѣ своихъ листьевъ и соломинокъ, принадлежатъ къ одному семейству съ рожью. Одна только гречиха со своими бѣлорозовыми цвѣтами, своими трехъ-угольными зернами и вьющимся корнемъ, принадлежитъ къ другому отдѣлу растеній.

Для жителя среднихъ губерній Россіи нѣтъ растенія милѣе

ржи; онъ не даромъ зоветъ ее своею кормилицею и говоритъ, что *рожъ кормитъ всѣхъ сплошь, а пшеничка — по выбору, и что аржаной хлѣбушка пшеничному калачу дѣдушка.* Но въ южной черноземной полосѣ Россіи сѣютъ больше пшеницу и развозятъ ее оттуда по всѣмъ губерніямъ, вывозятъ и въ чужія государства.

(Изъ «Дѣтскаго міра» Ушинскаго).

44. Три пальмы.

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.
И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей [1]) зеленой;
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.
И стали три пальмы на Бога роптать.
«На то-ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ?
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ»...
И только замолкли—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки [2]);
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.
Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали
И черныя очи оттуда сверкали...

---

[1]) Куща—то же, что сѣнь, палатка; здѣсь зеленой кущей названа листва дерева.

[2]) Вьюки—такъ называются кожаные или холщевые мѣшки, которые перекидываютъ черезъ спину вьючнаго животнаго (лошади, осла, верблюда) такъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ тяжесть была равна.

И, станъ худощавый къ лукѣ [1]) наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.
И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фари́са [2]) вились въ безпорядкѣ;
И съ крикомъ, и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.
Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ;
Кувшины, звуча, налилися водою,
И гордо кивая махровой [3]) главою
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.
Но только что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,

Пальмы.

[1]) Лукою называется изогнутая передняя часть сѣдла.
[2]) Фарисъ—наѣздникъ.
[3]) Махровый—раскидистый, роскошный.

И пали безъ жизни питомцы столѣтій [1])!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.
Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный [2]) свой путь совершалъ караванъ—
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло...

(Лермонтовъ).

45. Когда волнуется желтѣющая нива.

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу [3])
Про мирный край, откуда мчится онъ:
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

(М. Лермонтовъ).

46. Садъ въ деревнѣ Плюшкина.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполтѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся

---

1) Пальмы здѣсь названы питомцами столѣтій потому, что онѣ росли нѣсколько сотъ лѣтъ.

2) Урочный—положенный, заранѣе назначенный.

3) Сага—древнее народное сказаніе.

на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный [1]) стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею, или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи, и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители [2]), темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка, или черная птица. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣсного орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его бѣжавшая, узкая дорожка, обрушенныя перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, наконецъ молодая вѣтвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы — листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада нѣсколько высокорослыхъ не вровень другимъ осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и не вполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и даетъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности. (*Н. Гоголь*).

47. Лѣсъ.

Что дремучій лѣсъ
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?

1) Колоссальный—большой, величественный.

2) Капитель—верхняя часть столба, колонны.

Что Бова—силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,—

Ты стоишь—поникъ
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей—бурею?

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ—
И развѣялъ въ прахъ.

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь—поникъ—
И не ратуешь...

Гдѣ-жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя-ль—было—
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...

У тебя-ль—было—
Дни—роскошество,
Другъ и не другъ твой
Прохлаждаются...

У тебя-ль—было,
Поздно вечеромъ,
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ:

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ, холодомъ.

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ!
Держи около!»

Закружитъ она,
Разыграется...
Дрогнетъ грудь твоя;
Зашатаешься;

Встрепенувшися,
Разбушуешься,
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ.

Буря всплачется
Лѣшимъ—вѣдьмою
И несетъ свои
Тучи за море.

Гдѣ-жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь
Затуманился...

Одичалъ, замолкъ,
Только въ непогодь
Воешь жалобу
На безвременье...

Такъ-то темный лѣсъ,
Богатырь Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.

Знать во время сна
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули.

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову—
Не большой горой,
А соломинкой.—

(*Кольцовъ*).

48. Дерево.

Всѣ деревья имѣютъ двѣ главныя части: нижнюю, подъ землей, и верхнюю, надъ землей. Нижняя, подземная часть дерева называется *корнемъ*, а верхняя, растущая надъ землей, *стволомъ*. Стволъ приноситъ бо́льшую пользу человѣку, нежели корень, и имѣетъ наибольшую цѣнность: онъ идетъ на топливо, на постройку жилыхъ и служебныхъ строеній и на разныя подѣлки. Стволъ не во всю длину дерева одинаково толстъ; часто мы видимъ деревья съ слабой, тонко-вѣтвистой вершиной. Если мы разрѣжемъ стволъ дерева поперекъ, то увидимъ, что площадь разрѣза имѣетъ бо́льшее или меньшее число правильныхъ круговъ, и они не вездѣ одинаковаго цвѣта. Круги эти называютъ годичными слоями; по числу ихъ опредѣляютъ лѣта дерева. Ближайшіе къ корѣ слои бываютъ нѣсколько свѣтлѣе и бѣлѣе, чѣмъ слои внутренніе, и уступаютъ имъ въ твердости и прочности. Эти болѣе свѣтлые и ближайшіе къ корѣ слои называются *оболонью* или *болонью*, а тѣ, внутренніе—*древесиной*. Въ постройкахъ, требующихъ крѣпкаго и прочнаго лѣса, оболонь *всегда* стесываютъ. Послѣдній слой болони, лежащій подлѣ самой коры дерева, называютъ *заболонью;* она, образуясь отъ исходящаго сока, весною бываетъ въ видѣ слизи и твердѣетъ только къ осени. Вотъ почему такъ легко бываетъ отдѣлять кору отъ дерева весною. Самые внѣшніе слои разрѣза, облегающіе дерево, называютъ *корою;* ближайшіе къ древесинѣ—*лубомъ*, а у молодыхъ деревъ—*лыкомъ*; слѣдовательно, лубъ и кора не одно и то же. Итакъ, разсматривая дерево, мы видимъ, что лубомъ и лыкомъ называютъ внутренніе молодые слои коры, а заболонью и бо́лонью—молодые слои древесины.

49. Пожаръ.

Въ одну минуту пламя охватило весь домъ. Полы затрещали, посыпались; пылающія бревна стали падать; красный дымъ вился надъ кровлею.

Вскорѣ вся дворня высыпала на дворъ. Бабы съ крикомъ спѣшили спасти свою рухлядь. Искры полетѣли огненной метелью, избы загорѣлись.

Новое явленіе привлекло всеобщее вниманіе: кошка бѣгала

по кровлѣ пылающаго сарая, недоразумѣвая, куда прыгнуть. Со всѣхъ сторонъ окружало ее пламя. Бѣдное животное съ жалкимъ мяуканьемъ призывало на помощь. Мальчишки помирали со смѣху, смотря на ея отчаяніе. «Чему смѣетесь, бѣсенята?» сказалъ кузнецъ: «Бога вы не боитесь: Божія тварь погибаетъ, а вы сдуру радуетесь!» И поставя лѣстницу на загорѣвшуюся кровлю, онъ полѣзъ за кошкою. Она поняла его намѣреніе и съ видомъ торопливой благодарности уцѣпилась за его рукавъ. Полуобгорѣлый кузнецъ съ своей добычей слѣзъ внизъ. *(А. Пушкинъ)*.

50. Птичка.

«Ахъ, зачѣмъ, пѣвунья птичка,
Птичка рѣзвая моя,
Ты такъ рано прилетѣла
Въ наши дальніе края!

Заслонили солнце тучи,
Небеса заволокли,
И камышъ сухой и желтый
Клонитъ вѣтеръ до земли.

Вотъ и дождикъ, посмотри-ка,
Хлынулъ словно изъ ведра;
Скучно! Холодно! Какъ будто
Не весенняя пора».

— Не для солнца, не для неба
Прилетѣла я сюда:
Въ камышахъ сухихъ и звонкихъ
Не совью себѣ гнѣзда.

Я совью его подъ кровлей
Горемыки бѣдняка;
Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.

Въ часъ какъ онъ, вернувшись съ поля
Въ хату ветхую свою,
Ляжетъ грустный на солому,
Пѣсню я ему спою.

Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей.
Никогда ея не пѣла
Для счастливыхъ я людей.

Въ ней повѣдую я много
Про иной, чудесный свѣтъ:
Гдѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Ни тревогъ, ни горя нѣтъ.

Эта пѣсня примиренье
Въ грудь усталую прольетъ,
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ заснетъ.

(Плещеевъ).

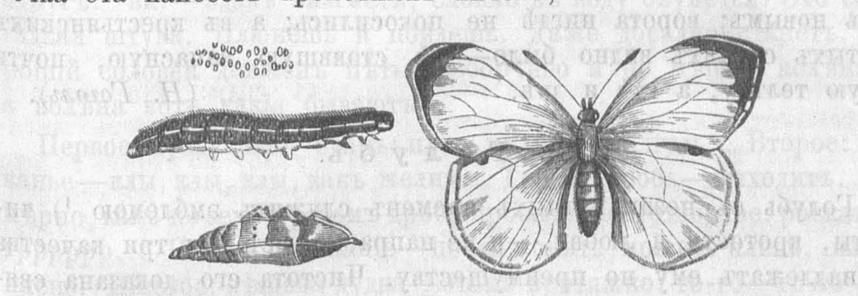
51. Капустная бабочка.

Мальчикъ поймалъ на огородѣ бѣленькую бабочку и принесъ къ отцу.

— Это превредная бабочка, сказалъ отецъ: если ихъ разведется много, то пропадетъ наша капуста.

— Неужели эта бабочка такая жадная?—спрашиваетъ мальчикъ.

— Не самая бабочка, а ея гусеница, — отвѣчалъ отецъ: бабочка эта нанесетъ крохотныхъ яичекъ, а изъ яичекъ выползутъ

червячки: ихъ-то и зовутъ гусеницами. Гусеница очень обжорлива: она только и дѣлаетъ, что ѣстъ да растетъ. Когда она выростетъ, то дѣлается куколкой. Куколка не ѣстъ, не пьетъ, лежитъ безъ движенія; а потомъ вылетитъ изъ нея бабочка, такая же, какъ вотъ эта. Такъ превращается всякая бабочка: изъ яичка въ гусеницу, изъ гусеницы въ куколку, изъ куколки въ бабочку; а бабочка нанесетъ яичекъ и замретъ гдѣ-нибудь на листкѣ.

(*Р. Сл.*)

52. Птичій дворъ.

Подошедши къ окну, Чичиковъ началъ разсматривать бывшіе передъ нимъ виды: окно глядѣло едва ли не въ курятникъ; по крайней мѣрѣ, находившійся передъ нимъ узенькій дворикъ весь былъ наполненъ птицами и всякой домашней тварью. Индюшкамъ и курамъ не было числа; промежъ нихъ расхаживалъ пѣтухъ мѣрными шагами, потряхивая гребнемъ и поворачивая голову на бокъ, какъ будто къ чему то прислушиваясь; свинья съ семействомъ очутилась тутъ же; разгребая кучу сора, съѣла она мимоходомъ цыпленка и, не замѣчая этого, продолжала уписывать арбузныя корки своимъ порядкомъ. Этотъ небольшой дворикъ, или курятникъ, преграждалъ дощатый заборъ, за которымъ тянулись пространные огороды съ капустой, лукомъ, картофелемъ, свеклой и прочимъ хозяйственнымъ овощемъ. По огороду были разбросаны кое-гдѣ яблони и другія фруктовыя деревья, покрытыя сѣтями для защиты отъ сорокъ и воробьевъ, изъ которыхъ послѣдніе цѣлыми косвенными тучами переносились съ одного мѣста на другое; для этой же самой причины водружено было нѣсколько чучелъ на длинныхъ шестахъ, съ распростертыми руками; на одномъ изъ нихъ надѣтъ былъ чепецъ самой хозяйки. За огородами слѣдовали крестьянскія избы, которыя хотя были выстроены вразсыпную и не заключены въ правильныя улицы,

но показывали довольство обитателей, ибо были поддерживаемы какъ слѣдуетъ: изветшавшій тесъ на крышахъ вездѣ былъ замѣненъ новымъ; ворота нигдѣ не покосились; а въ крестьянскихъ крытыхъ сараяхъ видно было—гдѣ стоявшую запасную, почти новую телѣгу, а гдѣ и двѣ. (*Н. Гоголь*).

53. Голубь.

Голубь съ незапамятныхъ временъ служитъ эмблемою [1]) чистоты, кротости и любви,—и не напрасно: всѣ эти три качества принадлежатъ ему по преимуществу. Чистота его доказана святыми ветхо и ново-завѣтными словами. Любовь голубя къ голубкѣ и общая ихъ нѣжность къ дѣтямъ признаны всѣмъ народомъ русскимъ и засвидѣтельствованы его пѣснями и поговорками: слова ласки и сожалѣнія: «голубчикъ» и «голубушка», постоянно слышны въ рѣчахъ простого народа. Хотятъ ли сказать, какъ ладно живетъ мужъ съ женой, какъ согласны братъ съ сестрой, какъ дружны между собой пріятели и пріятельницы,—непремѣнно скажутъ: «Они живутъ, какъ голубь съ голубкой, не наглядятся другъ на друга». Желая выразить чье-нибудь простодушіе или доброту, говорятъ: «У него голубиная душа». Сострадая чужой бѣдѣ, всякая крестьянка скажетъ: «Охъ, моя голубушка, натерпѣлась она горя». Самая наружность голубя выражаетъ его качества: какъ онъ всегда чистъ и опрятенъ, какъ соразмѣрны всѣ части его тѣла, какая круглота, мягкость въ очертаніяхъ его фигуры! Во всѣхъ движеніяхъ нѣтъ ничего порывистаго, рѣзкаго: все такъ кротко, спокойно, граціозно [2]). Народъ глубоко чувствуетъ нравственныя качества голубей и питаетъ къ нимъ особенную любовь. Русскихъ голубей, безъ сомнѣнія, переродившихся изъ дикихъ, многіе домохозяева кормятъ хлѣбными зернами, ставятъ имъ полки для гнѣздъ, и всякій хозяинъ считаетъ благопріятнымъ знакомъ, если голуби хорошо ведутся у него на дворѣ. Крестьяне никогда не ѣдятъ голубей, и во многихъ деревняхъ не позволяютъ ихъ стрѣлять. (*С. Аксаковъ*).

54. Пѣніе соловья.

Соловьи у насъ здѣсь [3]) дрянные: поютъ дурно, понять ничего нельзя, всѣ колѣна мѣшаютъ, трещатъ, спѣшатъ; а то вотъ

[1]) Эмблема—знакъ.
[2]) Граціозно—прекрасно.
[3]) Во Мценскомъ (Орл. г.), Чернскомъ и Бѣлевскомъ (Тульск. г.) уѣздахъ.

еще у нихъ самая гадкая есть штука: сдѣлаетъ эдакъ тру и вдругъ: ви!—эдакъ визгнетъ, словно въ воду окунется. Это самая гадкая штука. Плюнешь и пойдешь. Даже досадно станетъ. Хорошій соловей долженъ пѣть разборчиво и не мѣшать колѣна,—а колѣна вотъ какія бываютъ:

Первое: пульканье—эдакъ: пуль, пуль, пуль, пуль... Второе: клыканье—клы, клы, клы, какъ желна... Третье: дробь—выходитъ, примѣрно, какъ по землѣ разомъ дробь просыпятъ. Четвертое: раскатъ—трррррр... Пятое: пленканіе—почти понять можно: плень, плень, плень. Шестое: лѣшева дудка—этакъ протяжно: го-го—го-го—го, а тамъ коротко: ту! Седьмое: кукушкинъ перелетъ. Самое рѣдкое колѣно; я только два раза въ жизни его слыхивалъ—и оба раза въ Тимскомъ уѣздѣ. Кукушка, когда полетитъ, такимъ манеромъ кричитъ. Сильный такой, звонкій свистъ. Восьмое: гусачекъ: га-га-га-га... У Малоархангельскихъ соловьевъ хорошо это колѣно выходитъ. Девятое: юлиная стукотня. Какъ юла,—есть птица, на жаворонка похожая,—или какъ вотъ органчики бываютъ,—эдакій круглый свистъ: фююіюіюію... Десятое: починъ—эдакъ: ти-и-вить,—нѣжно малиновкой. Это, по настоящему, не колѣно, а соловьи обыкновенно такъ начинаютъ. У хорошаго, нотнаго соловья, оно еще вотъ какъ бываетъ: начнетъ тии—вить—а тамъ: тукъ! Это оттолочкой называется. Потомъ опять—тии—вить... тукъ! тукъ! Два раза оттолочка—и въ полъ-удара, эдакъ лучше; въ третій разъ тии—вить—да какъ разсыплетъ вдругъ, дробью или раскатомъ—едва на ногахъ устоишь—обожжетъ! Эдакой соловей называется съ ударомъ или съ оттолочкой.

У хорошаго соловья каждое колѣно длинно выходитъ, отчетливо, сильно; чѣмъ отчетливѣй, тѣмъ длиннѣй. Дурной спѣшитъ: сдѣлалъ колѣно, отрубилъ скорѣе и другое, и—смѣшался. Дуракъ-дуракомъ и остался. А хорошій—нѣтъ! Разсудительно поетъ, правильно. Примется какое-нибудь колѣно чесать—не сойдетъ съ него до истомы, проберетъ хоть кого. Иной даже съ оборотомъ—такъ длиненъ; пуститъ, напримѣръ, колѣно—дробь что-ли,—сперва книзу, а потомъ опять въ гору, словно кругомъ себя окружитъ, какъ каретное колесо перекатитъ—надо такъ сказать. Одного я такого слышалъ у Мценскаго купца Ш-ва; вотъ былъ соловей! Въ Петербургѣ за 1200 рублей ассигнаціей былъ проданъ.

(И. Тургеневъ).

55. Соль.

I. Соль есть минералъ [1]); она и добывается изъ морской воды, и выкапывается изъ земли.

Возьмите стаканъ воды и насыпьте туда соли: она сейчасъ же распустится, и, посмотрѣвъ на воду, нельзя будетъ догадаться, что въ стаканѣ, кромѣ воды, есть и соль; но стоитъ только попробовать, и вы по соленому вкусу воды сейчасъ же узнаете, что она содержитъ въ себѣ соль. Поставьте эту воду куда-нибудь и оставьте ее: черезъ нѣкоторое время вся вода испарится, и на днѣ стакана останутся очень маленькіе прозрачные камушки, называемые кристалликами, образовавшіеся изъ брошенной вами въ сосудъ соли; она-то по испареніи воды и преобразовалась въ эти кристаллики.

II. Морская вода содержитъ въ себѣ довольно соли въ распущенномъ видѣ; вотъ какъ добываютъ соль изъ морской воды:

Около моря выкапываютъ мелкіе пруды, куда и впускаютъ морскую воду, послѣ чего закапываютъ канаву, которая проводила воду изъ моря. Пруды эти мало-по-малу высыхаютъ, и на ихъ днѣ остаются такіе же кристаллики, какъ и въ нашемъ стаканѣ; но въ него вы насыпали совсѣмъ чистую, уже приготовленную для употребленія соль; кристаллики же, образующіеся на днѣ прудовъ, еще не чистая соль: ее нужно прежде очистить, выварить, что дѣлается въ соляныхъ варницахъ; послѣ того она уже можетъ быть употреблена въ дѣло.

Не одна морская вода содержитъ въ себѣ соль; есть и озера и ключи съ соленой водой; но для добыванія соли и изъ этой воды поступаютъ такимъ же образомъ.

III. Сказано было, что соль кромѣ морской воды добывается еще и изъ земли: но здѣсь она въ твердомъ видѣ, и находится на довольно значительномъ разстояніи отъ поверхности земли; чтобы ее достать, нужно раскапывать землю и откалывать ее кусками, потому что она обыкновенно составляетъ одну сплошную массу [2]).

Такая твердая, каменная соль добывается у насъ, въ Россіи, главнымъ образомъ въ Илецкой Защитѣ, въ Оренбургской губерніи; есть у насъ и озера съ соленой водой; изъ нихъ самое замѣчательное—Эльтонъ въ Саратовской губерніи.

---

1) Минералами называются металлы (т. е. золото, серебро, желѣзо и т. п.), глины, драгоцѣнные и простые камни.

2) Масса—значительная груда веществъ, толща.

IV. Соль полезна не только какъ приправа кушанья, гдѣ она, улучшая вкусъ, необходима для здоровья; но солью же сохраняютъ въ прокъ мясо различныхъ животныхъ и птицъ, различные плоды и растенія; если бы ихъ не посолить, то они бы испортились и пропали даромъ.

(Изъ «Перв. кн. д. чт.» Паульс.)

56. Аспидная доска.

I. Гора состояла изъ многихъ твердыхъ каменныхъ породъ: кремня, глины, желѣза и друг. На ней росли деревья и трава. Зимой морозъ, а лѣтомъ солнце, дождь и вѣтеръ подмачивали горныя скалы. Онѣ крошились и растирались въ мелкій пыльный порошокъ. Листья и стебли разлагались и превращались также въ черный порошокъ. Вѣтеръ уносилъ порошокъ въ долину, а дождь смывалъ его, и уносилъ сначала въ горный потокъ, а потомъ въ ручей. И тотъ и другой дѣлались отъ этого и мутны, и грязны.

II. Эти мутныя воды сбѣгали въ долину и далѣе по ней въ озеро. Весело рѣзвились въ нихъ рыбы. Но въ озерѣ вода стояла спокойно. Здѣсь она отдыхаетъ отъ своей работы и быстраго бѣга: и всѣ мутныя частички осѣдаютъ на дно. Тамъ на днѣ образуется слой темнаго илу. Въ немъ копошится цѣлый міръ разныхъ червей и слизняковъ. Гора, между тѣмъ, становилась съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. На дно озера ложился каждый годъ новый слой илу. Озеро становилось все мельче и мельче. Новый илъ еще очень рыхлъ и мягокъ, а старый становился все тверже и тверже. Мелкія частички его крѣпче и крѣпче соединялись между собою и образовали плотные, твердые слои, лежавшіе другъ на другѣ, какъ листья въ большой книгѣ. Такимъ образомъ изъ мягкаго, озернаго ила образовался крѣпкій, плотный аспидъ, и, смотря на него, никто не подумаетъ, что онъ образовался изъ обратившейся въ порошокъ глины, кремня, желѣза и травы.

III. Современемъ отъ большой горы остался только маленькій холмикъ, озеро высохло, а его воды утекли въ море. На аспидѣ старой озерной почвы выросли новыя деревья и травы, и люди выстроили на ней свои хижины.

Но вотъ пришли землекопы и стали рыть глубокія шахты [1]). Они выламывали аспидные пласты большими кусками и выносили ихъ наверхъ, на свѣтъ и воздухъ. Одни отдѣляли ихъ широ-

[1]) Шахта—углубленія въ землѣ для добыванія камня, руды и т. п.

кими молотами на тонкіе слои, рѣзали по линейкѣ острымъ ножомъ и придавали имъ четыреугольную форму; другіе сглаживали ихъ сначала рѣзцами, затѣмъ полировали песчинками и водой; третьи отполировывали ихъ угольнымъ порошкомъ и масломъ, а четвертые вкладывали ихъ въ аккуратныя, деревянныя рамы. Такъ были изготовлены твоя и многія другія аспидныя доски.

(Изъ «Пер. раз. изъ ест. ист.» Г. Вагнера).

57. Тепло.

1. Отчего на чугункѣ кладутъ рельсы такъ, чтобы концы не сходились съ концами?

Оттого, что зимой желѣзо отъ холода сжимается, а лѣтомъ отъ жару растягивается. Если бы зимой вплотную сомкнуть рельсы концы съ концами, они бы лѣтомъ растянулись, уперлись бы другъ въ друга и поднялись.

2. Отчего стаканъ лопается, если нальешь въ него кипятокъ?

Оттого, что то мѣсто, гдѣ кипятокъ, разогрѣвается, растягивается, а то мѣсто, гдѣ нѣтъ кипятка, остается попрежнему: внизу тянетъ стаканъ врозь, а вверху не пускаетъ, и онъ лопается.

Отъ тепла все раздается, расширяется, а отъ холода все сжимается. *(Л. Толстой).*

58. Куда дѣвается вода изъ моря?

I. Изъ родниковъ, ключей и болотъ вода течетъ въ ручьи, изъ ручьевъ въ рѣчки, изъ рѣчекъ въ большія рѣки, а изъ большихъ рѣкъ течетъ въ моря. Съ другихъ сторонъ въ моря текутъ другія рѣки, и всѣ рѣки текутъ въ моря съ тѣхъ поръ, какъ міръ сотворенъ.

II. Куда дѣвается вода изъ моря? Отчего она не течетъ черезъ край?

Вода изъ моря поднимается туманомъ; туманъ поднимается выше, потомъ изъ тумана дѣлаются тучи. Тучи гонитъ вѣтромъ и разноситъ по землѣ. Изъ тучъ вода падаетъ на землю. Съ земли стекаетъ въ болота и ручьи. Изъ ручьевъ течетъ въ рѣки; изъ рѣкъ въ море. Изъ моря опять вода поднимается въ тучи; тучи разносятся по землѣ. *(Гр. Л. Толстой).*

59. Когда сохнетъ вода, что дѣлается съ этой водой?

Отъ тепла всѣ вещи раздаются. Вода отъ тепла раздается и вся расходится на такія маленькія частички, что ихъ глазомъ не видать, и уходитъ въ воздухъ. Частички эти—*пары*, носятся въ

воздухѣ, и ихъ не видно, покуда воздухъ тепелъ. Но остуди воздухъ—и сейчасъ паръ остынетъ и станетъ виденъ.

Если натопить жарко баню и налить воду на кирпичи, вода вся уйдетъ паромъ и будетъ сухо. Поддай еще—вода опять разойдется. Если баня горяча, летучей воды разойдется въ воздухѣ ушатъ. Ушатъ воды будетъ стоять въ горячемъ воздухѣ бани, и его не будетъ видно. Воздухъ бани впитаетъ въ себя весь ушатъ. Но если станешь еще поддавать, то воздухъ напитается и не станетъ больше принимать воды, а лишняя вода потечетъ каплями. Одинъ ушатъ будетъ держаться, а лишняя вода вытечетъ.

(Гр. Л. Толстой).

60. Сырость.

Отчего зимою двери разбухаютъ и не затворяются, а лѣтомъ ссыхаются и притворяются?

Оттого, что осенью и зимою дерево насытится водой, какъ губка, и его разопретъ, а лѣтомъ вода выйдетъ паромъ, и оно съежится.

Отчего слабое дерево — осина больше разбухаетъ, а дубъ меньше?

Оттого, что въ крѣпкомъ деревѣ—дубѣ, пустого мѣста меньше и водѣ некуда набираться, а въ слабомъ деревѣ—осинѣ пустого мѣста больше и водѣ есть куда набраться. Въ гниломъ деревѣ еще больше пустого мѣста, и оттого гнилое дерево больше всего разбухаетъ и больше садится.

Колоды для пчелъ дѣлаютъ изъ самаго слабаго и гнилого дерева: самые лучшіе ульи бываютъ изъ гнилой лозины. Отчего это? Оттого, что черезъ гнилую колоду проходитъ воздухъ, и для пчелъ въ такой колодѣ воздухъ легче. *(Гр. Л. Толстой).*

61. Можно ли словить воздухъ?

Видалъ ли ты воздухъ? Онъ вездѣ около тебя, а ты его не видишь. А можно ли слышать, какъ шумитъ воздухъ? Вотъ, вѣтеръ загудѣлъ въ трубѣ и свиститъ во всякой щели дома. Что же такое вѣтеръ? Это воздухъ, который двигается, бѣжитъ съ мѣста на мѣсто. Чуть воздухъ побѣжитъ, ударится обо что-нибудь, и слышенъ шумъ, свистъ, трубишь ли ты въ рожокъ, или играешь на дудочкѣ, или машешь хлыстомъ. Склей себѣ изъ бумаги закрытый мѣшочекъ, да въ маленькую дырочку надуй его и потомъ ударь по немъ кулакомъ, твой мѣшочекъ громко щелкнетъ и разорвется. Это вырвался изъ него воздухъ, который ты

нагналъ изо рта. Когда ты бѣжишь, то чувствуешь, какъ воздухъ ударяется тебѣ въ лицо. Значитъ, и ловить воздухъ нечего, потому что онъ вездѣ съ тобою, и ты имъ дышишь. Окунись съ головой въ воду, вездѣ вокругъ тебя будетъ вода. Такъ и воздухъ со всѣхъ сторонъ тебя окружаетъ, да еще входитъ тебѣ и въ грудь, и въ желудокъ. *(Водовозовъ).*

62. Горизонтъ.

Если мы выйдемъ въ открытое мѣсто, то увидимъ вокругъ себя большое пространство земли, ограниченное кругомъ, въ срединѣ котораго мы будемъ стоять сами, и намъ будетъ казаться, что на краяхъ его небо сходится съ землею. На самомъ дѣлѣ, небо нигдѣ не сходится съ землею; люди отправлялись все въ одну сторону, и пріѣзжали на то же мѣсто съ другой стороны. Видимое нами кругомъ себя пространство называется нашимъ *кругозоромъ* или *горизонтомъ.*

63. Страны свѣта.

Утромъ, когда начинаетъ разсвѣтать, одна сторона неба дѣлается красною: это утренняя заря. Затѣмъ, изъ-за края неба, т.-е. *изъ-за горизонта*, появляются яркіе золотые лучи и немного погодя выплываетъ, восходитъ красное солнышко. То мѣсто, *та точка горизонта*, гдѣ *солнце восходитъ*, называется *востокомъ*.

Вечеромъ солнце приходитъ на противоположную сторону неба, спускается все ниже и ниже, и наконецъ заходитъ *за горизонтъ. То мѣсто горизонта, та точка горизонта, гдѣ солнце заходитъ* (*западаетъ*), *называется западомъ*.

Если стать лицемъ къ востоку, то *направо отъ востока будетъ та точка горизонта, которая называется югомъ.*

Налѣво отъ востока будетъ четвертая главная точка горизонта—*сѣверъ*.

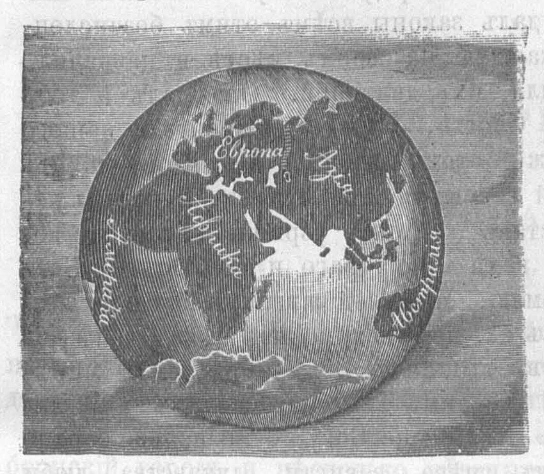
Точки горизонта: востокъ, западъ, югъ и сѣверъ называются главными *странами свѣта*.

64. Вселенная.

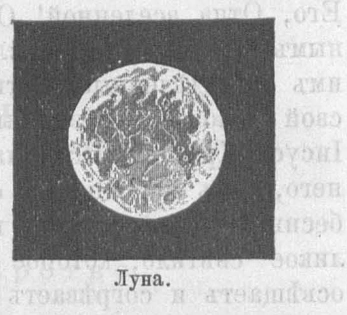
I. Земля, на которой мы живемъ, и все, что есть на землѣ, и все небо съ солнцемъ, луною (мѣсяцемъ) и звѣздами—все это вмѣстѣ называется міромъ, вселенной или природою.

II. Земля, какъ и луна, которая меньше земли въ пятьдесятъ ра и отстоитъ отъ нея на 350 тысячъ верстъ, имѣетъ форму

огромнаго шара. Кругосвѣтные путешественники, выѣхавши изъ какого-нибудь мѣста и держась въ своемъ пути постоянно одного и того же направленія, возращались въ то же мѣсто, откуда выѣхали, но только съ противоположной стороны. Это возможно только при шаровидности земли.

Земля.

Луна.

Горы, долины и другія неровности, встрѣчающіяся на землѣ, не мѣшаютъ ей имѣть видъ шара, подобно тому, какъ песчинки и маленькіе бугорки, находящіеся на поверхности большого мяча, не мѣшаютъ ему быть шаромъ.

III. Велика земля, на которой мы живемъ: поперечникъ земли 12,000 верстъ, а окружность ея равняется 36,000 верстъ. Но посмотри въ звѣздную ночь на небо и пересчитай, если можешь, сколько на немъ звѣздъ. А каждая звѣзда во много разъ больше земли, только такъ далека отъ насъ, что нужны цѣлые годы, десятки и даже сотни лѣтъ, чтобы полетомъ птицы долетѣть до ближайшихъ къ намъ звѣздъ.

IV. Но если сравнить землю съ солнцемъ, то окажется, что земля—песчинка въ сравненіи съ нимъ. Ученые узнали, что солнце есть шаръ, величина котораго равняется 1,400,000 такихъ шаровъ, какъ земля, которая отстоитъ отъ него на 140 милліоновъ верстъ.

V. Подумай же, какъ неизмѣримо могущество Бога, который однимъ словомъ сотворилъ все безчисленное множество свѣтилъ небесныхъ и все сотворенное содержитъ въ своей власти, подумай съ умиленіемъ и воскликцай съ святымъ царемъ и пророкомъ Давидомъ: «Велій Господь нашъ, и велія крѣпость Его и разума Его нѣсть числа!»

65. Какія мысли и чувства должны пробуждаться у христіанина при взглядѣ на небо!

Когда взглянешь на небо, безчисленными звѣздами усыпанное, вознесись мыслію твоею къ Творцу твоему! Возвеличи имя Его, Отца вселенной! Онъ далъ законы всѣмъ этимъ безчисленнымъ звѣздамъ, поставилъ каждую на своемъ мѣстѣ и назначилъ имъ опредѣленные пути для ихъ движенія. Онъ далъ и тебѣ свой законъ черезъ Сына Своего, Господа Спасителя нашего Іисуса Христа. Исполняй же этотъ законъ, не уклоняясь отъ него, какъ исполняютъ свой законъ солнце и луна, и звѣзды небесныя. Когда утромъ, возставъ отъ сна, узришь на востокѣ великое свѣтило, которое по волѣ премудраго и всеблагаго Бога освѣщаетъ и согрѣваетъ землю, даетъ ей жизнь и изобиліе земныхъ плодовъ, ты вмѣстѣ съ св. церковію воспой Богу, показавшему намъ свѣтъ: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе! Хвалимъ Тя, благословимъ Тя, кланяемтися, славословимъ Тя!»... Поюще Богу, очисти твое сердце отъ звѣрскихъ похотей, отъ гнѣва, зависти, лукавства, люби ближнихъ твоихъ, какъ и Отецъ небесный, посылающій солнце Свое и дождь Свой на праведныхъ и неправедныхъ, Который всегда милуетъ и щедритъ, Который веселитъ сердца наши и, посылая скорби, не перестаетъ любить насъ, вразумляя насъ, чтобы мы не возгордились, не возносились, не забыли о Немъ, Творцѣ нашемъ!

Горній міръ, звѣздное небо пусть напомнятъ тебѣ, христіанинъ, твою будущую загробную жизнь и сладкія слова Спасителя: «*Въ дому Отца Моего обители многи суть*» (Іоан. 14, 2). Есть гдѣ успокоиться безсмертнымъ душамъ нашимъ для вѣчнаго созерцанія чудесъ Божіихъ и вѣчнаго наслажденія тѣми благами, которыхъ, по слову апостола, не видѣлъ глазъ, не слышало ухо, которыя не взошли на сердце человѣка (1 Кор. 9), и которыя Богъ уготовалъ любящимъ Его.

(*По статьѣ Протоіерея І. Наумовича: «Божій міръ»*).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

РОДИНА.

1. Русское государство.

Наше русское царство, обширнѣйшее изъ всѣхъ государствъ на свѣтѣ, называется Россійскою имперiею и управляется Самодержавнымъ Государемъ Императоромъ.

Россія раздѣлена на губерніи; въ каждой губерніи есть губернскій городъ и нѣсколько уѣздныхъ.

Губерніей управляетъ губернаторъ, котораго назначаетъ Государь. Въ уѣздахъ наблюдаютъ за порядками уѣздные исправники.

Уѣзды раздѣлены на станы, а станы на волости.

За порядкомъ въ волости наблюдаетъ волостной старшина, котораго выбираютъ жители селъ на сходкахъ.

Для того, чтобы судить, т.-е. разбирать тяжбы и обвиненія, установлены разные суды: волостные, мировые и окружные.

Для завѣдыванія общественнымъ хозяйствомъ въ городахъ и уѣздахъ установлены думы, земскія собранія, земскія и городскія управы.

Думы и земства должны заботиться, чтобы дороги и мосты были въ исправности, чтобы были больницы, лѣкаря, школы, учителя, чтобы, на случай голода, былъ въ запасѣ хлѣбъ въ магазинахъ и пр. и пр.

Всѣ безъ исключенія старшины, судьи, чиновники, какіе только есть въ Россіи, обязаны исполнять то, что поручено имъ и что они должны дѣлать по закону.

Законы издаетъ у насъ только самъ Царь, и никто кромѣ Его не имѣетъ права издавать ихъ.

Законы объявляются всенародно и печатаются въ книгахъ; значитъ, всякій грамотный можетъ ихъ самъ прочитать.

(Из. „Зерн.“ Т. Луб.)

2. Родина.

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія [1]),
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ,
И первыхъ лѣтъ уроки,—
Что вашу прелесть замѣнитъ!..
О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

(Жуковскій).

3. Сословія.

Сословія: крестьяне, мѣщане, купцы, военные, духовные, дворяне.

Дворяне служатъ царю и отечеству. Духовные наставляютъ насъ истинамъ нашей православной вѣры. Военные защищаютъ отечество отъ враговъ. Купцы торгуютъ, т.-е. доставляютъ намъ все необходимое для жизни, чего нѣтъ у насъ подъ руками. Мѣщане занимаются различными мастерствами и ремеслами. Крестьяне обрабатываютъ землю и добываютъ изъ нея предметы, необходимые для жизни.

Одна пчела немного меду натаскаетъ. Одной рукой и узла не завяжешь.

4. Народы Россіи.

ВЕЛИКОРУССЪ.

МАЛОРОССЪ.

Составъ народонаселенія Россійской Имперіи представляетъ

[1]) Бытіе—жизнь.

большое разнообразіе, какъ по происхожденію, языку и вѣроисповѣданію, такъ и по образу жизни, занятій и степени образо-

БѢЛОРУССЪ. САМОѢДЪ.

ФИННЪ. ЛОПАРЬ.

ванія. Въ Россіи считается около 100 различныхъ народовъ, принадлежащихъ къ 12 различнымъ племенамъ: *племя славянское* есть главное и преобладающее. Оно заключаетъ болѣе 76 милліоновъ душъ и составляетъ три четверти всего населенія импе-

ріи. Неславянскія племена составляютъ одну четверть общей массы жителей и состоятъ изъ разныхъ малочисленныхъ народовъ.

ЛИТОВЕЦЪ. БУРЯТЪ. ПОЛЯКЪ. ХИВИНЕЦЪ.

Къ *славянскому племени* принадлежатъ: русскіе и поляки. *Русскіе* по различію нарѣчій своихъ раздѣляются на: 1) великоруссовъ, 2) бѣлоруссовъ и 3) малороссовъ.

1) *Великоруссы* составляютъ болѣе половины всѣхъ жителей имперіи: число ихъ простирается до 55 милліоновъ. Они

составляютъ главную массу населенія внутри Россіи. Всѣ великоруссы исповѣдуютъ православную вѣру и говорятъ русскимъ

ИМЕРЕТИНЕЦЪ, АРМЯНИНЪ и КАБАРДИНЕЦЪ.

ЦЫГАНЪ. ТАТАРИНЪ

языкомъ, наиболѣе распространеннымъ и обработаннымъ; они отличаются тѣлесною силою, предпріимчивостью, трудолюбіемъ; кромѣ земледѣлія, занимаются другими разнаго рода промыслами и въ промышленности издѣльной, въ торговлѣ и образованіи превосходятъ всѣхъ другихъ коренныхъ обитателей имперіи.

2. *Бѣлоруссовъ* считается до 3 милліоновъ. Народъ этотъ одного происхожденія съ великоруссами, исповѣдуетъ также пра-

ЕВРЕЙ. БАШКИРЪ.

вославную вѣру, но говоритъ особеннымъ нарѣчіемъ, болѣе мягкимъ, къ которому примѣшано много польскихъ словъ. Бѣлоруссы занимаются преимущественно земледѣліемъ, но населяютъ страну весьма мало плодородную.

3. *Малороссовъ* насчитываютъ до 11 милліоновъ. Малороссіяне говорятъ также особеннымъ нарѣчіемъ, весьма мягкимъ и благозвучнымъ. Главную особенность этого нарѣчія составляетъ замѣна русскихъ буквъ *ы* и *ѣ* буквою *и*. Кромѣ того въ немъ много словъ, заимствованныхъ изъ языка польскаго. Малороссы исповѣдуютъ православную вѣру. Главное занятіе ихъ составляетъ земледѣліе и скотоводство, но и другіе промыслы между ними распространяются весьма успѣшно.

Поляки—славянскій народъ, исповѣдующій католическую вѣру, имѣющій свой языкъ. Число ихъ простирается до 5 милліоновъ. Къ народамъ неславянскимъ принадлежатъ литовцы, латыши, финны, черемисы, зыряне, вотяки, самоѣды, татары, остяки, башкиры, киргизы, якуты, армяне, грузины, евреи, цыганы и многіе др. И все это многочисленное населеніе, простирающееся до ста десяти милліоновъ, повинуется одной верховной власти, которая сосредоточена въ рукахъ Государя Императора, Самодержца Всероссійскаго.

5. Русь.

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ—
Вижу даль степей
Зеленѣется;
И на граняхъ ихъ,
Выше темныхъ тучъ,
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.

***

По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.
Посмотрю на югъ—
Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой,
Тихо движутся;
Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.

***

Гляну къ сѣверу—
Тамъ въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится,
Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходитъ по морю...

***

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!
Широко ты, Русь,
По лицу земли,
Въ красѣ царственной
Развернулася!

У тебя ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?
У тебя-ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,
Старины святой,
Громкихъ подвиговъ?
Передъ кѣмъ себя
Ты унизила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?
На поляхъ своихъ,
Подъ курганами,
Положила ты
Татаръ полчища.
Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху гордому.

***

И давно-ль было,
Когда съ Запада
Облегла тебя
Туча темная?
Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася;
И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ
Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ!
Но лишь кликнулъ царь
Свой народъ на брань,—
Вдругъ со всѣхъ сторонъ
Подняласа Русь,—
Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,

Приняла гостей
На кровавый пиръ.
И въ глухихъ степяхъ
Подъ сугробами
Улеглися спать
Гости навѣки.
Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали!...

***

И теперь среди
Городовъ твоихъ
Муравьемъ кишитъ
Православный людъ.
По сѣдымъ морямъ
Изъ далекихъ странъ
На поклонъ тебѣ
Корабли идутъ.
И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежатъ въ землѣ
Груды золота;

***

И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава громкая.
Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову.

(Никитинъ).

6. Эскимосы.

1. На свѣтѣ есть земля, гдѣ только три мѣсяца бываетъ лѣто, а остальное время бываетъ зима. Зимой дни бываютъ такіе короткіе, что только взойдетъ солнце, тотчасъ и сядетъ. А три мѣсяца въ самую середину зимы, солнце совсѣмъ не восходитъ, и всѣ три мѣсяца темно. Въ этой землѣ живутъ люди; ихъ называютъ эскимосами. Люди эти говорятъ своимъ языкомъ, другихъ языковъ не понимаютъ и никуда изъ своей земли не ѣздятъ. Ростомъ эскимосы бываютъ невелики, но головы у нихъ очень большія. Тѣло у нихъ не бѣлое, а бурое, волосы черны и жестки. Носы у нихъ тонкіе, скулы широкія, глаза маленькіе.

2. Эскимосы живутъ въ снѣговыхъ домахъ. Они строятъ ихъ такъ: нарубятъ изъ снѣгу кирпичей и сложатъ изъ нихъ домъ, какъ печку. Вмѣсто стеколъ они вставляютъ въ стѣны льдины, а вмѣсто дверей они дѣлаютъ длинную трубу подъ снѣгомъ и черезъ эту трубу влѣзаютъ въ свои дома. Когда приходитъ зима, ихъ дома совсѣмъ заноситъ снѣгомъ, и у нихъ дѣлается тепло. Ѣдятъ эскимосы оленей, волковъ, бѣлыхъ медвѣдей. Они ловятъ рыбу въ морѣ крючками на палкахъ и сѣтями. Звѣрей они убиваютъ изъ луковъ стрѣлами и копьями. Эскимосы ѣдятъ сырое мясо.

3. У нихъ нѣтъ льна и пеньки, чтобы дѣлать рубахи и веревки, нѣтъ и шерсти, чтобы дѣлать сукно; веревки они дѣлаютъ изъ жилъ звѣрей, а платье—изъ звѣриныхъ кожъ. Они складываютъ двѣ кожи шерстью наружу, протыкаютъ рыбьими костями и сшиваютъ жилами. Такъ же они дѣлаютъ рубахи, штаны и сапоги. Желѣза у нихъ тоже нѣтъ. Они дѣлаютъ копья и стрѣлы изъ костей. Больше всего они любятъ ѣсть звѣриный и рыбій жиръ. Женщины и мужчины одѣваются одинаково; у женщинъ только бываютъ очень широкіе сапоги. Въ эти широкія голенищи сапоговъ они кладутъ маленькихъ дѣтей, такъ и носятъ ихъ.

Въ срединѣ зимы у эскимосовъ бываетъ три мѣсяца темно, а лѣтомъ солнце совсѣмъ не садится, и ночей совсѣмъ не бываетъ.

(Гр. Л. Толстой).

7. Цыганы.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ да конейржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ,
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальнее глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.

(А. Пушкинъ).

8. Малороссія.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый,
Шумя, тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,

Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И въ облакахъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?

(Гр. А. Толстой).

9. Степь.

По всей степи—ковыль, по краямъ все туманъ.
Далеко, далеко отъ кургана курганъ,
Облака въ синевѣ бѣлымъ стадомъ плывутъ,
Журавли въ облакахъ перекличку ведутъ.
Не видать ни души. Тонетъ въ золотѣ день,
Пробѣжать по травѣ вѣтру сонному лѣнь.
А цвѣты-то цвѣты! Какъ живые стоятъ,
Улыбаются, глазки на солнце глядятъ,
Словно рѣчи ведутъ, какъ ихъ жизнь коротка,
Коротка да безъ слезъ, отъ заботъ далека.
Вотъ и рѣчка... не вѣрь! то подъ жгучимъ лучемъ
Отливается тонкій ковыль серебромъ.
Высоко, высоко въ небѣ точка дрожитъ,
Колокольчикъ веселый надъ степью звенитъ,
Въ ковылѣ гудовень—и поютъ и жужжатъ;
Раздаются свистки, молоточки стучатъ;
Средь дорожки глухой пыль столбомъ поднялась,
Закружилась, въ широкую степь понеслась...
На всѣ стороны путь: ни лѣсочка, ни горъ!
Необъятная гладь! неоглядный просторъ!

(Никитинъ).

10. Украинская ночь.

Знаете-ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее. Съ середины неба глядитъ мѣсяцъ. Необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе. Горитъ и дышетъ онъ. Земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ и прохладно-душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ [1]) благоуханій. Божественная ночь! очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кипули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя стѣны садовъ. Весь ландшафтъ [2]) спитъ. А вверху все дышитъ, все дивно,

---

[1]) Океанъ—большое море.
[2]) Ландшафтъ—картина природы, сельскій видъ.

все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! очаровательная ночь! И вдругъ все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья, и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посреди неба. Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще болѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ—гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ порогами иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ. (*Н. Гоголь*).

11. Днѣпръ.

Какъ чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ онъ сквозь лѣса и горы полныя вóды свои! Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ: глядишь—и не знаешь, идетъ или нейдетъ его величавая ширина; и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ.

Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ — страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали.

(*Гоголь*).

12. Кавказъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины;
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой,
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,

Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени,
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи,
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвши пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной... (*А. Пушкинъ*).

13. Кавказскіе лѣса.

Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ:
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полные на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И вотъ дорогою прямой пустился я...
Но скоро въ глубинѣ лѣсной
Изъ виду горы потерялъ
И тутъ съ пути сбиваться сталъ.
Напрасно, въ бѣшенствѣ, порой
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющемъ;
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
...Я сталъ влѣзать на дерева;
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ. (*Лермонтовъ*).

14. Кисловодскъ.

Вотъ уже три дня, какъ я въ Кисловодскѣ. Здѣсь все дышитъ уединеніемъ, здѣсь все таинственно: и густыя сѣни липо-

---

[1]) Мечеть—молитвенный домъ у мусульманъ, т. е. турокъ, арабовъ, персовъ и татаръ.

выхъ аллей, склоняющихся надъ потокомъ, который съ шумомъ и пѣною прорѣзываетъ себѣ путь между зеленѣющими горами,—и ущелья, полныя мглою и молчаніемъ, которыхъ вѣтви разбѣгаются отсюда во всѣ стороны,—и свѣжесть ароматическаго воздуха, отягощеннаго испареніями зеленыхъ травъ и бѣлой акаціи, — и постоянный сладостно-усыпительный шумъ студеныхъ ручьевъ, которые бѣгутъ дружно взапуски и наконецъ кидаются въ Подкумокъ. Съ этой стороны ущелье шире и превращается въ зеленую лощину; по ней вьется пыльная дорога. (*Лермонтовъ*).

15. Черкесская пѣсня.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ,
Въ горахъ безмолвіе ночное;
Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, казакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

—

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти.
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонутъ маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

—

На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатыя станицы,
Веселый пляшетъ хороводъ...
Бѣгите, русскія дѣвицы,
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

(*А. Пушкинъ*).

16. Въ Крыму.

Клонитъ къ лѣни полдень жгучій,
Замеръ въ листьяхъ каждый звукъ;
Въ розѣ пышной и пахучей,
Нѣжась, спитъ блестящій жукъ,
А изъ камня вытекая,
Однозвученъ и гремучъ,
Говоритъ, не умолкая,
И поетъ нагорный ключъ...

(*Гр. А. Толстой*).

17. На Волгѣ.

О, Волга!.. колыбель моя!
Любилъ ли кто тебя, какъ я?
Одинъ, по утреннимъ зарямъ,
Когда еще все въ мірѣ спитъ,
И алый блескъ едва скользитъ
По темно-голубымъ волнамъ,
Я убѣгалъ къ родной рѣкѣ.
Иду на помощь къ рыбакамъ,
Катаюсь съ ними въ челнокѣ,
Брожу съ ружьемъ по островамъ.
То, какъ играющій звѣрокъ,
Съ высокой кучи на песокъ
Скачусь, то берегомъ рѣки
Бѣгу, бросая камушки,
И пѣсню громкую пою
Про удаль раннюю мою..

(*Н. Некрасовъ*).

18. Деревня (въ средней Россіи).

Широко стлался зеленый лугъ; медленно и плавно расхаживали по немъ бѣлые, какъ снѣгъ, гуси; селезни и пестрыя утки, подвернувъ голову подъ сизое крылышко, лежатъ тамъ и сямъ неподвижными группами. Далѣе сверкала рѣка съ своими обрывистыми берегами, обросшими лопухомъ и кустарникомъ, изъ которыхъ мѣстами выбивались длинные, сухіе стебли дикаго щавеля, и торчали фіолетовыя верхушки колючаго репейника. За рѣкою виднѣлось черное взбороненное поле; далѣе, вправо, мѣстность подымалась горою. По главнымъ ея отлогостямъ, изрѣзаннымъ промоинами и проточинами, разростался постепенно все выше и выше сосновый лѣсокъ; мѣстами рыжее высохшее дерево, вырванное съ корнемъ весеннею водою, перекидывалось чрезъ оврагъ висячимъ мостомъ. Влѣво тянулось пространное болото; камышъ, кочки и черные кустарники покрывали его на всемъ протяженіи; по временамъ, цѣлыя вереницы дикихъ утокъ съ крикомъ подымались изъ густой травы и носились надъ водою. Тамъ и сямъ синѣвшая холмистая даль перемежалась снова серебристыми блесками рѣки.

Безконечная сѣрѣющая даль, въ которой двигались почти незамѣтными точками телѣга или спутанная лошадь, постепенно синѣла, синѣла, и наконецъ все болѣе и болѣе съуживавшіеся планы ея сливались мутною линіею съ сквознотою голубаго неба.

(*Григоровичъ*).

19. Село.

Село съ своими избушками и скирдами, зелеными коноплянниками и тощими ракитами издали казалось островомъ среди необозримаго моря распаханныхъ черноземныхъ полей. Посреди села находился небольшой прудъ, вѣчно покрытый гусинымъ пухомъ, съ грязными, изрытыми берегами; въ ста шагахъ отъ пруда, на другой сторонѣ дороги, высился господскій деревянный домъ, давно пустой и печально подавшійся на бокъ; за домомъ тянулся заброшенный садъ; въ саду росли старыя, безплодныя яблони, высокія березы, усѣянныя вороньими гнѣздами; на концѣ главной аллеи, въ маленькомъ домикѣ (бывшей господской банѣ) жилъ дряхлый дворецкій и, покашливая, каждое утро, по старой привычкѣ, тащился черезъ садъ въ барскіе покои.

(*Тургеневъ*).

20. Ермакъ, завоеватель Сибири.

I. При Царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ были богатые купцы Строгоновы и жили они въ Перми, на рѣкѣ Камѣ. Прослышали они, что по рѣкѣ Камѣ на 140 верстъ въ кругу есть хорошая земля: пашня не пахана отъ вѣка, лѣса черные отъ вѣка не рублены. Въ лѣсахъ звѣря много, а по рѣкѣ озера рыбныя, и никто на той землѣ не живетъ, только захаживаютъ татары.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

Строгоновы написали царю письмо: «Отдай намъ эту землю, а мы сами по ней городки построимъ и народъ соберемъ, заселимъ и не будемъ давать черезъ эту землю ходу татарамъ».

Царь согласился и отдалъ имъ землю. Строгоновы послали прикащиковъ собирать народъ. И сошлось къ нимъ много гулящаго народа. Кто приходилъ, тѣмъ Строгоновы отводили землю, лѣсъ, давали скотину, и никакихъ оброковъ не брали, только живи, и когда нужда, выходи съ народомъ биться съ татарами. Такъ и заселилась эта земля русскимъ народомъ.

II. Прошло лѣтъ 20. Строгоновы купцы еще сильнѣе разбогатѣли, и мало имъ стало этой земли на 140 верстъ. Захотѣли они еще болѣе земли. Верстъ за 100 отъ нихъ были высокія горы Уральскія, и за этими горами, прослышали они, есть прекраснѣйшая земля, и землѣ той конца нѣтъ. Владѣлъ этой землей сибирскій князекъ Кучумъ. Кучумъ въ прежнее время покорился царю русскому, а потомъ сталъ бунтовать и грозилъ раззорить Строгоновскіе городки.

Вотъ Строгоновы и написали царю: «Отдалъ ты намъ землю, *мы ее подъ твою руку покорили:* [1]) теперь воровской царекъ Кучумъ противъ тебя бунтуетъ и хочетъ и эту землю отнять и

---

[1]) Это значитъ—мы ее подчинили твоей власти.

насъ раззорить. Вели ты намъ занять землю за Уральскими горами; мы Кучума завоюемъ и всю его землю подъ твою руку подведемъ».

Царь согласился и отписалъ: «Если сила у васъ есть, отберите у Кучума землю. Только изъ Россіи много народу не сманивайте».

III. Вотъ Строгоновы, какъ получили отъ царя письмо, послали приказчиковъ еще собирать народъ къ себѣ. И больше велѣли подговаривать казаковъ съ Волги и съ Дону. А въ то время по Волгѣ, по Дону казаковъ много ходило. Соберутся шайками въ 200, 300, 600 человѣкъ, выберутъ атамана [1]) и плаваютъ на стругахъ [2]), перехватываютъ суда, грабятъ, а на зиму становятся городкомъ на берегу.

Пріѣхали приказчики на Волгу и стали спрашивать: «какіе тутъ казаки слывутъ [3])? Имъ и говорятъ: «казаковъ много. Житья отъ нихъ не стало. Есть Мишка Черкашенинъ; есть Сары-Азманъ... Но нѣтъ злѣе Ермака Тимофеича, атамана. У того человѣкъ 1000 народа, и его не только народъ и купцы боятся, но и царское войско къ нему приступить не смѣетъ».

И поѣхали прикащики къ Ермаку атаману и стали его уговаривать идти къ Строгонову. Ермакъ принялъ приказчиковъ, отслушалъ ихъ рѣчи и обѣщалъ придти съ народомъ своимъ къ Успенью [4]).

IV. Къ Успенью пришли къ Строгонову казаки — человѣкъ 600 съ атаманомъ Ермакомъ Тимофеичемъ. Напустилъ ихъ сначала Строгоновъ на ближнихъ татаръ. Казаки ихъ побили. Потомъ, когда нечего было дѣлать, стали казаки по округу ходить и грабить.

Призываетъ Строгоновъ Ермака и говоритъ: «я васъ теперь больше держать не стану, если вы такъ шалить будете». А Ермакъ и говоритъ: «я и самъ не радъ, да съ народомъ моимъ несовладаешь, набаловались. Дай намъ работу». Строгоновъ и говоритъ: «идите за Уралъ воевать съ Кучумомъ, завладѣйте его землею. Васъ и царь наградитъ». И показалъ Ермаку царское письмо. Ермакъ обрадовался, собралъ казаковъ и говоритъ:

---

1) Атаманъ—предводитель, начальникъ казаковъ.

2) Стругъ—плоскодонное гребное судно.

3) Слыть—прослыть—быть у людей въ добромъ или дурномъ мнѣніи.

4) Т. е. къ 15 числу Августа мѣсяца.

«Вы меня срамите передъ хозяиномъ — все безъ толку грабите. Если не бросите, онъ васъ прогонитъ, а куда пойдете? На Волгѣ царскаго войска много, насъ переловятъ и за прежнія дѣла худо будетъ. А если скучно вамъ, то вотъ вамъ работа».

И показалъ имъ царское письмо, что позволено Строгонову за Ураломъ землю завоевать. Поговорили казаки и согласились итти. Пошелъ Ермакъ къ Строгонову, сталъ съ нимъ думать, какъ имъ итти.

Обсудили, сколько струговъ надо, сколько хлѣба, скотины, ружей, пороху, свинцу, сколько переводчиковъ-татаръ плѣнныхъ, сколько нѣмцевъ, мастеровъ ружейныхъ.

Строгоновъ и думаетъ: «хоть и дорого мнѣ станетъ, а надо дать ему всего, а то здѣсь останутся—раззорятъ меня». Согласился Строгоновъ, собралъ всего и снарядилъ Ермака съ казаками.

V. 1-го сентября поплыли казаки съ Ермакомъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой на 32-хъ стругахъ, на каждомъ стругѣ было 20 человѣкъ. Плыли они четыре дня на веслахъ вверхъ по рѣкѣ и выплыли въ Серебряную рѣку. Оттуда ужъ плыть нельзя. Разспросили проводниковъ и узнали, что надо имъ тутъ перевалиться черезъ горы и верстъ 200 сухопутьемъ пройти, а потомъ пойдутъ опять рѣки. Остановились тутъ казаки, построили городъ и выгрузили всю снасть: и струга побросали, а наладили телѣги, уложили все и пошли сухопутьемъ — черезъ горы. Мѣста все были лѣсныя и народу не жило никакого. Прошли они 10 дней сухопутьемъ, попали на Жаровню, на рѣку. Тутъ опять постояли и стали ладить струги. Наладили и поплыли по рѣкѣ внизъ. Проплыли пять дней и пошли мѣста еще веселѣе: луга, лѣса, озера. И рыбы, и звѣря много; и звѣрь не пуганый. Проплыли еще день, выплыли въ Туру-рѣку. Тутъ по Турѣ-рѣкѣ сталъ попадаться народъ и городки татарскіе.

Послалъ Ермакъ казаковъ посмотрѣть одинъ городокъ, что за городокъ и много ли въ немъ силы. Пошли 20 казаковъ, распугали всѣхъ татаръ и забрали весь городокъ и скотину всю забрали. Какихъ татаръ перебили, а какихъ привели живьемъ.

Сталъ Ермакъ черезъ переводчиковъ спрашивать татаръ: «какіе они люди и подъ *чьей рукой живутъ?* [1])» Татары говорятъ, что они сибирскаго царства и царь ихъ Кучумъ.

Ермакъ отпустилъ татаръ, а троихъ поумнѣе взялъ съ собой, чтобы они ему дорогу показали.

---

[1]) Т. е. власть какого царя признаютъ?

VI. Поплыли дальше. Что дальше плывутъ, то рѣка все больше становится; а мѣста что дальше, то лучше.

И народа стало больше попадаться. Только народъ несильный. И всѣ городки, какіе были по рѣкѣ, казаки повоевали.

Забрали они въ одномъ городкѣ много татаръ и одного почетнаго стараго татарина. Стали спрашивать татарина, что онъ за человѣкъ? Онъ говоритъ: «я Таузикъ, я своего царя Кучума слуга, и отъ него начальникомъ въ этомъ городкѣ».

Ермакъ сталъ спрашивать Таузика про его царя: «Далеко ли его городъ Сибирь? Много ли у Кучума силы, много ли у него богатства?» Таузикъ все разсказалъ. Говоритъ: «Кучумъ первѣйшій царь въ свѣтѣ. Городъ его—Сибирь—самый большой городъ въ свѣтѣ. Въ городѣ этомъ, говоритъ, людей и скотины столько, сколько звѣздъ на небѣ. А силы у Кучума-царя счету нѣтъ, его всѣ цари вмѣстѣ не завоюютъ».

А Ермакъ говоритъ: «Мы, русскіе, пришли сюда твоего царя завоевать и его городъ взять, русскому царю подъ руку подвести. Силы у насъ много. Что со мной пришли—это только передніе, а сзади плывутъ въ стругахъ—счету имъ нѣтъ, у всѣхъ ружья. А ружья наши насквозь дерево пробиваютъ, не то что ваши луки, стрѣлы. Вотъ смотри».

И Ермакъ выпалилъ въ дерево, и дерево раскололъ, и со всѣхъ сторонъ стали палить казаки. Таузикъ отъ страха на колѣни упалъ. Ермакъ и говоритъ ему: «ступай же ты къ своему царю Кучуму и скажи ему, что́ ты видѣлъ. Пускай онъ покоряется, а не покорится, такъ и его погубимъ». И отпустилъ Таузика.

VII. Поплыли казаки дальше. Выплыли въ большую рѣку Тоболъ, и все къ Сибири-городу приближаются. Подплыли они къ рѣчкѣ Бабасанъ, смотрятъ—на берегу городокъ стоитъ, и кругомъ городка татаръ много.

Послали они переводчика къ татарамъ узнать, что за люди. Приходитъ назадъ переводчикъ, говоритъ: «это войско Кучумово собралось. А начальникомъ надъ войскомъ самъ зять Кучумовъ—Маметкулъ. Онъ меня призывалъ и велѣлъ вамъ сказать, чтобы вы назадъ шли, а то онъ васъ перебьетъ».

Ермакъ собралъ казаковъ, вышелъ на берегъ и началъ стрѣлять въ татаръ. Какъ услыхали татары пальбу, такъ и побѣжали. Стали ихъ казаки догонять и какихъ перебили, а какихъ забрали. Насилу самъ Маметкулъ ушелъ.

VIII. Поплыли казаки дальше. Выплыли въ широкую, бы-

струю рѣку Иртышъ. По Иртышу-рѣкѣ проплыли день, подплыли къ городку хорошему и остановились. Пошли казаки въ городокъ. Только стали подходить, начали въ нихъ татары стрѣлы пускать и поранили трехъ казаковъ. Послалъ Ермакъ переводчика сказать татарамъ, чтобы сдали городъ, а то всѣхъ перебьютъ. Переводчикъ пошелъ, вернулся и говоритъ: «Тутъ живетъ Кучумовъ слуга Атикъ Мурза Качара. У него силы много, и онъ говоритъ, что не сдастъ городка».

Ермакъ собралъ казаковъ и говоритъ:

«Ну, ребята, если не возьмемъ этого городка, татары запирують и намъ ходу не дадутъ. Чѣмъ скорѣе страха зададимъ, тѣмъ намъ легче будетъ. Выходи всѣ. Кидайся всѣ разомъ». Такъ и сдѣлали. Татаръ много тутъ было, и татары лихіе.

Какъ бросились казаки, стали татары стрѣлять изъ луковъ. Засыпали казаковъ стрѣлами. Которыхъ до смерти перебили, которыхъ переранили.

Озлились и казаки, добрались до татаръ, и какіе попались, всѣхъ перебили.

Въ городкѣ этомъ нашли казаки много добра, скотины, ковровъ, мѣховъ и меду много, похоронили мертвыхъ, отдохнули, забрали добро съ собой и поплыли дальше. Не далеко проплыли, смотрятъ—на берегу какъ городъ стоитъ, войска конца-края не видать, и все войско окопано канавой, и канава лѣсомъ завалена. Остановились казаки. Стали думать; собралъ Ермакъ кругъ [1]). «Ну что, ребята, какъ быть?»

Казаки заробѣли. Одни говорятъ: «надо мимо плыть»; другіе говорятъ: «назадъ итти».

И стали они скучать, бранить Ермака. Говорятъ: «зачѣмъ ты насъ завелъ сюда? Вотъ перебили уже изъ насъ сколько, да переранили; и всѣ мы тутъ пропадемъ». Стали плакать.

Ермакъ и говоритъ своему подъатаманью, Ивану Кольцо: «ну, а ты, Ваня, какъ думаешь?»

А Кольцо и говоритъ: «а я что думаю? Не нынче убьютъ, такъ завтра: а не завтра, такъ даромъ на печи помремъ. По мнѣ—выйти на берегъ, да и валить прямо лавой на Татаръ,—что Богъ дастъ».

Ермакъ и говоритъ: «ай молодецъ, Ваня! такъ и надо. Эхъ вы, ребята! Не казаки вы, а бабы. Видно бѣлужину ловить, да бабъ татарскихъ пугать, только на то васъ и взять. Развѣ не

---

1) Собралъ кругъ—собралъ казаковъ для совѣта.

видите сами? Назадъ итти—перебьютъ; мимо плыть—перебьютъ; здѣсь стоять—перебьютъ. Куда же намъ попятиться? Разъ потрудишься, послѣ полегчаетъ. Такъ-то, ребята, у батюшки кобыла здоровая была. Какъ подъ горку—везетъ и по ровному везетъ, а какъ придется въ гору, заноровится, назадъ воротитъ, думаетъ легче будетъ. Такъ взялъ батюшка колъ, возилъ-возилъ ее коломъ-то. Ужъ она крутилась, билась, всю телѣгу разбила. Выпрягъ ее батюшка изъ воза и ободралъ. А везла бы возъ, никакой бы муки не видала. Такъ-то и намъ, ребята. Одно только мѣсто осталось: прямо на татаръ ломить».

Засмѣялись казаки, говорятъ: «видно ты, Тимофеичъ, умнѣе нашего; насъ, дураковъ, и спрашивать нечего. Веди куда знаешь. Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать».

Ермакъ и говоритъ: «Ну, слушай, ребята! Вотъ какъ дѣлать. Они еще насъ всѣхъ не видали. Разобьемтесь мы на три кучки. Одни въ середину прямо на нихъ пойдутъ, а другія двѣ кучки въ обходъ зайдутъ справа и слѣва. Вотъ какъ станутъ средніе подходить, они подумаютъ, что мы всѣ тутъ—выскочатъ. А тогда съ боковъ и ударимъ. Такъ-то, ребята. А этихъ перебьемъ, ужъ бояться некого. Царями сами будемъ».

Такъ и сдѣлали. Какъ пошли средніе съ Ермакомъ, татары завизжали, выскочили; тутъ ударили — справа Иванъ Кольцо, слѣва—Мещерякъ атаманъ. Испугались татары, побѣжали. Перебили ихъ казаки. Тутъ ужъ Ермаку никто противиться не смѣлъ. И такъ онъ вошелъ въ самый городъ Сибирь. И насѣлъ туда Ермакъ все равно какъ царемъ.

IX. Стали пріѣзжать къ Ермаку царьки съ поклонами. Стали татары пріѣзжать селиться въ Сибири; а Кучумъ съ зятемъ Маметкуломъ боялись на Ермака прямо итти, а только кругомъ ходили, придумывали, какъ бы его погубить.

Весною по водополью прибѣжали къ Ермаку татары, говорятъ: «Маметкулъ опять на тебя идетъ, собралъ войска много, стоитъ на Вагаѣ-рѣкѣ».

Ермакъ собрался черезъ рѣки, болота, ручьи, лѣса, подкрался съ казаками, бросился на Маметкула и побилъ много татаръ и самого Маметкула забралъ живьемъ и привезъ въ Сибирь. Тутъ ужъ мало немирныхъ татаръ осталось, а какіе не покорялись, на тѣхъ Ермакъ ходилъ въ это лѣто; и по Иртышу, и по Оби рѣкамъ, завоевалъ Ермакъ столько земли, что въ два мѣсяца не обойдешь.

X. Какъ забралъ Ермакъ всю эту землю, послалъ Ермакъ посла

къ Строгоновымъ и письмо. «Я, говоритъ, Кучума городъ взялъ и Маметкула въ плѣнъ забралъ, и весь здѣшній народъ подъ свою руку привелъ. Только казаковъ много истратилось. Присылайте народа, чтобы намъ веселѣе было. А добра въ здѣшней землѣ и конца нѣтъ». И послалъ онъ дорогихъ мѣховъ: лисицъ, куницъ и соболей.

XI. Прошло тому дѣлу два года. Ермакъ все держалъ Сибирь, а помощь изъ Россіи все не приходила, и стало у Ермака мало русскаго народа.

Прислалъ разъ къ Ермаку татаринъ Карача-посла, говоритъ: «мы тебѣ покорились, а насъ Ногайцы обижаютъ, пришли къ намъ своихъ молодцовъ на помощь. Мы вмѣстѣ Ногайцевъ покоримъ. А что мы твоихъ молодцовъ не обидимъ, такъ мы тебѣ клятву дадимъ».

Ермакъ повѣрилъ ихъ клятвѣ и отпустилъ съ Иваномъ Кольцомъ 40 человѣкъ. Какъ пришли эти сорокъ человѣкъ, татары бросились на нихъ и побили. Казаковъ еще меньше стало.

Прислали другой разъ бухарскіе купцы вѣсть Ермаку, что они собрались къ нему въ Сибирь городъ товаръ везти, да что имъ на дорогѣ Кучумъ съ войскомъ стоитъ и не пускаетъ ихъ пройти. Ермакъ взялъ съ собой 50 человѣкъ и пошелъ очистить дорогу Бухарцамъ. Пришелъ онъ къ Иртышу рѣкѣ, и не нашелъ Бухарцевъ. Остановился ночевать. Ночь была темная и дождь. Только полегли спать казаки: откуда ни взялись татары, бросились на сонныхъ, начали ихъ бить. Вскочилъ Ермакъ, сталъ биться. Ранили его ножомъ въ руку. Бросился онъ бѣжать къ рѣкѣ. Татары за нимъ. Онъ въ рѣку. Только его и видѣли. И тѣло его не нашли, и никто не узналъ, какъ онъ умеръ.

На другой годъ пришло царское войско, и татары замирились.

(*Изъ «Второй рус. кн. для чт.» Гр. Л. Толстого*).

21. Осада Троицко-Сергіевскаго монастыря

въ 1608—1610 годахъ.

I. Почти триста лѣтъ тому назадъ трудно и тяжко было жить на Руси. Древняго царскаго Рюрикова рода не стало; нынѣ благополучно царствующій благословенный домъ Романовыхъ еще не правилъ Россіею; была пора какого-то безначалія и безвластія, а оттого развелись разбои, грабежи, измѣна, и сильны стали надъ нами наши враги. Народъ бросилъ честный трудъ, разбѣжался по лѣсамъ и, привыкнувъ къ бродяжничеству, да своеволію, свирѣпѣе лютаго недруга сталъ грабить и жечь свою

же родную страну. Честныхъ людей некому было и защищать—царя не было, всюду измѣна и враги. Бушевала, словно кровавое море, несчастная, безначальная русская земля. Пировали тамъ, гдѣ стыла теплая кровь, веселились среди мертвыхъ тѣлъ; добрыхъ людей замучивали лютыми пытками до смерти, бросали съ высокихъ крутыхъ береговъ въ глубокія быстрыя рѣки, или разстрѣливали.

Опустѣли города; заглохли селенія. Въ старомъ жильѣ человѣка селился звѣрь, и тамъ, гдѣ при царяхъ счастливо жили и весело, въ мирѣ, трудились люди,—бродили медвѣди и волки, завелись лисицы и зайцы. Всюду летала смерть. Вороны черными стаями сидѣли на трупахъ, а мелкія пташки вили себѣ гнѣзда въ выѣденныхъ черепахъ непогребенныхъ людей.

Въ это «смутное» время гнусный самозванецъ, извѣстный подъ названіемъ «тушинскаго вора», пользуясь общею неурядицей, собралъ вокругъ себя цѣлыя ватаги отступниковъ, измѣнниковъ и злодѣевъ, призвалъ на помощь Литву и Поляковъ, которые тогда еще не были покорены и всегда только искали предлоговъ, чтобы вести съ нами кровавыя войны. Вся эта непрошеная, нестройная рать, или, лучше сказать—скопище воровъ и разбойниковъ, двинулась отъ Владимира и Переяславля къ Москвѣ. Враги шли быстро, все по пути разрушали и жгли, пока не добрались до Троицкаго-Сергіева монастыря: въ монастырѣ этомъ приготовили мужественный отпоръ недругу иноки, небольшое число вѣрныхъ присягѣ и родинѣ воиновъ и окружное населеніе.

II. Тушинскій воръ со своими полчищами не случайно набрелъ на монастырь: обитель святого Сергія весьма вредила измѣнникамъ и мятежникамъ и ревностно оберегала вѣру и отечество.

Находившіеся въ монастырѣ иноки и войско были весьма дѣятельны, и далеко во всѣ стороны не давали ни проѣзда, ни прохода вражескимъ шайкамъ: ловили вражьихъ гонцовъ и отнимали у нихъ грамоты, разбивали разбойничьи скопища, снабжали Москву деньгами, хлѣбомъ, однимъ словомъ, постоянно тревожили и держали на стражѣ злодѣевъ. Отсюда же между прочимъ разсылались грамоты во всѣ концы земли русской съ мольбою помочь погибающей родинѣ и защитить св. вѣру. Имена архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына, составлявшихъ и разсылавшихъ чрезъ гонцовъ эти грамоты, останутся навсегда въ памяти русскихъ.

Какъ только въ обители и ея окрестностяхъ узнали о приближеніи враговъ въ столь значительномъ числѣ, навстрѣчу имъ вышли изъ монастыря воеводы наши, князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ, и завязали отчаянный бой. Цѣль этого боя была двоякая: во-первыхъ, нужно было сразу показать злодѣямъ, какъ русскіе умѣютъ отстаивать вѣру, отечество и обитель святого Сергія; а во-вторыхъ, необходимо было дать возможность и время всѣмъ жителямъ монастырскихъ слободъ сжечь свои дома и перебраться съ семействами и скарбомъ въ монастырь.

Бой былъ упоренъ и продолжителенъ. Наши сдержали всѣ натиски вдесятеро сильнѣйшаго численностью врага, не отступили ни на шагъ, и, когда возвратились въ стѣны монастыря, цѣли ихъ были достигнуты: враги убѣдились, что безъ правильной осады съ Троицкою твердынею имъ ничего не подѣлать; а окрестное населеніе все перешло въ монастырь и успѣло выжечь строенія, отнявъ тѣмъ самымъ у непріятеля возможность пріютиться въ нихъ.

На слѣдующій день Сергіева обитель была обложена со всѣхъ сторонъ. Всѣ дороги къ ней были такъ заняты злодѣями, что ни съ одной стороны свободнаго прохода къ монастырю не осталось. Но монастырь уже приготовился къ продолжительной осадѣ и упорной защитѣ. Настоятель монастыря, архимандритъ Іоасафъ, своимъ личнымъ примѣромъ и пламеннымъ усердіемъ къ православію и Россіи сталъ душою труднаго дѣла обороны святой обители. Смотря на доблестнаго старца этого, съ твердостью готовившагося на всякіе труды и лишенія, никто не отказывался содѣйствовать ему съ самоотверженіемъ, внушаемымъ его назидательными увѣщаніями.

Несмотря однако на значительное скопленіе народа, воиновъ въ обители было немного: нѣсколько монаховъ, прежде служившихъ въ войскахъ, небольшое число служилыхъ людей, находившихся при Долгорукомъ и Голохвастовѣ, да нѣкоторое число вооруженныхъ, хотя и вовсе необученныхъ ратному дѣлу, поселянъ. Всего въ обители набралось до 3,000 плохо вооруженныхъ защитниковъ, которые должны были бороться съ 30,000 довольно хорошо вооруженнаго войска!

III. Польскіе и литовскіе люди, обложивъ монастырь и выдвинувъ напоказъ всѣ свои осадныя орудія и приспособленія, стали пробовать, нельзя-ли какъ-нибудь, хитростью или обманомъ, взять монастырь. И прислали они къ осажденнымъ льстивыя гра-

моты. «Мы,—говорятъ,—желаемъ вамъ добра; покоритесь намъ, и царь нашъ Дмитрій Іоанновичъ (такъ звали они своего тушинскаго вора) васъ наградитъ. А не сдадитесь—возьмемъ васъ силою и тогда перебьемъ всѣхъ до единаго».

Но обманули коварныхъ, кичливыхъ враговъ ихъ надежды: вмѣсто покорности они встрѣтили твердый и рѣшительный отказъ.

Тогда Сапѣга и Лисовскій приказали немедленно итти приступомъ со всѣхъ сторонъ; и въ десяти мѣстахъ, въ близкомъ отъ стѣнъ монастыря разстояніи, поставили пушки. 3-го октября началась пальба изъ всѣхъ пушекъ. Осажденные, приготовившись къ смерти чрезъ таинства покаянія и причащенія и надѣясь на помощь Божію и ходатайство преподобнаго Сергія, мужественно отражали всѣ нападенія враговъ.

Въ это время особенно отличался одинъ крестьянинъ села Молокова, по прозванію Суета. Человѣкъ этотъ былъ огромнаго роста и необычайной силы. Товарищи обыкновенно подсмѣивались надъ нимъ, что онъ воевать не умѣетъ,—а тутъ, откуда у него взялась храбрость. Ухвативъ обѣими руками свой огромный бердышъ, онъ воскликнулъ: «сегодня или умру, или прославлюсь»! и ринулся на враговъ. Онъ такъ славно рубилъ ихъ, что сдержалъ натискъ всего полка пана Лисовскаго и своимъ примѣромъ до того воодушевилъ свою дружину, уже начавшую отступать, что люди его окончательно одолѣли ватаги Лисовскаго.

Сколько затѣмъ ни было приступовъ, всѣ они были отражены, несмотря на то, что стѣны обители были ветхи и осажденныхъ съ каждымъ днемъ все убывало отъ развившейся цынги и другихъ болѣзней.

Сила Божія по молитвамъ пр. Сергія чудесно разрушала всѣ дѣйствія враговъ, и Сапѣга, къ стыду своему, не могъ выгнать изъ обители «сѣдачихъ грачей», какъ онъ называлъ престарѣлыхъ старцевъ-монаховъ.

4-го января 1610 года, ночью, пришла къ Троицѣ подмога отъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, въ 500 человѣкъ отборныхъ воиновъ; облегавшія монастырь скопища злодѣевъ окончательно упали духомъ и, послѣ кровавой битвы 12-го января, пропали всѣ до послѣдняго, убѣжавъ къ Дмитрову.

Такъ кончилась шестнадцати-мѣсячная осада Троицкаго Сергіева монастыря. Безсмертною славою покрыли себя его мужественные защитники, и великую службу сослужили они своему дорогому отечеству. (*Передѣлано съ сокращеніями изъ брош. «Осада Троицко-Сергіева монастыря», изд. ред. ж. «Мірской вѣстникъ»*).

22. Мининъ и Пожарскій.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1611 года одна изъ грамотъ Троицкой обители была получена въ Нижнемъ Новгородѣ. Рѣшили прочесть ее въ соборѣ. Ударили въ большой соборный колоколъ, и народъ скоро наполнилъ всю церковь, такъ какъ день былъ празд-

Козьма Мининъ. Князь Пожарскій.

ничный. Послѣ обѣдни соборный протоіерей обратился къ народу и сказалъ: «Православные христіане, горе намъ! Пришли дни конечной гибели нашей. Гибнетъ Московское государство; гибнетъ и православная вѣра. Что намъ творить? Не постоять-ли за православную вѣру и за святую соборную церковь Богородицы и за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ? А вотъ грамота властей Живоначальныя Троицы монастыря Сергіева». Послѣ того была прочитана грамота, присланная изъ Троице-Сергіевой обители. Народъ былъ сильно тронутъ; многіе плакали. «Горе намъ, говорили въ толпѣ, гибнетъ Московское государство».

Когда народъ вышелъ изъ церкви и столпился у паперти, къ нему обратился Козьма Мининъ, гражданинъ нижегородскій, со слѣдующею рѣчью:

«Православные христіане!—коль хотимъ помочь Московскому государству, не пожалѣемъ достоянія нашего... дворы свои продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ и станемъ челомъ бить [1]), искать,

[1]) Т. е. просить о чемъ-нибудь, кланяться до земли.

кто-бы вступился за православную вѣру и сталъ бы у насъ начальникомъ!... Дѣло великое совершимъ, если Богъ поможетъ... Мы поднимемся,—другіе города приступятъ къ намъ, и мы избавимся отъ враговъ».

Горячая рѣчь Минина пришлась по сердцу всѣмъ. Тутъ же начались пожертвованія на святое дѣло—освобожденіе родины отъ враговъ. Несли со всѣхъ сторонъ и деньги, и драгоцѣнности.

Стали думать, кого бы выбрать вождемъ ополченія. Выборъ палъ на князя Пожарскаго. Онъ уже прежде сражался съ поляками въ Москвѣ и лѣчился въ это время отъ ранъ въ своемъ имѣніи. Къ нему отправили бить челомъ. Онъ сказалъ посланнымъ: «Радъ я за вѣру православную страдать до смерти, а вы изберите изъ горожанъ такого человѣка, который былъ бы со мною у великаго дѣла, вѣдалъ бы казну на жалованье ратнымъ людямъ». Нижегородскіе послы задумались было, но князь Пожарскій помогъ имъ.—«Есть у васъ въ городѣ», сказалъ онъ, «Козьма召 Мининъ. Онъ человѣкъ бывалый: ему такое дѣло за обычай».

Вѣсть о снаряженіи нижегородцевъ быстро разнеслась по другимъ городамъ. Пожарскій съ нижегородцами разослалъ грамоты. «Теперь мы, Нижняго-Новгорода всякіе люди, говорилось въ грамотѣ, идемъ на помощь Московскому государству. Къ намъ изъ многихъ городовъ прибыли ратные люди. И вамъ поскорѣе итти. Непремѣнно надо быть вамъ съ нами въ одномъ совѣтѣ и на поляковъ вмѣстѣ итти»... Грамоты эти повсюду читали на сходкахъ, составляли приговоры, собирали деньги. Городъ сносился съ городомъ. Поднималась вся русская земля. (*Изъ «Родн. стар.»*)

23. Освобожденіе Москвы отъ поляковъ.

Наступилъ 1612-й годъ. Поляки, узнавъ о русскомъ ополченіи, пришли къ патріарху Гермогену и сказали: «Напиши нижегородцамъ, чтобы они оставались вѣрны польскому королевичу».— «Да будетъ надъ ними милость Божія, отвѣчалъ патріархъ, и отъ нашего смиренія благословеніе, а на враговъ нашихъ и на измѣнниковъ да изліется отъ Бога гнѣвъ, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты они въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ». Не понравилась такая рѣчь полякамъ; они стали морить Гермогена голодомъ, и вскорѣ страдалецъ-патріархъ скончался.

Въ августѣ мѣсяцѣ русское ополченіе подошло къ Москвѣ. На помощь полякамъ, засѣвшимъ въ Москвѣ, поспѣшилъ было новый отрядъ поляковъ, но Пожарскій разбилъ его подъ самою Мос-

квою, а потомъ обложилъ Москву. Цѣлый мѣсяцъ держались осажденные поляки въ Кремлѣ, а затѣмъ принуждены были сдаться.

25-го октября 1612 года отворились кремлевскія ворота, и русскіе торжественно вступили въ Кремль. Впереди съ крестомъ и иконами шло духовенство, во главѣ котораго былъ архимандритъ Діонисій. Въ Успенскомъ соборѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, и русскій народъ благодарилъ Бога за освобожденіе отъ враговъ. (*Изъ «Родн. стар.»*).

24. Смерть патріарха Гермогена.

Обездолена крамолой, [1])
Въ безднѣ смуты утопая,
Какъ корабль гонимый бурей,
Погибаетъ Русь святая.

—

На Москвѣ пануютъ ляхи,
И измѣной безпримѣрной
Нагло выбранъ ужъ на царство
Королевичъ иновѣрный;

—

И, засѣвъ въ Кремлѣ, поляки
И измѣнники—бояре
Шумно, весело гуляютъ,
Словно въ бѣшеномъ угарѣ.

—

Вдругъ нежданное извѣстье!
Все въ испугѣ, все въ смущеньи:
Нижній-Новгородъ поднялся,
Собралося ополченье!

—

Князь Пожарскій воеводой
Выбранъ цѣлою землей—
И съ могучей земской ратью
Скоро будетъ подъ Москвой!...

—

Истомленнаго страданьемъ,
Въ узахъ тягостнаго плѣна,
Непощадно мучатъ ляхи
Патріарха Гермогена,

Патріархъ Гермогенъ.

Вымогая, чтобъ святитель
Грознымъ пастырскимъ прещеньемъ
На Москву низовой рати
Задержалъ бы наступленье.

—

Но безсильны надъ владыкой
Все—и лесть, и истязанье:
Шлетъ святитель вѣрной рати
Не запретное посланье,

—

А въ глазахъ враговъ смущенныхъ
Онъ ее благословляетъ
И помочь ей благость Божью
Со слезами умоляетъ...

[1]) Крамола—мятежъ, смута.

Измождённъ святитель пыткой,
Истощились старца силы,—
И предъ нимъ ужъ ангелъ смерти
Отворяетъ дверь могилы.

—

Но душа его святая,
На порогѣ самомъ рая,
Все болѣетъ и томится
О судьбѣ родного края;

—

И, въ предсмертной агоніи,
Помертвѣлыми устами
Все о немъ онъ молитъ Бога,
Молитъ жарко со слезами.

—

Вдругъ подвалъ сырой и смрадный,
Гдѣ въ оковахъ онъ томился,
Преисполнясь ѳиміамомъ,
Чуднымъ свѣтомъ озарился,—

—

И предсталъ предъ страстотерпцемъ
Убѣленный сѣдинами,
Въ черной инока одеждѣ,
Нѣкій старецъ, ветхій днями.

—

И прозрѣньемъ духа свыше,
Умирающій святитель
Угадалъ, что сей нежданный—
Не отъ міра посѣтитель.

—

Былъ то Сергій преподобный,
Радонежскій чудотворецъ,
Вѣстникъ милости Господней,
Божьей правды ратоборецъ.

—

«Миръ тебѣ, мой братъ о Богѣ!»
Кротко молвилъ гость чудесный:
«Услыхалъ твою молитву
Сердцевѣдецъ Царь Небесный.

«На твое за Русь родную
Призирая сокрушенье,
Онъ тебѣ, мой братъ, со мною
Посылаетъ утѣшенье.

—

«Шлетъ тебѣ Онъ благовѣстье:
Отжени тоску сомнѣнья,—
Не погибнетъ Русь святая,
Близокъ часъ ея спасенья!

—

«Не погибнетъ Русь святая,
Врагъ надъ ней не вознесется;
Сила земская возстала,—
Братъ мой, вѣруй: Русь спасется!

—

«Сокровенны для живущихъ
Тайны Божья Провидѣнья;
Но тебѣ Господь, въ часъ смертный,
Посылаетъ откровенье!»

—

Смолкнулъ Божій благовѣстникъ,
Скрылось чудное видѣнье...
Старецъ взоръ возвелъ на небо
И воскликнулъ въ умиленьи:

—

«Русь не сгибнетъ! Русь спасется!...
Боже благости великой!
Отпущаеши Ты съ миромъ
Нынѣ, Господи Владыко,

—

Своего раба—прими же
Ты его въ Свою обитель!»
И почилъ съ послѣднимъ словомъ
Успокоенный святитель.

—

Опочилъ онъ, русскимъ людямъ

Крѣпко вѣрить завѣщая,
Что отъ всяческой невзгоды
Отстоится Русь святая.
(*Розенгеймъ*).

25. Избраніе на царство Михаила Θеодоровича Романова.

26 октября 1612 года Кремль и вся Москва были очищены отъ поляковъ. Разосланы были грамоты по областямъ, чтобъ присылали отовсюду въ Москву знатныхъ духовныхъ лицъ и выборныхъ изъ другихъ сословій, лучшихъ, разумныхъ людей. Когда выборные съѣхались, назначенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго начались соборы. 21 февраля 1613 года былъ послѣдній соборъ: каждое сословіе подало письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія были сходны: всѣ указывали на одного человѣка, шестнадцатилѣтняго Михаила Θеодоровича Романова, сына митрополита (впослѣдствіи патріарха) Филарета Никитича. Онъ приходился прежнимъ царямъ роднею ближе всѣхъ. Изъ этого рода была первая супруга Іоанна Грознаго—Анастасія. Михаилъ Θеодоровичъ жилъ въ это время въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ, съ матерью, монахинею Марθою Ивановною. Соборъ, провозгласивши его царемъ, назначилъ нѣсколько знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ ѣхать къ нему и отъ имени всѣхъ чиновъ людей просить, чтобъ былъ государемъ и ѣхалъ въ Москву.

13 марта соборные послы пріѣхали въ Кострому, а на другой день пошли въ Ипатьевскій монастырь съ крестнымъ ходомъ и со всѣми костромичами. Услыхавши отъ пословъ просьбу ѣхать въ Москву и царствовать, Михаилъ отказался, Марθа Ивановна говорила: «Сынъ мой еще очень молодъ, а русскіе люди стали малодушны, троимъ государямъ [1]) присягнули и потомъ измѣнили; кромѣ того, государство разстроено въ конецъ, прежнихъ сокровищъ царскихъ нѣтъ, земли розданы, служилые люди обѣднѣли; откуда будущему царю давать жалованье служилымъ лю-

Царь Михаилъ Θеодоровичъ.

[1]) Самозванцу Лжедимитрію, Василію Ивановичу Шуйскому и наконецъ польскому королевичу Владиславу.

дямъ, дворъ свой содержать и какъ противъ недруговъ стоять? Наконецъ, митрополитъ Филаретъ въ заточеніи у польскаго короля: узнавши, что выбрали въ цари его сына, король отомститъ за это на отцѣ».

Соборные послы отвѣчали, что избранъ Михаилъ по Божьей волѣ, а три прежніе государя садились на престолъ по своей волѣ, не право, отчего во всѣхъ русскихъ людяхъ и было несогласіе и междоусобіе; теперь же русскіе люди наказались и всѣ пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ.

Послы долго упрашивали Михаила и мать его; наконецъ стали грозить, что въ случаѣ отказа государство совершенно разорится, и Богъ взыщетъ на Михаилѣ это разореніе.

Тогда Марѳа Ивановна благословила сына принять престолъ.

2 мая 1613 года Михаилъ пріѣхалъ въ Москву и 11 іюля вѣнчался на царство. Россія получила настоящаго царя.

(Соловьевъ).

26. Подвигъ Ивана Сусанина.

Когда поляки, шатавшіеся цѣлыми толпами около Москвы, узнали объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, тогда они рѣшились извести новопоставленнаго русскаго царя, который жилъ еще въ костромской своей деревнѣ. Отправившись для совершенія злодѣйскаго умысла, они раздѣлились на нѣсколько шаекъ, и одна изъ нихъ сбилась съ дороги; это было зимою, въ сильную метель. Имъ встрѣтился крестьянинъ дворцоваго села Домнина, Иванъ Сусанинъ, котораго поляки остановили и разспрашивали о мѣстопребываніи Михаила Ѳеодоровича. Онъ вызвался къ нимъ въ проводники, и поляки обѣщали наградить его пригоршнями золота. Сусанинъ заводитъ ихъ по дорогѣ къ себѣ въ деревню, угощаетъ ихъ, поитъ, а между тѣмъ тайно посылаетъ своего сына предувѣдомить царя о близкой опасности. Злодѣи, поужинавъ, отогрѣвшись и немного соснувъ, съ полуночи собрались въ дорогу, предводимые Сусанинымъ, который, своротя по проселочной дорогѣ, по сугробамъ и оврагамъ завелъ ихъ въ непроходимый лѣсъ. Выбившись изъ силъ, поляки стали подозрѣвать проводника и, махая надъ старческою его головой саблями, вскричали: «ты обманулъ насъ!» — «Не я», спокойно отвѣчалъ имъ Сусанинъ: «не я, вы сами себя обманули. Ложно мыслили вы, что я выдамъ вамъ жизнь и здоровье царя-государя. Богъ подкрѣпилъ меня: царь Михаилъ спасенъ!» Поляки въ бѣшенствѣ изрубили его на мелкія части и сами погибли отъ стужи и голода.

«Куда ты ведешь насъ? Не видно ни зги!»
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги:
«Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробицахъ снѣга,
Знать, намъ не добраться съ тобой до ночлега.
Ты сбился, братъ, вѣрно нарочно съ пути!
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!
Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ,
Но смерти отъ ляховъ вашъ царь не минуетъ!
Веди-жъ насъ, такъ будетъ тебѣ за труды;
Иль бойся—не долго у насъ до бѣды!»
Сусанинъ ведетъ ихъ.
Стоятъ, не шелохнясь, и дубъ, и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза;
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, прошумитъ,
И дятелъ дуплистую иву долбитъ...
Другъ за другомъ идутъ въ молчаньи сарматы [1]),
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатый...
Ужъ солнце высоко сіяетъ съ небесъ;
Все глуше и диче становится лѣсъ,—
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними;
И сосны, и ели, вѣтвями густыми
Склонившись до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели.
Вотще [2]) настороже тревожное ухо:
Все въ томъ захолустьи и мертво, и глухо...
«Куда ты завелъ насъ?» Ляхъ старый вскричалъ.
«Туда, куда нужно!» Сусанинъ сказалъ.
«Убейте, замучьте! моя здѣсь могила!
Но знайте, и рвитесь—я спасъ Михаила!
Предателя мнили во мнѣ вы найти:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ.
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ
И душу измѣной свою не погубитъ.»
«Злодѣй!» закричали враги, закипѣвъ:
«Умрешь подъ мечами!»—«Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ, умру за царя и за Русь!»
И сабли надъ старцемъ свистя засверкали:

---

[1]) Сарматы—поляки. [2]) Вотще—напрасно.

«Погибни, предатель! конецъ твой насталъ!»
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ.
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила:
Она для Россіи спасла Михаила! *(Рылѣевъ)*.

27. Царь Алексѣй Михайловичъ.

Послѣ смерти Михаила Ѳеодоровича, спасшаго Россію отъ окончательнаго распаденія и разоренія, давшаго ей миръ, спокойствіе и процвѣтаніе, вступилъ на престолъ сынъ его царь Алексѣй Михайловичъ и тридцать лѣтъ правилъ государствомъ. Вскорѣ послѣ него Русь входитъ въ другой складъ государственной жизни и начинаетъ свою *новую исторію*.

I. Молодой царь отличался весьма привлекательною наружностью: онъ былъ бѣлый, румяный, съ темнорусыми волосами, красивой окладистой бородой и пріятными съ кроткимъ выраженіемъ глазами. Лицо есть зеркало души: Алексѣй Михайловичъ отъ природы былъ надѣленъ прекрасными качествами и оставилъ по себѣ память своимъ умомъ, мягкостью, добротою и врожденнымъ изяществомъ [1]). Чтеніемъ книгъ и бесѣдами съ знающими, развитыми и опытными людьми онъ еще болѣе развилъ свой умъ и былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Вскорѣ по вступленіи на престолъ государь задумалъ жениться. По обыкновенію собрали до *двухсотъ* дѣвицъ. Царь выбралъ себѣ въ супруги дочь небогатаго касимовскаго помѣщика, боярышню Всеволожскую. Но когда ее въ первый разъ одѣли въ царское платье, то ей, по проискамъ боярина Морозова, оставшагося дядькой молодого Алексѣя Михайловича и боявшагося потерять свою власть съ приближеніемъ ко двору родни будущей царицы, нарочно сильно затянули волосы, отчего она упала въ обморокъ. Царю объяснили этотъ случай падучей болѣзнью. Царь повѣрилъ и сослалъ въ Сибирь и ее и ея родню за то, что скрыли было болѣзнь. Послѣ того Морозовъ сосваталъ государю дочь своего сподручника, боярина Милославскаго, *Марью Ильиничну*. Свадьба вышла блестящая; только не играли въ трубы и органы и не били въ литавры, какъ дѣлывалось прежде на царскихъ свадьбахъ, а пѣвчіе распѣвали духовные стихи и пѣснопѣнія.

II. Примѣрнымъ семьяниномъ, христіаниномъ и русскимъ человѣкомъ сталъ жить Алексѣй Михайловичъ. Онъ очень любилъ свою жену и дѣтей и постоянно заботился о нихъ. Вставалъ

---

1) Изящество—любовь къ прекрасному, благородному.

онъ въ четыре часа утра. *Постельничій* со *спальниками* и *стряпчими* подавали ему платье и одѣвали его. Потомъ царь выходилъ въ *крестовую*, гдѣ его встрѣчалъ духовникъ—*крестовый попъ и дьяки*; здѣсь начиналось моленіе, чтеніе полунощницы, поклоненіе иконѣ того святого, чья память праздновалась въ этотъ день, и окропленіе святою водою, которая доставлялась изъ монастырей отъ святыхъ угодниковъ. Послѣ сего читалось назидательное *слово* изъ сборниковъ, называемыхъ *Златоустами*, *Златоструями*, *Измарагдами* и т. п. именами. Затѣмъ царь, если почивалъ особо, посылалъ спросить о *здоровьѣ* царицы и входилъ къ ней здороваться. Потомъ вмѣстѣ съ царицею онъ шелъ въ *верховую церковь* во дворцѣ къ заутренѣ и ранней обѣднѣ. Послѣ заутрени съѣзжались во дворецъ къ государю бояре *бить челомъ*, т. е. здороваться земными поклонами. Поговоривъ немного съ боярами о дѣлахъ, государь съ ними отправлялся къ поздней обѣднѣ, въ теченіе которой иногда не переставали все-таки докладывать ему про нужныя дѣла.

III. Послѣ обѣдни до двѣнадцати часовъ царь занимался съ боярами государственными работами; потомъ бояре, ударивъ челомъ государю, разъѣзжались, а онъ шелъ къ обѣду. Къ царскому столу иногда приглашались нѣкоторые изъ уважаемыхъ и близкихъ бояръ. Къ обыкновенному столу Алексѣя Михайловича подавали ржаной хлѣбъ, не много вина, овсяную брагу, легкое пиво съ коричневымъ масломъ и самыя простыя блюда: сначала холодныя и печенья, потомъ жареное и затѣмъ похлебки и ухи. Въ постные дни Алексѣй Михайловичъ почти ничего не ѣлъ. Но въ нѣкоторые торжественные обѣды подавалось до *семидесяти* блюдъ, которыя раздавались въ видѣ царской подачи, какъ знакъ чести и милости, боярамъ. Послѣ обѣда царь, какъ и всякій русскій, ложился спать часа на три до вечеренъ. Къ этому времени съѣзжались опять бояре и вмѣстѣ съ царемъ слушали вечерню. Послѣ вечерни государь проводилъ время въ семейномъ кругу и между друзей. Это время посвящалось также на развлеченія и удовольствія, изъ которыхъ любимѣйшими были игры въ шахматы, чтеніе духовно-назидательныхъ и церковно-историческихъ книгъ, а также лѣтописей и сказаній и затѣмъ на бесѣду и разсказы бывалыхъ людей о далекихъ земляхъ, о старинѣ и т. п. Алексѣй Михайловичъ при дворѣ держалъ для такихъ бесѣдъ многолѣтнихъ старцевъ, жившихъ на полномъ царскомъ содержаніи. Иногда развлекались въ *потѣшной палатѣ* пѣснями, плясками, скоморохами и др.

Въ послѣдніе годы своего царствованія Алексѣй Михайловичъ любилъ смотрѣть сценическія представленія, для чего при дворцѣ былъ устроенъ *первый* въ Россіи театръ. Зимою государь, особенно по праздникамъ, смотрѣлъ на бой медвѣдя съ охотникомъ, а въ прочее время ѣзживалъ на любимую соколиную охоту. День оканчивался ужиномъ и молитвой.

IV. Занимаясь дѣлами государства, Алексѣй Михайловичъ находилъ время и для хозяйственныхъ занятій, особенно лѣтомъ. Онъ съ семьей обыкновенно на лѣто уѣзжалъ въ ближнія къ Москвѣ села и преимущественно въ село *Коломенское*. Здѣсь государь и государыня занимались хозяйствомъ и собственноручно работали въ огородѣ и въ саду. Здѣсь у царя былъ красивый двухъ-этажный деревянный, на каменномъ фундаментѣ, дворецъ, который одинъ современникъ называетъ *восьмымъ чудомъ свѣта*. Отъ построекъ царя Алексѣя Михайловича въ этомъ селѣ до-нынѣ уцѣлѣли только: *подъѣздныя ворота* и *каменный челобитный столбъ*, на который просители могли класть свои челобитныя (то есть прошенія). Осталась еще церковь *Вознесенія*, сооруженная Василіемъ III; вокругъ этой церкви идетъ крытая паперть съ каменнымъ *царскимъ мѣстомъ*, откуда Алексѣй Михайловичъ любилъ глядѣть на окрестныя мѣста и Москву-рѣку.

Обычный порядокъ жизни государя нарушался разными торжественными случаями: пріемомъ посольствъ, богомольными выходами въ каждый большой праздникъ и др. Здѣсь царь являлся въ несказанномъ великолѣпіи.

Къ обѣднѣ Алексѣй Михайловичъ либо шелъ пѣшкомъ, либо ѣхалъ, одѣтый, лѣтомъ,—въ легкій шелковый *опашенъ* и *золотую шапку* съ мѣховымъ околомъ, зимою,—въ *шубу* и *горлатную лисью шапку;* въ рукахъ у него всегда былъ посохъ. Въ великіе праздники: Рождество Христово, Богоявленіе, Пасху и др. надѣвался иногда *царскій нарядъ*, состоявшій изъ *порфиры*, *короны*, *бармъ*, *наперснаго креста* и *царскаго жезла*. Всѣ одежды царскія были, конечно, очень дорогія и блестѣли золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями. Соотвѣтственно царю, и бояре должны были одѣваться въ пышные наряды. Особенно торжественно совершался выходъ царя на *Іордань* и въ *Вербное воскресеніе*, когда царь всенародно велъ подъ патріархомъ коня, который изображалъ собою осла, а патріархъ — Спасителя. Народъ, встрѣчая царя и видя «его пресвѣтлыя очи», билъ ему челомъ. Передъ большими праздниками Алексѣй Михайловичъ посѣщалъ тюрьмы, больницы и богадѣльни. Онъ утѣ-

шалъ несчастныхъ и раздавалъ имъ милостыню. Милостыню онъ раздавалъ также собственноручно нищимъ и убогимъ и даже въ мясопустную недѣлю угощалъ послѣднихъ въ столовой палатѣ и самъ съ ними обѣдалъ. *(По разн. источн.)*

28. Столица древняя.

Столица древняя, родная,
Ея ль не вѣдаетъ страна?
Ее назвать—и Русь святая
Съ ней вмѣстѣ разомъ названа.

—

У ней съ землей одна невзгода,
Одно веселье, общій трудъ.
Ея дѣла—любовь народа—
Ей право первенства даютъ.

—

За Русь не разъ она горѣла,
Встрѣчая полчища племенъ;
За Русь не разъ она терпѣла
И поношеніе и плѣнъ.
Въ напастяхъ вмѣстѣ съ нею крѣпла,
Мужалась, Господа моля,
И возникала вновь изъ пепла—
И съ нею русская земля.

—

Ея удѣлъ—всегда тревожить
Враговъ Россіи заклятыхъ.
Ее унизить, уничтожить
Не разъ пыталась злоба ихъ.

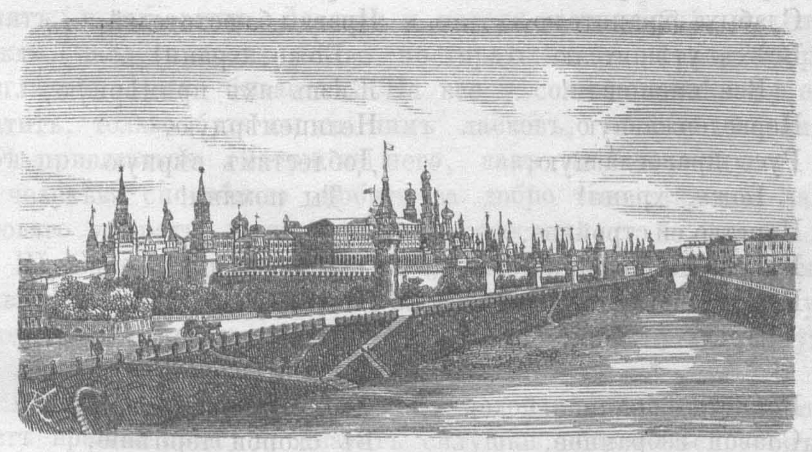
—

Но въ страхъ врагамъ, но въ радость краю
Она, великая, сильна,—
И старый кличъ я подымаю:
Да вѣчно здравствуетъ Москва!

(К. Аксаковъ).

29. Въ Кремлѣ.

Вхожу ли въ старый Кремль, откуда взглядъ привольно
Покоится на всей Москвѣ первопрестольной,

Въ соборы-ль древніе, съ гробницами царей,
Первосвятителей, когда кругомъ читаю

На доскахъ ихъ имена, и возлѣ нихъ внимаю
Молитвы шопоту притекшихъ къ нимъ людей,
А тамъ, въ сіяніи иконъ святые лики,
И мѣсто царское, и патріаршій тронъ,
А между тѣмъ гудитъ, гудитъ Иванъ Великій,
Какъ бы изъ глубины вѣковъ идущій звонъ,—
Благоговѣніемъ душа моя объята,
И все мнѣ говоритъ: «сіе есть мѣсто свято!»...
Смотри: когда кругомъ лишь боръ густой шумѣлъ,
А на горѣ сіялъ лишь храмъ святого Спаса
Да княжій теремокъ, гдѣ бѣдный князь сидѣлъ,—
Бесѣда вѣщая таинственно велася
Здѣсь межъ святителемъ и княземъ. Здѣсь его,
Какъ древній Самуилъ, благословилъ владыка
На собираніе народа своего.
Святителевъ завѣтъ исполнился великій:
По-малу собралась вкругъ бѣлаго Кремля,
Какъ подъ надежный щитъ, вся русская земля,
И каждый градъ свою здѣсь церковь строилъ,
И высилась Москва!.. (*А. Майковъ*).

30. Пѣснь русскому царю.

Боже! царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли!
Перводержавную
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное!
Все-жъ недостойное
Прочь отжени!

* * *

Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ —
Долгіе дни!
Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную
Ты помяни!

* * *

О Провидѣніе,
Благословеніе
Намъ ниспошли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастьи смиреніе,
Въ скорби терпѣніе,
Дай на земли!
Будь намъ заступникомъ,

Вѣрнымъ спутникомъ
Насъ провожай!
Свѣтлопрелестная
Жизнь поднебесная,
Сердцу извѣстная,
Сердцу сіяй!

(*Жуковскій*)

31. Русскій солдатъ.

I. Чего-чего русскій солдатъ на своемъ вѣку не справитъ? Чѣмъ только не послужитъ царю, Россіи, да своимъ отцамъ-командирамъ?.. Во всѣхъ странахъ онъ побываетъ, всякаго дѣла насмотрится, со всякимъ народомъ сживется, ко всякимъ трудамъ привыкнетъ. Охранитъ, защититъ, грудью отстоитъ наше православное воинство свою мать—Россію, отъ всякихъ ея вороговъ!.. Велитъ царь батюшка—и въ чужія земли пойдетъ: и тамъ недруговъ его усмиритъ!.. Заселитъ пустыни безплодныя, изъ-за сотенъ верстъ подъ солнцемъ палящимъ, по сыпучимъ пескамъ проведетъ въ нихъ воды благодатныя; дороги проложитъ, города выстроитъ, чрезъ пучины мосты перекинетъ, нивы, поля засѣетъ, засадитъ, а придется отстаивать заселенныя мѣста, такъ онъ безропотно своими же костями удобритъ, своей честной кровью польетъ!..

II. А на покоѣ, глядишь: онъ по книжкѣ буквы выводитъ—грамотѣ самъ учится и другихъ обучаетъ. Прикажетъ начальство—солдатъ и хлѣбъ испечетъ, и кашу сваритъ и, на походѣ, всякія тебѣ кушанья приготовитъ. Нѣтъ у командира повара—солдатъ за повара! Нѣтъ кучера—онъ и за кучера. Да это что еще? Нѣту нянюшки у дѣтокъ—солдатъ-деньщикъ ихъ и вынянчитъ, и выхолитъ, и выроститъ. Да еще и матери-командиршѣ, въ случаѣ нужды, найдетъ время бѣлье постирать, воротнички, оборочки разгладить. Всяко бываетъ!.. На все у солдата и умѣнья и охоты хватитъ, только будь ты съ нимъ ласковъ, позволь ты ему къ себѣ привязаться, смотри на него, какъ на живую душу, какъ на человѣка способнаго любить за добро твое такъ-же, какъ и готоваго умирать, когда надо, за отечество.

III. Одного только не умѣетъ сдѣлать солдатъ нашъ: не умѣетъ сдаваться врагу! Не умѣетъ тѣмъ болѣе измѣнить отечеству, забыть присягу, долгъ, честь солдатскую и вѣру православную...

Нѣтъ! Этого онъ не сумѣетъ сдѣлать.

Въ первомъ случаѣ, коли ужъ подойдетъ такое горе, что одолѣетъ вражья сила, не хватитъ силушки оборониться,—онъ, не задумываясь, взорветъ себя и товарищей своихъ на воздухъ, какъ сдѣлалъ это безсмертный Архипъ Осиповъ: честную душу Богу

отдастъ, а тѣломъ многострадальнымъ придавитъ, вмѣстѣ съ землей и каменьями, враговъ царя своего и родины. А что до измѣны, то мученическія кончины Данилова, унтеръ-офицера 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго батальона, и Никитина фейерверкера 21-й артиллерійской бригады, еще недавно подтвердили, что воину православному куда легче дать съ себя живого кожу ремнями содрать, чѣмъ измѣнить вѣрѣ Христовой или научить враговъ, какъ стрѣлять изъ русской пушки въ русскихъ людей.

IV. Разскажемъ здѣсь, для памяти русскому народу, объ этихъ подвигахъ солдатскихъ.

Безсмертнымъ зовутъ Архипа Осипова потому, что и понынѣ, и навсегда отданъ приказъ вызывать его при вечернихъ перекличкахъ Тенгинскаго полка, гдѣ служилъ онъ и геройски погибъ. И какъ только раздается кличъ: «Архипъ Осиповъ!» такъ ефрейторъ отвѣчаетъ: «погибъ во славу русскаго оружія!» И точно во славу. Было это въ 1840 году, на восточномъ берегу Чернаго моря, въ Михайловскомъ укрѣпленіи. Въ томъ году Шамиль поднялся съ большими скопищами, напали они на маленькіе форты [1]) по берегу моря, въ которыхъ чуть не всѣ люди были измучены лихорадками и находились больше въ лазаретахъ, чѣмъ въ караулахъ. Передъ тѣмъ адмиралъ Серебряковъ объѣзжалъ ихъ на пароходѣ и приказывалъ гарнизонамъ, въ случаѣ нападенія, бороться до послѣдней крайности, а въ случаѣ совершеннаго безсилія продолжать борьбу совѣтовалъ не сдаваться въ плѣнъ, а лучше взорвать крѣпость порохомъ.

7-го февраля неожиданно взятъ фортъ Лазаревъ, гдѣ изъ 200 человѣкъ всего 60 солдатъ было здоровыхъ. Погибли всѣ, кромѣ раненыхъ и больныхъ 30 человѣкъ, взятыхъ горцами въ плѣнъ. 22-го февраля взято укрѣпленіе Вельяминовское, гдѣ 400 человѣкъ 6 сутокъ бились противъ 8,000 черкесовъ. Когда оставалось въ живыхъ менѣе 70, капитанъ Панахрасто схватилъ зажженный фитиль и побѣжалъ къ пороховому погребу, но непріятель, ворвавшійся въ крѣпость, бросился на него и изрубилъ въ куски.—22-го марта взято Михайловское укрѣпленіе, но въ плѣнъ никто не взятъ, потому что рядовой Тенгинскаго полка, Осиповъ, успѣлъ зажечь пороховой складъ, когда черкесы ворвались въ него. Взрывомъ этимъ было убито и переранено такое множество горцевъ, что непріятель не могъ далѣе продолжать набѣга и разбрелся, развозя по ауламъ своихъ раненыхъ. Архипу

---

1) Фортъ—отдѣльное укрѣпленіе для обороны

Осипову поставленъ памятникъ въ городѣ Владикавказѣ, гдѣ онъ изображенъ съ фитилемъ въ рукахъ, въ ту минуту, какъ онъ приблизилъ его къ бочкѣ съ порохомъ.

V. Даниловъ съ Никитинымъ еще ждутъ своихъ памятниковъ, которыхъ столь же достойны.

Ѳома Даниловъ, унтеръ-офицеръ 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго батальона, изъ крестьянъ Самарской губерніи, Бугурусланскаго уѣзда, взятъ былъ въ плѣнъ кипчаками 21 ноября 1875 года, въ Маргеланѣ. Самъ ханъ кипчакскій обѣщалъ ему не только помилованіе, но награду и почести, если онъ только отречется отъ Христа и перейдетъ въ его службу—учить стрѣльбѣ его войско. Даниловъ отвѣчалъ, что лучше желаетъ умереть въ христіанствѣ, чѣмъ измѣнить вѣрѣ и царю... Тогда ханъ приказалъ не просто убить его, а мучить и среди пытокъ останавливаться и спрашивать: «Не измѣнилъ ли мыслей? Не перейдешь ли въ нашъ законъ?» И каждый разъ воинъ-мученикъ твердо отвѣтствовалъ: «Не отрекусь отъ Христа! не измѣню отечеству!» Съ тѣмъ онъ и умеръ въ жестокихъ страданіяхъ. Мучители его, въ изумленіи, сами почтили его погребеніемъ съ почестями на свой ладъ и назвали Ѳому Данилова — батыремъ, по-нашему богатыремъ. И воистину онъ былъ православный богатырь!.. Государь положилъ вдовѣ его и дочери пенсію; дворяне Самарской губерніи собрали имъ 1.320 руб. и приняли дочь его на воспитаніе въ учебное заведеніе.

VI. Фейерверкеръ 21-ой артиллерійской бригады Никитинъ во время Текинской экспедиціи, въ 1879 году, при Геокъ - Тепе, взятъ былъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ пушкой. Текинцы обѣщались отпустить его, съ тѣмъ, чтобъ онъ направилъ на русскихъ пушку и научилъ ихъ стрѣлять. Онъ отказался наотрѣзъ. Тогда дикари велѣли сдирать съ него полосами кожу и такимъ образомъ звѣрски замучили его, но поколебать не могли.

Такъ скончались славной смертью эти трое русскихъ героевъ. Ихъ подвиги извѣстны, но какое множество нашихъ воиновъ погибло не менѣе мужественно и славно, — да только о смерти ихъ никто не узналъ!

Кланяемся вамъ низко, доблестные русскіе солдаты! Вѣчная память погибшимъ въ бояхъ за отечество братьямъ нашимъ! Многія лѣта, громкая слава нашему православному воинству!

(*Изъ брош. «Наши воины православные» Желиховскаго*).

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЦЕРКОВЬ.

1. **Вѣрность.** (Притча).

I. Одинъ языческій царь призвалъ къ себѣ христіанскаго епископа и потребовалъ, чтобы онъ отказался отъ своей вѣры. Но епископъ кротко и спокойно отвѣтилъ: «Этого я не могу сдѣлать». Царь разгнѣвался и воскликнулъ [1]): «Развѣ ты не знаешь, что жизнь твоя въ моей власти? одно мое мановеніе [2])—и тебя не будетъ на свѣтѣ!»—«Знаю, знаю это», отвѣчалъ епископъ; «но позволь мнѣ, царь, предложить одинъ вопросъ на твое рѣшеніе. Представь себѣ, государь, что вѣрнѣйшій слуга твой попалъ въ руки враговъ твоихъ. Враги твои всячески старались заставить раба того измѣнить [3]) тебѣ. Но онъ непоколебимъ [4]) въ своей преданности [5]) и вѣрности тебѣ. Тогда враги твои, снявъ одежды съ раба того, прогнали его съ посмѣяніемъ. Теперь скажи, государь: когда рабъ тотъ, поруганный и обнаженный за вѣрность тебѣ, вернется къ тебѣ, не вознаградишь ли ты его честью и славою за поруганіе и не дашь ли лучшія одежды для прикрытія наготы его?»

II. «Конечно такъ!» отвѣчалъ царь, «но къ чему ты это говоришь?» Тогда благочестивый епископъ сказалъ: «Царь, ты можешь снять съ меня эту земную одежду, т.-е. лишить меня этой жизни; но Господь мой облечетъ меня въ новую, лучшую одежду».

Выслушавъ это, царь отпустилъ епископа и больше не сталъ требовать отреченія его отъ христіанской вѣры.

---

1) Воскликнуть—*говорить громко, кричать, вскрикивать.*
2) Мановеніе—*знакъ рукою, головою или глазами, въ видѣ приказанія.*
3) Измѣнить—*нарушить вѣрность, перейти къ противнику.*
4) Непоколебимый—*твердый, стойкій.*
5) Преданность—*приверженность, вѣрность, искренняя любовь.*

2. Единственное сокровище для человѣка—Богъ.

I. Въ Царьградѣ жилъ нѣкоторый гражданинъ, весьма богатый и человѣколюбивый. Имѣя одного у себя сына, онъ не старался оставить ему богатое наслѣдство, какъ дѣлали многіе, и свое имѣніе раздавалъ щедрою рукою неимущимъ. Но этого еще недостаточно было для человѣка богоугоднаго: онъ хотѣлъ имѣть и то утѣшеніе, чтобы, представъ у страшнаго Судіи небеснаго, онъ могъ Ему сказать: «се азъ и чадо мое»! хотѣлъ и сына своего сдѣлать столько же милостивымъ къ бѣднымъ и несчастнымъ, сколько былъ милостивъ къ нимъ и самъ.

Въ одинъ день, призвавъ его къ себѣ и показавъ всѣ свои богатства, онъ спросилъ у него: «Любезный сынъ! что болѣе желаешь получить отъ меня въ наслѣдство: эти ли сокровища, или Христа Спасителя?» Юноша, воспитанный въ страхѣ Божіемъ, рѣшительно отвѣчалъ ему: «Христа, болѣе ничего»! Восхищенный такимъ отвѣтомъ сына, отецъ еще болѣе началъ расточать свое имѣніе нищимъ и несчастнымъ, такъ что по смерти своей оставилъ ему только насущный хлѣбъ и честное имя. Добродѣтельный юноша, изъ богача сдѣлавшись почти убогимъ, нисколько не сожалѣлъ о томъ, ибо надѣялся на Христа — на это великое сокровище, которое у него осталось.

II. Въ томъ же городѣ жилъ нѣкоторый вельможа, славный богатствомъ и благочестіемъ. Онъ имѣлъ у себя супругу, также благочестивую, и единственную дочь, воспитанную въ страхѣ Божіемъ. Когда дѣвица достигла совершеннаго возраста, родители ея сказали другъ другу: «какого жениха изберемъ нашей дочери? богатаго и, можетъ быть, гордаго?... но онъ будетъ оскорблять ее, принудитъ гоняться за суетою свѣта, научитъ тщеславиться... Нѣтъ, изберемъ лучше человѣка средняго состоянія, но добраго и богобоязненнаго, который приметъ дочь нашу какъ особенный даръ неба. Пойдемъ въ церковь Божію», сказали они, «будемъ молиться о счастіи нашего дитяти,—и кто первый войдетъ въ храмъ Божій, тотъ пусть будетъ супругъ ея».

Вознеся пламенную молитву къ Богу, отецъ и мать дѣвицы сѣли и ждали, чѣмъ небесный Промыслъ рѣшитъ судьбу любезнѣйшей ихъ дочери... Вдругъ входитъ тотъ юноша, о которомъ мы ранѣе сказали. Подозвавъ его къ себѣ, они спросили: кто онъ и откуда? и услышавъ, что онъ сынъ такого-то въ Бозѣ усопшаго щедролюбца, возблагодарили Бога и сказали ему: «Христосъ Спаситель усыновилъ намъ тебя; прими отъ насъ руку

нашей дочери, а съ нею и богатство наше!—Все это даетъ тебѣ самъ Богъ».

Благочестивый юноша служитъ примѣромъ, что Богъ никогда не оставляетъ въ нищетѣ того, кто единственно изъ любви къ Нему расточаетъ свои сокровища. (*Сокращ. изъ «Учил. благоч.»*)

3. Коль славенъ Господь.

Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ, [1])
Не можетъ изъяснить языкъ:
Великъ Онъ въ небесахъ на тронѣ,
Въ былинкахъ [2]) на землѣ великъ.
Вездѣ, Господь, вездѣ Ты славенъ!
Въ ночи, во дни сіяньемъ равенъ!

О, Боже, въ Твое селенье
Да внидутъ наши голоса,
Да взыдетъ наше умиленье
Къ Тебѣ, какъ утрення роса.
Тебѣ въ сердцахъ алтарь поставимъ.
Тебя, Господь, поемъ и славимъ!

(*Жуковскій*).

4. Единое благо.

Печальный кипарисъ, холодный мохъ забвенья,
Въ землѣ сокрытый гробъ, и въ гробѣ этомъ тлѣнье:
Вотъ каждаго удѣлъ за жизненной тропой!
Прахъ внидетъ снова въ прахъ; пловецъ къ странѣ родной
Причалитъ, и душа въ отчизну возвратится,
И въ двери райскія къ ночлегу постучится..
Блаженъ, кого тогда небесный серафимъ
Пріосѣнитъ крыломъ привѣтливо своимъ,
И двери отопретъ, и тотъ пришлецъ усталый
Блеснетъ въ ряду лучей зари отъ вѣка алой! (*А. Майковъ*).

5. Могу ли я увидѣть Бога?

«Ахъ, маменька, могу ли я
Когда—нибудь увидѣть Бога
Среди небеснаго чертога?»
— Но, развѣ ты, душа моя,
Его не видишь безпрерывно
Во всемъ, что вкругъ тебя живетъ:
Въ полетѣ птички, въ блескѣ водъ,
Въ цвѣткѣ, во всей природѣ дивной?
Когда вставая, иль ложась,
Сложивши руки, ты читаешь
Свою молитву, всякій разъ

1) Сіонъ—св. гора въ Іерусалимѣ, на которой былъ построенъ храмъ Соломоновъ. Здѣсь—небо.

2) Былинка—маленькая травка.

Тогда у Бога ты бываешь,
Ты видишь Господа...—«Но я
Желалъ бы, маменька, глазами
Его увидѣть тамъ, надъ нами,
Гдѣ рай, гдѣ бабушка моя.
Тамъ, няня говоритъ, въ сіяньи,
Въ великолѣпномъ одѣяньи,
Въ вѣнцѣ, на тронѣ золотомъ,
Непостижимый возсѣдаетъ:
Простертъ хоръ ангеловъ кругомъ
И въ гимнахъ Бога восхваляетъ.
Вотъ тамъ бы я когда-нибудь
Желалъ на Господа взглянуть!»
— Мой сынъ, будь добръ и чистъ душою,
Тогда увидишь ты Его,
Не подъ одеждою земною,
О! нѣтъ, прекраснѣе того,
Какимъ ты мнѣ Его представилъ.
Онъ духъ; Его престолъ—весь міръ,
Которымъ Онъ любовь прославилъ;
Гдѣ вызвалъ жизнь на чудный пиръ!
Любить Его чистосердечно,
Его стараться *познавать*,
И *сходства* въ духѣ съ Нимъ искать,—
Есть видѣть Господа, и вѣчно!
Желаешь ли того? Учись,
Добра не оставляй дорогу,
Все совершеннѣй становись;
Тогда ты ближе будешь къ Богу,
Достойнѣй Вышняго Отца,
Тогда ты, сынъ мой,—о блаженство!
Увидишь свѣтлый ликъ Творца
Затѣмъ, что ликъ сей—Совершенство!

(*Я. Гротъ*).

6. Воскресеніе Христово.

Въ день Пасхи, радостно играя,
Высоко жаворонокъ взлетѣлъ
И, въ небѣ синемъ исчезая,
Пѣснь Воскресенія запѣлъ.
И пѣснь ту громко повторяли
И степь, и холмъ, и темный лѣсъ.
Проснись земля,—они вѣщали,—
Проснись: твой Царь, твой Богъ воскресъ!
Проснитесь горы, долы, рѣки!
Хвалите Господа небесъ!
Побѣждена Имъ смерть вовѣки!
Проснись и ты, зеленый лѣсъ!
Подснѣжникъ, ландышъ серебристый,
Фіалка—зацвѣтите вновь,
И возсылайте гимнъ душистый
Тому, Чья заповѣдь—любовь!

(*Кн. Горчакова*).

7. Спаситель.

Любовью къ ближнимъ пламенѣя,
Народъ смиренью Онъ училъ;
Онъ всѣ законы Моисея
Любви закону подчинилъ.
Не терпитъ гнѣва Онъ, ни мщенья,

Онъ проповѣдуетъ прощенье,
Велитъ за зло платить добромъ.
Есть неземная сила въ Немъ:
Слѣпымъ Онъ возвращаетъ зрѣнье,
Даритъ и крѣпость, и движенье
Тому, кто былъ и слабъ, и хромъ.
Ему признанія не надо:
Сердецъ мышленье отперто;
Его пытующаго взгляда
Еще не выдержалъ никто.
Цѣля недугъ, врачуя муку,
Вездѣ Спасителемъ Онъ былъ,
И всѣмъ простеръ благую руку,
И никого не осудилъ.
То, видно, Богомъ мужъ избранный.
Онъ тамъ, по онполъ Іордана
Ходилъ какъ посланный небесъ;
Онъ много тамъ свершилъ чудесъ;
Теперь пришелъ Онъ, благодушный,
На эту сторону рѣки;
Толпой прилежной и послушной
За Нимъ идутъ ученики. *(Гр. А. Толстой)*.

8. Тропарь на день Преображенія Господня.

Преобразился днесь Ты на горѣ, Христе,
И славу тамъ Твою ученики узрѣли,
Дабы, когда Тебя увидятъ на Крестѣ,
Страданье вольное Твое уразумѣли,
И проповѣдали вселенной до конца,
Что Ты — Сіяніе Отца. *(Филаретъ, М. Моск.)*.

9. Чертогъ Твой вижу, Спасе мой!

Чертогъ Твой вижу, Спасе мой!
Онъ блещетъ славою Твоею;
Но я войти въ него не смѣю,
Но я одежды не имѣю,
Дабы предстать мнѣ предъ Тобой.

О, Свѣтодавче, просвѣти
Ты рубище души убогой;
Я нищимъ шелъ земной дорогой;
Любовью и щедротой многой
Меня къ слугамъ Своимъ причти!
(Кн. Вяземскій)

10. Убѣжище.

Пока пройдетъ нечестія мечта,
И вредныя разсѣются внушенья,
Зароемся въ ученіе Христа
И отсидимся въ крѣпости терпѣнья!
(Ѳ. Глинка).

11. Жизни дорога.

Чудное дѣло жизни дорога!
Пропасть да бездна: трудно безъ Бога!
Радостей свѣтскихъ ложны объятья!...
Ложны, невѣрны всѣ предпріятья...
Кинемся къ людямъ—люди въ тревогѣ.
Гдѣ-же покоя добудемъ мы?.. Въ Богѣ!
Есть у насъ книга съ Божіимъ Словомъ.
Если сгрустнется въ мірѣ суровомъ,
Къ ней обратися: книга святая—
Къ радостямъ рая дверь золотая!... *(Ѳ. Глинка).*

12. Цѣль жизни.

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Умъ молчитъ, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана!

Познавать Бога въ твореньи,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить—
Вотъ въ чемъ жизни назначенье,
Вотъ что значитъ въ Богѣ жить!
(Митр. Филаретъ).

13. Отчего?

Отчего мы часто стонемъ
Отъ земныхъ работъ,
И порою словно тонемъ
Въ омутѣ заботъ?

Оттого, что голосъ тайный
Часто шепчетъ намъ:
«Быть земной—есть быть случайный,
«Домъ родимый—тамъ!..

«Тамъ и слуха нѣтъ о горѣ,
«Нѣтъ земныхъ заботъ:
«Есть и море—только море
«Тихихъ счастья водъ!..

«Выше звѣздъ необозримый
«Небосклонъ лежитъ;
«Тамъ для насъ непостижимый
«Нашъ Отецъ царитъ...

«Въ тѣ надзвѣздныя святыни,
«Въ тотъ кипучій свѣтъ,
«Нѣтъ полета для гордыни,
«Для порока нѣтъ!...»
(Ѳ. Н. Глинка).

14. Спасеніе Россіи ходатайствомъ Богоматери.

Въ 1395 году грозная туча собралась надъ Россіею. Тамерланъ, побѣдитель востока, побѣдитель Тохтамыша, шелъ на Россію. Всѣ храмы московскіе были отверсты съ утра до глубокой ночи; народъ постился и со слезами молился объ отвращеніи гнѣва Божія. Великій князь Василій просилъ митрополита, чтобы

принесена была икона Богоматери, съ которою боголюбивый князь побѣдилъ болгаръ. Необозримыя толпы народа со слезами и на колѣнахъ встрѣчали Богоматерь; слышенъ былъ одинъ голосъ всѣхъ: Матерь Божія! спаси землю русскую! И Матерь христіанъ спасла Россію. Въ тотъ самый день и часъ, когда жители Москвы встрѣтили икону чудотворную на Кучковомъ полѣ,—Тамерланъ, испуганный видѣніемъ жены свѣтоносной, поспѣшно вышелъ изъ Россіи. Такъ Тамерланъ, не причинивъ вреда Россіи, успѣлъ только въ томъ, что, къ счастію Россіи, сокрушилъ орду Кипчакскую. «Намъ, князь,—писалъ современникъ пр. Кириллъ,—намъ, которые видѣли преславныя и великія чудеса Пречистой Госпожи Богородицы, остается душою и сердцемъ радоваться, со страхомъ помышлять о томъ, какъ въ послѣдній сей родъ сподобилъ насъ Богъ Пречистою Своею Матерію такъ чудесно избавить христіанскій родъ отъ нашествія иноплеменныхъ враговъ».

(Ист. рус. церкви, Филарета Гумилевскаго, пер. 2, стр. 26).

15. Небесная Гостья.

I. Однажды, въ глубокую ночь, преподобный Сергій совершалъ свое келейное правило и передъ иконою Богоматери пѣлъ акаѳистъ, что́ онъ дѣлалъ, по своему обычаю, ежедневно. Часто взиралъ онъ на святую икону и усердно молилъ Матерь Божію о своей обители. «Пречистая Мати Христа моего», взывалъ святой старецъ, «ходатаица, заступница и крѣпкая помощница рода человѣческаго! Буди и намъ недостойнымъ ходатаицей,—присно моли Сына Твоего и Бога нашего, да призритъ Онъ милостиво на святое мѣсто сіе, посвященное въ похвалу и честь Его святого имени на вѣки! Тебя, Матерь сладчайшаго моего Христа Іисуса, призываемъ на помощь рабы Твои, ибо Ты имѣешь великое дерзновеніе у Сына Твоего и Бога! Будь же всѣмъ спасительное упокоеніе и пристанище!»

Такъ молился преподобный; его чистое сердце горѣло благодатнымъ пламенемъ, его смиренный умъ весь погруженъ былъ въ молитву, и онъ, какъ дитя, въ простотѣ души бесѣдовалъ съ Пречистой Матерію всѣхъ, возлюбившихъ чистымъ сердцемъ Ея Божественнаго Сына.

II. Окончивъ молитву, онъ сѣлъ для отдохновенія; но вдругъ его святая душа ощутила приближеніе небеснаго явленія, и онъ сказалъ своему келейному ученику, преподобному Михею: «бодрствуй, чадо: мы будемъ въ сей часъ имѣть чудесное посѣщеніе».

Едва сказалъ онъ это, какъ послышался голосъ: «се, Пречистая грядетъ!»...

Тогда старецъ всталъ и поспѣшно вышелъ въ сѣни: здѣсь осіялъ его свѣтъ паче солнечнаго, и онъ узрѣлъ Преблагословенную Дѣву, сопровождаемую апостолами Петромъ первоверховнымъ и Іоанномъ дѣвственникомъ—Богословомъ.. Не въ силахъ будучи вынести этого чуднаго сіянія и неизреченной славы Матери Свѣта, преподобный Сергій палъ ницъ; но благая Матерь прикоснулась къ нему рукою и ободрила его словами благодати: «не бойся, избранниче Мой», изрекла Она, «Я пришла посѣтить тебя; услышана молитва твоя объ ученикахъ твоихъ; не скорби больше и объ обители твоей: отнынѣ она будетъ имѣть изобиліе во всемъ, и не только при жизни твоей, но и по отшествіи твоемъ къ Богу Я не отступна буду отъ мѣста сего, и всегда буду покрывать его»... Сказала такъ и—стала невидима...

III. Вострепеталъ старецъ отъ страха и радости; нѣсколько минутъ былъ какъ бы въ восторженномъ состояніи, а когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что ученикъ его Михей лежитъ на полу, какъ бы умершій: великій наставникъ могъ видѣть Царицу Небесную и слышалъ голосъ Ея; а ученикъ, пораженный ужасомъ, не въ состояніи былъ видѣть все и видѣлъ только свѣтъ небесный...

— «Встань, чадо мое», кротко сказалъ старецъ. Михей пришелъ въ чувство, поднялся, но тутъ же упалъ къ ногамъ пр. Сергія. «Скажи, отче, Господа ради», говорилъ онъ: «что это за чудное видѣніе? Душа моя едва не раздѣлилась отъ тѣла»...

Но Сергій и самъ еще не могъ говорить отъ душевнаго волненія, только лицо его цвѣло небесною радостію. «Подожди, чадо», сказалъ онъ ученику: «и моя душа трепещетъ отъ этого видѣнія».

Когда наконецъ старецъ нѣсколько успокоился, то послалъ Михея пригласить двоихъ благоговѣйныхъ мужей изъ братіи—Исаакія молчальника и Симона экклесіарха. Тѣ поспѣшили на зовъ своего старца-игумена, и онъ разсказалъ имъ все, что сейчасъ было у него въ келліи. И всѣ вмѣстѣ совершили они молебное пѣніе Богоматери, а пр. Сергій всю ночь провелъ безъ сна, внимая умомъ Божественному видѣнію, которое было вѣнцомъ его подвиговъ еще здѣсь, на землѣ. «Не гаданіемъ, не въ сонномъ видѣніи, а на яву видѣлъ онъ Матерь Божію, какъ видѣлъ Ее нѣкогда преподобный Аѳанасій Аѳонскій», замѣчаетъ при семъ лѣтописецъ.

IV. По древнему преданію, записанному въ Никоновой лѣтописи, это небесное посѣщеніе было въ постъ Рождества Христова, въ ночь съ пятницы на субботу и, какъ думаютъ, въ 1384 году...

Въ благодарное воспоминаніе сего чуднаго посѣщенія, въ обители пр. Сергія установлено каждую пятницу, съ вечера, совершать всенощное бдѣніе, съ акаѳистомъ Богоматери, въ юго-западномъ притворѣ Троицкаго собора, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, стояла келлія пр. Сергія, и гдѣ красуется теперь величественная икона, изображающая это чудное пришествіе небесной Гостьи. А каждую субботу послѣ ранней литургіи въ церкви пр. Никона, въ томъ же притворѣ, совершается молебное пѣніе во славу Богоматери, при чемъ поется нарочито составленный, по образу пасхальнаго, канонъ въ воспоминаніе сего посѣщенія (попремѣнно съ двумя другими канонами).

(*Изъ кн. «Житіе и подвиги препод. Сергія Радон.» Іер. Никона*).

16. Ангелъ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ.
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой.

—

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

—

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ.
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

—

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

(*М. Лермонтовъ*).

17. Чудесная книга.

За дальней Сибирью, по сосѣдству съ Китаемъ, на берегу Тихаго океана, лежитъ страна Японія, языческой вѣры; но теперь въ ней довольно сильно распространяется и Евангельское ученіе, и есть уже не мало православныхъ христіанъ, имѣющихъ даже нѣсколько своихъ священниковъ изъ японцевъ. Разсказываютъ слѣдующую любопытную исторію, какъ началось тамъ христіанство.

Одинъ знатный японецъ изъ города Іеддо (столица Японіи)

разъ вышелъ погулять на берегъ морского залива. Незадолго передъ тѣмъ изъ гавани отплыли англійскіе и американскіе корабли. На мѣстѣ стоянки ихъ вельможа увидѣлъ плавающимъ какой-то предметъ и приказалъ своему провожатому достать его изъ воды. Это была книга. Взявши ее въ руки, японецъ увидѣлъ, что книга эта напечатана на иностранномъ языкѣ и читать ее онъ не можетъ. Отъ голландскихъ купцовъ узналъ онъ, что это Новый Завѣтъ на англійскомъ языкѣ и что множество людей вѣрятъ въ него, какъ въ слово Божіе. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ японецъ узналъ, что книга эта переведена на китайскій языкъ, который онъ понималъ, и можетъ быть куплена въ китайскомъ городѣ Шанхаѣ. Онъ написалъ туда, и книгу выслали. Тогда въ обществѣ пяти — шести друзей сталъ онъ время отъ времени ее почитывать и знакомиться, что̀ въ этой святой книгѣ заключается. Въ душу читавшихъ палъ духовный свѣтъ. Слово Христово такъ тронуло вельможу, какъ не трогало до того времени никакое другое писаніе. Самъ онъ говорилъ о своемъ чтеніи такъ: «Никогда прежде не видалъ я такой личности (какъ Христосъ) и не слыхалъ ничего подобнаго; не читывалъ ничего въ этомъ родѣ и не мечталъ о подобныхъ вещахъ; никогда не представлялъ себѣ возможности подобныхъ рѣчей и дѣлъ». Чтеніе Евангелія продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ услыхавши, что въ ближній городъ Нангасаки пріѣхалъ одинъ христіанскій миссіонеръ (проповѣдникъ Христовой вѣры), японецъ пригласилъ его къ себѣ, бесѣдовалъ съ нимъ и на всѣ свои вопросы получилъ удовлетворительные отвѣты. Такимъ образомъ знаменитый японскій сановникъ и двое изъ его друзей безъ всякаго посторонняго вліянія увѣровали въ Того, о Комъ говоритъ Писаніе. Когда они обратились къ миссіонеру съ просьбой о крещеніи, онъ нашелъ ихъ къ принятію крещенія совершенно подготовленными. Это были первые японцы, увѣровавшіе во Христа.

18. Сельскій священникъ.

У церкви сельской, за оградой,
Въ уютномъ домикѣ своемъ,
Въ кругу семьи, предъ тихимъ
сномъ,
Дыша вечернею прохладой,
Священникъ у окна сидѣлъ;
Онъ въ думѣ набожной смотрѣлъ,

Какъ на закатѣ, догорая,
Багряный блескъ смѣнялся тьмой:
Такъ ясно жизнь его святая
Клонилась къ сѣни гробовой.

(Козловъ).

19. Сельская церковь.

Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
Посреди безконечныхъ луговъ,
За селомъ, на горѣ невысокой,
Вся бѣла, вся видна при лунѣ,
Церковь старая чудится мнѣ;
И на бѣлой церковной стѣнѣ
Отражается крестъ одинокій.
Да! я вижу тебя, Божій домъ!
Вижу надписи вдоль по карнизу [1]),
И апостола Павла съ крестомъ,
Облаченнаго въ свѣтлую ризу.
Поднимается сторожъ—старикъ
На свою колокольню—руину [2]);
На тѣни онъ громадно великъ:
Пополамъ пересѣкъ всю равнину.
Поднимись—и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гудѣнье!
Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
Этихъ звуковъ властительно пѣнье:
Если есть въ околоткѣ больной,
Онъ при нихъ встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудетъ на мигъ свои муки;
Одинокій ли путникъ ночной
Ихъ заслышитъ — бодрѣе шагаетъ;
Ихъ заботливый пахарь считаетъ
И, крестомъ осѣнясь въ полуснѣ,
Проситъ Бога о ведреномъ днѣ...

(Некрасовъ).

20. Свѣча предъ иконой.

Дорогъ мнѣ предъ иконой,
Въ свѣтлой ризѣ золотой,
Этотъ ярый воскъ, возженный
Чьей, невѣдомо, рукой.
Знаю я—свѣча пылаетъ,
Клиръ торжественно поетъ,—
Чье-то горе утихаетъ,
Кто-то слезы тихо льетъ.
Свѣтлый ангелъ упованья
Пролетаетъ надъ толпой...
Этихъ свѣчъ знаменованье
Чую трепетной душой:
Это мѣдный грошъ вдовицы,
Это—лепта бѣдняка,
Это... можетъ быть... убійцы
Покаянная тоска...
Это—свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши,
Память слезъ и утѣшенья
Въ вѣчность глянувшей души.

(Майковъ).

21. Всенощная въ деревнѣ.

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный,
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной—
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій
Въ поляхъ разносится.

1) Карнизъ—стѣнное украшеніе подъ потолкомъ.
2) Руина—старое, развалившееся зданіе.

Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
Есть церковь новая.
Воздвигла Божій храмъ
Сума торговая—
И службы Божія
Богато справлены:
Иконъ подножія
Свѣчьми уставлены.
И старъ, и младъ войдетъ—
Сперва помолится,
Поклонъ земной кладетъ,
Кругомъ поклонится.
И стройно клирное
Несется пѣніе
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано...
А въ церкви дымъ висѣлъ
Густой отъ ладона.
И заходящими
Лучами сильными,
И вкось блестящими
Столбами пыльными
Отъ солнца Божій храмъ
Горитъ и свѣтится.

(И. Аксаковъ).

22. Св. Апостолъ Андрей Первозванный.

I. Апостолъ Андрей называется «Первозваннымъ» потому, что онъ первый послѣдовалъ за Спасителемъ, слушая Его проповѣдь къ народу. Онъ и братъ его Петръ родились въ Виѳсаидѣ и занимались рыболовствомъ. Спаситель, увидя ихъ за этимъ занятіемъ, сказалъ: «подите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ.»

II. Послѣ вознесенія Господня и сошествія Святаго Духа, апостолы разошлись учить народы слову Божію. Апостолъ Андрей проповѣдывалъ въ Греціи, въ Малой Азіи, на берегахъ Чернаго моря и дошелъ до страны Скиѳовъ. Эта страна, въ то время дикая и неизвѣстная, находилась на югѣ теперешней Россіи; о ней тогда мало знали. Наставляя этихъ дикарей, св. Андрей съ терпѣніемъ переносилъ гоненія отъ язычниковъ и варваровъ за свое ученіе и своей кротостью все-таки находилъ послѣдователей Христу. Онъ доходилъ до того мѣста, гдѣ построенъ былъ впослѣдствіи Кіевъ, и водрузилъ крестъ на одномъ изъ холмовъ его, сказавъ при этомъ: «здѣсь возсіяетъ благодать Божія».

III. Былъ онъ и въ Византіи и ужъ въ преклонныхъ лѣтахъ дошелъ до города Патръ, гдѣ его ожидала мученическая смерть. Слушая его святое ученіе, многіе жители, въ томъ числѣ и жена самого правителя Егеата и братъ его философъ [1]) Стратоклей, оставили идоловъ и обратились къ истинному Богу. Самъ прави-

[1]) Философъ—любитель мудрости.

тель города въ это время былъ въ Римѣ, гдѣ царствовалъ тогда жестокій императоръ Неронъ.

IV. Возвратившись домой, Егеатъ узналъ, что христіанство сильно распространяется по городу и проникло даже въ его семейство. Полный гнѣва, онъ сталъ принуждать св. Андрея принести жертвы языческимъ богамъ. Но тотъ открыто и смѣло сталъ проповѣдывать ему ученіе Христа и уговаривалъ самого Егеата тоже увѣровать въ Спасителя.

Егеатъ началъ хулить Господа и ученіе.

«— За это ложное ученье, говорилъ онъ, Іудеи распяли Учителя Твоего Іисуса».

— О если бы ты захотѣлъ понять тайну креста! воскликнулъ Андрей.—Не неволею, а добровольно пострадалъ на немъ Спаситель нашъ, чтобы искупить людей своихъ.

— Удивляюсь, сказалъ Егеатъ,—какъ ты можешь вѣровать въ человѣка, который какимъ-бы то ни было образомъ, волею или неволею, былъ пригвожденъ ко кресту?

Смерть крестная у Римлянъ считалась самою позорною казнію, на нее осуждали самыхъ злѣйшихъ преступниковъ.

V. Андрей сталъ славить Господа и объявилъ Егеату, что съ радостью приметъ крестную смерть за имя Господне, и началъ объяснять тайну искупленія рода человѣческаго черезъ крестную смерть Іисуса Христа. Егеатъ велѣлъ Андрея посадить въ темницу. Въ молитвѣ и въ бесѣдахъ съ вѣрующими провелъ Андрей всю ночь.

VI. На другое утро Егеатъ сталъ снова убѣждать св. Андрея отречься отъ Господа. Но, когда тотъ отказался, онъ велѣлъ его жестоко бить и началъ опять грозить ему крестною смертью.

— Я болѣе скорблю о твоей гибели, сказать на это св. Андрей, нежели о своихъ страданіяхъ, потому что мои страданія продолжатся день, два, а твои—будутъ безъ конца.

VII. Егеатъ, чтобы продлить страданія святого, велѣлъ не пригвоздить, а привязать его ко кресту. Когда вели святого на казнь, народъ толпился вокругъ него и спрашивалъ: чѣмъ согрѣшилъ этотъ праведникъ? Но Андрей своими внушеніями усмирилъ народъ, начинавшій сильно волноваться. Андрея привязали къ кресту и высоко подняли. Мучительно было висѣть святому, не имѣя ни малѣйшій опоры. Но и въ этихъ страшныхъ мученіяхъ онъ съ креста продолжалъ поучать народъ.

VIII. Дни и ночи проходили такимъ образомъ. Св. старецъ не переставалъ бесѣдовать съ народомъ; но продолжительное его мученіе

усиливало ропотъ и неудовольствіе въ окружающихъ. Наконецъ, народъ съ крикомъ окружилъ домъ Егеата, требуя снять св. страдальца со креста. Егеатъ, устрашась волненія, самъ пошелъ на мѣсто казни, чтобы при немъ сняли св. Андрея со креста.

IX. Когда слуги Егеата начали отвязывать святого страдальца отъ креста, апостолъ Андрей поднялъ глаза къ небу и воскликнулъ: —не допусти, Господи, снять меня съ креста и не лиши меня подобія Твоей смерти. Не дай поколебаться тѣмъ, кто возлюбилъ Тебя черезъ мое ученіе... Прими меня съ миромъ». Сказавъ это, апостолъ умеръ, а лице его просіяло небеснымъ свѣтомъ.

(Изъ Ч. М.).

23. Святый Поликарпъ, Епископъ Смирнскій.

I. Какъ яркое свѣтило, сіялъ своею мудростію и святостію жизни св. Поликарпъ въ малоазіатскомъ городѣ Смирнѣ. Число вѣрующихъ все больше и больше возрастало, увеличиваясь новыми христіанами изъ іудеевъ и язычниковъ. Это-то и было причиною, что закоренѣлые въ своихъ предразсудкахъ іудейскіе и языческіе старшины, изъ боязни, чтобы ихъ вѣра не исчезла окончательно, обратили свои взоры на св. Поликарпа и задумали погубить его. Чтобы легче достигнуть своей цѣли, они стали распускать разные ложные и нелѣпые толки о христіанахъ, которымъ вѣрили темные язычники и разносили ихъ по всей странѣ.

II. Такъ, язычникамъ удалось подслушать разговоры христіанъ о томъ, что они въ своихъ богослужебныхъ собраніяхъ ѣдятъ Тѣло и пьютъ Кровь Господню. Не понимая значенія и сущности величайшаго таинства христіанскаго, установленнаго Самимъ Спасителемъ, преподавшимъ Своимъ ученикамъ подъ видомъ хлѣба и вина Свое Пречистое Тѣло и Кровь, язычники распространили по всей странѣ молву, будто христіане на своихъ собраніяхъ ѣдятъ тѣло и пьютъ кровь убиваемыхъ ими язычниковъ. Это нѣсколько похоже на то, какъ нѣкоторые суевѣрные христіане и въ наше время распускали слухъ, яко бы евреи употребляютъ въ пищу кровь христіанскихъ дѣтей. Очевидно, это — грѣшная и безумная клевета, какою была и клевета на первыхъ христіанъ, будто тѣ ѣдятъ тѣло и пьютъ кровь человѣческую. Но въ тѣ времена правду трудно было найти. Пущенная въ ходъ противъ христіанъ клевета быстро распространялась по городамъ и селамъ, и всюду ей вѣрили. Народъ яростно озлобился на христіанъ; каждый язычникъ считалъ своею священною обязанностью доносить на христіанъ и убивать этихъ кровопійцъ, питающихся тѣ-

ломъ человѣческимъ! Тяжкія времена настали для невинныхъ христіанъ. Станетъ, бывало, какой-нибудь озлобленный язычникъ выдумывать и разсказывать разныя небылицы о христіанахъ, и вокругъ него собирается толпа разъяреннаго народа. Попадается вблизи домъ христіанскій, язычники нападутъ на него, грабятъ и, ломаютъ все; всякаго христіанина, попавшагося въ ихъ руки, подвергаютъ страшнымъ мукамъ и истязаніямъ и затѣмъ безжалостно убиваютъ. Хуже всего приходилось, когда язычники схватывали христіанъ на ихъ молитвенныхъ собраніяхъ. Къ нимъ туда врывалися съ оружіемъ въ рукахъ, рубили мечами, убивали дубинами. Суда и защиты негдѣ было искать христіанамъ. Все начальство—и гражданское, и военное—составляли язычники, жестокіе гонители Христовой вѣры, которую они считали вредною и гибельною съ ея высокими правилами о любви къ ближнему и свободѣ человѣческой!

III. Въ 167 году въ городѣ Смирнѣ іудеи сговорились съ язычниками перебить всѣхъ христіанъ. Собрались толпы народа, и несчастныхъ христіанъ ловили и немилосердно мучили. «Гдѣ Поликарпъ»? кричала толпа; «гдѣ оскорбитель нашихъ боговъ»? разнесся по улицамъ крикъ. Скоро узнали, что св. мужъ находится недалеко, въ загородномъ домѣ, съ своими друзьями на молитвѣ. Разъяренные язычники тотчасъ окружили домъ. Хозяинъ дома вмѣстѣ съ Поликарпомъ вышли къ толпѣ и велѣли угостить ее разными кушаньями и напитками. Пока жадные язычники ѣли и пили, св. Поликарпъ молитвою готовился къ предстоящей смерти. Потомъ схватили его и съ безчестьемъ, поруганіемъ и побоями повели къ правителю города. Начальникъ, взглянулъ на святое лицо мученика, почувствовалъ къ нему уваженіе, старался избавить отъ лютой смерти и ласково говорилъ ему: «ты видишь, старикъ, противъ тебя озлобленъ народъ; смерть твоя неизбѣжна, если ты не отречешься отъ Христа и не поклонишься нашимъ богамъ». Спокойно и безъ страха св. Поликарпъ отвѣтилъ на это: «Восемьдесятъ шесть лѣтъ служу я Христу, и Онъ ничѣмъ не оскорбилъ меня. Какъ я могу хулить и оскорблять Царя моего, Который спасъ меня»? — «Да, я вижу, сказалъ правитель, что тебѣ хочется умереть. Но ты подумай только, какая страшная смерть предстоитъ тебѣ; ты погибнешь отъ когтей и зубовъ лютыхъ звѣрей». — «Прикажи выпустить ихъ на меня: не боюсь я ихъ», безстрашно молвилъ св. старецъ. — «Я прикажу тебя сжечь огнемъ», грозилъ начальникъ.

— И огонь твой мнѣ не страшенъ: онъ погоритъ немного и потухнетъ.

Такой разговоръ продолжался въ судѣ больше часу, и народъ, наполнявшій дворъ суда, соскучился и сталъ волноваться. Вдругъ раздался неистовый крикъ: «сжечь на кострѣ противника нашихъ боговъ! Несите дрова и солому! Смерть ему!»... И правитель утвердилъ этотъ смертный приговоръ. Бѣшеная толпа опять схватила мученика, опять стала издѣваться надъ нимъ и, наконецъ, взвела на костеръ и зажгла его. Съ радостной улыбкой и свѣтлымъ взоромъ смотрѣлъ святой старецъ на приготовленный для него костеръ. Потомъ возвелъ очи къ небу, помолился, возблагодарилъ Господа, сподобившаго его мученической смерти, и мужественно вступилъ въ огонь среди неистовыхъ криковъ восторга язычниковъ и тихихъ слезъ христіанъ, съ болью въ сердцѣ наблюдавшихъ смерть своего великаго пастыря и учителя.

Любящіе и благодарные ученики собрали и сохранили пепелъ своего сожженнаго учителя.

Такъ окончилъ жизнь свою одинъ изъ величайшихъ подвижниковъ Христовой церкви, ученикъ св. Іоанна Богослова. Сожгли его тѣло, но не могли сжечь безсмертнаго духа, веселящагося нынѣ въ райскихъ обителяхъ Отца Небеснаго.

(Прот. Наумовичъ).

24. Святые седмь отроковъ Ефесскихъ.

I. Въ царствованіе римскаго императора Декія, жестокаго гонителя христіанъ, изъ числа многихъ исповѣдниковъ вѣры Христовой, не хотѣвшихъ поклоняться идоламъ, открыто объявили себя христіанами седмь отроковъ, изъ лучшихъ фамилій Ефесскихъ гражданъ. Имъ данъ былъ срокъ обдумать, что имъ лучше избрать: свободу ли и всѣ возможныя почести, если они признаютъ языческихъ боговъ, или мучительную смерть за имя и званіе христіанъ. Благочестивые отроки, отъ младенчества воспитанные въ христіанскомъ благочестіи, единодушно рѣшились пострадать за вѣру Христову. Они данное имъ время употребили на дѣла благотворенія бѣднымъ и затѣмъ, чтобы въ безмолвіи лучше укрѣпиться на подвигъ мученичества, они удалились за городъ въ одну пещеру и тамъ пребывали въ прилежной уединенной молитвѣ.

II. Когда узнали объ удаленіи ихъ въ пещеру и ихъ твердой рѣшимости остаться христіанами, царь велѣлъ заживо схоронить ихъ въ пещерѣ, заваливъ входъ въ нее камнями. Но Господь, восхотѣвъ явить славу имени Своего, опредѣлилъ, чтобы эти св. отроки на много лѣтъ уснули и потомъ силою Божіею пробудились отъ своего чуднаго сна, засвидѣтельствовавъ тѣмъ истину и

нашего воскресенія изъ мертвыхъ. Это случилось слѣдующимъ образомъ. Чрезъ двѣсти слишкомъ лѣтъ, когда владѣтелю мѣста, гдѣ была пещера, понадобились камни и онъ отобравши ихъ, открылъ входъ въ пещеру, тогда св. мученики, въ нетлѣніи тѣлесъ своихъ почивавшіе въ этой пещерѣ, силою Господа І. Христа воскресли и, какъ бы пробудившись отъ сна, воздали обычную утреннюю хвалу Богу. Потомъ одинъ изъ нихъ, по имени Ямвлихъ, вышедши изъ пещеры, отправился въ городъ, чтобы купить себѣ пищи.

III. Въ это время вѣра христіанская уже распространилась въ Бимской имперіи, и потому воскресшій отрокъ, представлявшій городъ Ефесъ исполненнымъ идольскихъ капищъ, какимъ онъ былъ въ царствованіе Декія, изумился, увидавъ на всѣхъ вратахъ города знаменіе креста Христова и услышавъ повсюду произносимое безъ страха имя І. Христа. Сначала изумленный отрокъ подумалъ, что онъ заблудился и вошелъ въ другой городъ, но ему сказали, что этотъ городъ дѣйствительно Ефесъ, гдѣ онъ родился и гдѣ онъ уже не находилъ ни извѣстныхъ ему зданій, ни встрѣчалъ знакомыхъ ему лицъ. Потомъ когда Ямвлихъ за купленный хлѣбъ сталъ давать серебряную монету, имѣвшую надпись и изображеніе одного изъ древнѣйшихъ царей, то торговецъ, подумавъ, что отрокъ нашелъ древнее сокровище, задержалъ его и представилъ начальнику города, которому онъ и разсказалъ все случившееся съ нимъ и его шестью товарищами. Начальникъ города и епископъ отправились къ пещерѣ и дѣйствительно нашли въ ней отроковъ, чрезъ которыхъ явлено было людямъ столь дивное успеніе и возстаніе. Всѣ прославляли Бога, дивнаго во святыхъ своихъ, и утвердились такимъ образомъ въ истинѣ воскресенія мертвыхъ. Когда святые седмь отроковъ вскорѣ послѣ того снова уснули сномъ смерти до будущаго всеобщаго воскресенія, то въ честь и память ихъ устроили торжество, и св. церковь, сопричисливъ ихъ къ лику св. мучениковъ, воспоминаніемъ ихъ дивнаго успенія и возстанія возбуждаетъ и въ насъ спасительную мысль о нашемъ воскресеніи изъ мертвыхъ въ день всеобщаго суда.—*(Изъ Ч. М)*.

25. Св. великомученикъ Георгій.

Св. великомученикъ Георгій происходилъ изъ Каппадокіи отъ христіанъ и получилъ хорошее воспитаніе. Поступивъ въ воинскую службу, онъ обратилъ на себя вниманіе императора своею мужественною красотою и скоро сдѣлался военачальникомъ. По своему званію, онъ участвовалъ въ государственныхъ совѣщаніяхъ.

Увидѣвъ, что дѣйствія правительства направляются противъ христіанъ, онъ рѣшился исповѣдать и защищать свою вѣру. Распорядившись своимъ имуществомъ, онъ явился въ совѣтъ императора, гдѣ въ тотъ день должна была рѣшиться участь христіанъ, и мужественно защищалъ ихъ. Георгія сперва заковали въ колоды и на грудь его навалили камень; потомъ привязали къ колесу, обращавшемуся надъ желѣзными гвоздями, и ими терзали его тѣло; полагали его въ негашеную известь; далѣе его обули въ сапоги съ острыми гвоздями и били воловьими жилами до тѣхъ поръ, пока тѣло его съ кровію какъ-бы прикипѣло къ землѣ. Но послѣ всякой казни тѣло св. великомученика, вслѣдствіе молитвы къ Господу, мгновенно исцѣлялось. Императоръ Діоклитіанъ, приписывая эти чудеса волшебству, приказалъ знаменитому тогда волшебнику Аѳанасію приготовить отраву для св. Георгія, но и отрава не произвела на него своего дѣйствія. Изумленный волшебникъ торжественно исповѣдалъ Іисуса Христа и былъ обезглавленъ, по приказанію императора. Тогда Діоклитіанъ льстивыми обѣщаніями сталъ склонять Георгія къ отреченію отъ христіанства. Георгій изъявилъ желаніе итти въ храмъ Аполлона. Императоръ и Георгій, сопровождаемые дворомъ и народомъ, входятъ въ храмъ; всѣ ожидаютъ, что св. мученикъ принесетъ жертву богамъ. Но св. Георгій сотворилъ крестное знаменіе—и идолы съ шумомъ упали на землю. Тогда императоръ, по требованію жрецовъ, приказалъ отсѣчь исповѣднику голову. Чудесныя страданія св. Георгія обратили ко Христу супругу Діоклитіанову Александру и множество другихъ язычниковъ. Царица Александра также сдѣлалась мученицею за Христа. *(Ч. М).*

26. Правдивость христіанина.

Блаженный Августинъ повѣствуетъ о св. Фирмѣ, епископѣ Тагасты въ Африкѣ, слѣдующее. Одинъ изъ языческихъ князей въ Африкѣ преслѣдовалъ и искалъ убить невиннаго друга св. Фирма. Гонимый, не находя нигдѣ убѣжища, довѣрился дружбѣ и состраданію епископа и былъ имъ скрытъ; но сыщики княжескіе открыли его убѣжище и съ угрозами требовали у св. Фирма указать мѣсто, гдѣ скрылся другъ его. «Я не могу вамъ ничего сказать, отвѣчалъ онъ, потому что не могу ни солгать, ни открыть убѣжища того, кого вы ищете». Его подвергли мучительной пыткѣ и грозили даже смертію. «Я сумѣю перенесть и мученія, сумѣю и умереть, отвѣчалъ доблестный пастырь, но ничего не выскажу вамъ теперь, когда мнѣ предстоитъ измѣнить

или истинѣ, или любви христіанской». Изумленный величіемъ души епископа, князь языческій далъ ему обѣщаніе не только не убивать, но и не преслѣдовать его друга.

«Какихъ похвалъ не заслуживаетъ, восклицаетъ блаженный Августинъ, этотъ славный пастырь, возлюбившій истину до того, что и при самой смерти не захотѣлъ осквернить устъ своихъ ложью!» *(В. Ч. XII. 326).*

27. Необыкновенная милостыня.

I. Святый Павлинъ, епископъ Ноланскій, былъ прежде сенаторомъ [1]) римскимъ и имѣлъ большое состояніе, но все расточилъ на дѣла милосердія, потому что необыкновенно былъ милостивъ и сострадателенъ къ бѣднымъ. Когда же впослѣдствіи времени онъ былъ епископомъ въ Ноланѣ, и вандалы, напавши на Италію, захватили въ плѣнъ и отвели въ Африку многихъ изъ принадлежащихъ къ его епархіи [2]), тогда онъ все, что имѣлъ, и что было въ епископіи, роздалъ для выкупа плѣнныхъ и на пропитаніе обнищавшимъ отъ варварскаго нашествія, такъ что у него уже рѣшительно ничего не осталось.

II. Въ это время приходитъ къ нему одна бѣдная вдова и, рыдая, говоритъ ему: «Мой сынъ, единственная опора въ старости моей, взятъ въ плѣнъ вандалами, и, какъ слышно, находится у вандальскаго князя, зятя царскаго; умоляю твою святыню, дай мнѣ что-нибудь на выкупъ его».

III. Растроганный рыданіемъ бѣдной матери до глубины сердца, св. Павлинъ не зналъ, что ему дѣлать. Доселѣ онъ никому не отказывалъ въ милостынѣ и никого не отпускалъ отъ себя безъ утѣшенія. И вдругъ родилась у него необыкновенная мысль, а съ мыслію соединилась и твердая рѣшимость, и онъ сказалъ ей: «Нечего мнѣ дать тебѣ, кромѣ себя самого; итакъ, я отдаю себя въ твою власть; возьми и отдай меня, какъ бы своего раба, за сына своего». Услышавши отъ него такія слова, вдова приняла ихъ какъ бы за насмѣшку; но святитель увѣрилъ ее, что онъ говоритъ ей правду, и уговорилъ ее отдать его за сына.

IV. И вотъ, они отправились къ вандаламъ. Тамъ вдова пала къ ногамъ князя, у котораго находился сынъ ея, и со слезами умоляла отдать ей сына, который только одинъ у ней; но князь и слышать не хотѣлъ о томъ. Когда же она, указавъ ему на

1) Сенаторъ—членъ сената, высшаго правительственнаго мѣста.

2) Епархія—область (губернія), духовная дѣла которой находятся подъ управленіемъ архіерея.

угодника Божія, Павлина, сказала, что она отдастъ его вмѣсто сына; тогда князь, спросивши его, какое знаетъ онъ ремесло, и узнавши отъ него, что онъ искусный садовникъ, согласился принять его вмѣсто юноши.

V. Вдова съ сыномъ возвратились домой; а св. Павлинъ остался работать въ саду князя. Князь часто началъ ходить въ садъ и, разговаривая съ новымъ своимъ садовникомъ, увидалъ въ немъ большой разумъ, и любилъ бесѣдовать съ нимъ.

VI. Въ одинъ день св. Павлинъ открылъ ему, что въ скоромъ времени совершатся важныя для него событія, и совѣтовалъ ему не отлучаться изъ столицы. Князь сообщилъ объ этомъ царю. Царь, подумавши, сказалъ: «Я хотѣлъ бы видѣть этого человѣка». Когда же св. Павлинъ, по приказанію князя, принесъ къ царскому столу зелень и плоды, царь, увидѣвъ его, смутился, и, подозвавъ къ себѣ зятя своего, сказалъ: «Я видѣлъ этого человѣка во снѣ; узнай отъ него, кто онъ такой. Мнѣ кажется, онъ не изъ простыхъ, потому что я видѣлъ его въ какомъ-то великомъ санѣ».—Князь, отведши его въ сторону, спросилъ его, кто онъ?—Человѣкъ Божій отвѣчалъ: «Я рабъ твой, принятый тобою вмѣсто сына вдовы».—«Я не о томъ спрашиваю тебя, кто ты нынѣ, но кто ты былъ въ своей сторонѣ», сказалъ ему князь, и заклиналъ его сказать ему всю правду. Тогда человѣкъ Божій, хотя и съ прискорбіемъ, открылъ ему, что онъ былъ епископомъ.

VII. Услышавъ это, господинъ его испугался и со смиреніемъ сказалъ ему: «Проси у меня, что ты хочешь; я желалъ бы отпустить тебя на твою сторону съ великими дарами». На это угодникъ Божій отвѣчалъ ему: «Одной милости прошу у тебя: отпусти всѣхъ плѣнниковъ изъ страны моей».

VIII. Просьба св. Павлина была исполнена; собраны были всѣ плѣнники изъ паствы его, и переданы ему. И добрый пастырь, напутствованный многими дарами, отправился въ отечество съ словеснымъ стадомъ своимъ, и былъ встрѣченъ съ необыкновеннымъ торжествомъ, радостію и съ безчисленными благословеніями.

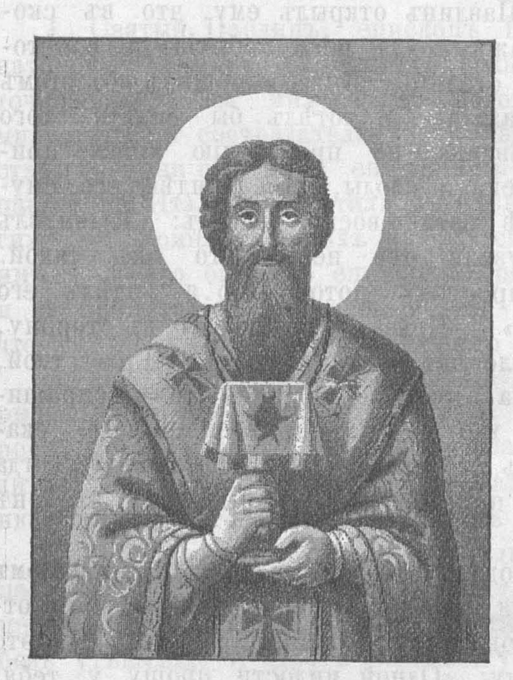
(Ч. М.).

28. Образъ благотворенія.

Смотрите, не творите милостыни вашей предъ людьми съ тѣмъ, чтобы они видѣли васъ: иначе не будетъ вамъ награды отъ Отца вашего небеснаго (Мѳ. VI, 1).

Въ тѣ дни, когда св. Василій Великій со славою правилъ Кесарійскою паствою, жилъ близъ Кесаріи одинъ пресвитеръ име-

немъ Анастасій. Былъ онъ мужъ добродѣтельный, воздержный, кроткій, особенно-же милосердный къ убогимъ и благотворительный. Его жена, Ѳеогнія, была достойною подругою своего добродѣтельнаго супруга; четырнадцать лѣтъ прожили они въ любви и согласіи, не какъ мужъ съ женою, а какъ братъ съ сестрою. Не имѣя дѣтей, они всѣ свои заботы, всю свою любовь отдали бѣднымъ, нищимъ, убогимъ и страннымъ; оттого благодать Божія преизобильно почила на святыхъ супругахъ.

Св. Василій Великій.

Однажды св. Василій Великій сказалъ своему клиру: «дѣти мои, идите со мною, и мы узримъ славу Божію». Сказавъ это, великій святитель, окруженный клиромъ, вышелъ изъ города, не сообщивъ никому, куда онъ хочетъ итти.

Но благочестивый Анастасій силою Святаго Духа увѣдалъ, что св. архипастырь хочетъ посѣтить его домъ, и сказалъ своей женѣ-сестрѣ: «я иду работать на поле; ты-же, сестра моя, убери жилище наше, а въ девятый часъ, взявъ кадильницу и возженную свѣчу, выйди навстрѣчу святаго Василія архіепископа, который идетъ посѣтить насъ, грѣшныхъ». Удивилась благочестивая Ѳеогнія чуднымъ словамъ своего мужа, но безпрекословно исполнила все, приказанное имъ.

Въ девятомъ часу она вышла изъ дому и съ великою честью встрѣтила св. архипастыря. Св. Василій, благословивъ ее, спросилъ: «здрава-ли ты, Ѳеогнія»? Услышавъ свое имя, добродѣтельная жена удивилась и отвѣчала: «здрава, святитель Божій, раба твоя».—«Гдѣ Анастасій, братъ твой»? спросилъ ее снова святитель. «Владыко»,—отвѣчала она,—«онъ мужъ мой, и теперь работаетъ въ полѣ; но я сейчасъ пойду и призову его». «Не трудись», сказалъ св. Василій, «дома братъ твой».

Когда всѣ подошли къ дому пресвитера, ихъ встрѣтилъ самъ

Анастасій. Поклонившись св. архипастырю, онъ облобызалъ его и, введши въ домъ свой, омылъ ноги его. Потомъ всѣ пошли въ церковь, и св. Василій приказалъ Анастасію совершить божественную литургію. Напрасно смиренный пресвитеръ отказывался, предоставляя эту честь высокому гостю, — святитель напомнилъ ему о святости послушанія, и Анастасій приступилъ къ совершенію безкровной Жертвы. И вотъ, когда онъ предстоялъ св. престолу, Духъ Святый сошелъ въ видѣ огненнаго облака, осѣнившаго священнослужителя и весь алтарь, такъ что всѣ присутствующіе ужаснулись.

Пріобщившись св. таинъ, всѣ снова пошли въ домъ пресвитера, гдѣ гостепріимный хозяинъ предложилъ своимъ гостямъ скромный обѣдъ. Во время обѣда Василій Великій обратился къ Анастасію и спросилъ: «Скажи мнѣ, братъ мой, какое у тебя есть имѣніе, и какъ ты живешь? Повѣдай все откровенно».— «Святитель Божій», отвѣчалъ тогда пресвитеръ, «я человѣкъ грѣшный; имѣю я двѣ пары воловъ, и на одной пашу самъ свое поле, а на другой—мой работникъ. Доходы съ одной пары идутъ на наше содержаніе, а съ другой—на милостыню бѣднымъ; въ работахъ помогаетъ мнѣ жена моя»... «Зови ее сестрою,—прервалъ тогда его рѣчь прозорливый святитель,—и повѣдай мнѣ о прочихъ твоихъ добрыхъ дѣяніяхъ». «Владыко святый,—былъ смиренный отвѣтъ Анастасія,—я человѣкъ грѣшный и не знаю за собой никакой добродѣтели».

Тогда св. Василій сказалъ ему: «встань, пойдемъ вмѣстѣ со мною». Они встали изъ-за стола, и святитель, подведши хозяина къ запертой двери въ одну комнату, приказалъ: «отвори ее».— «Святитель Христовъ,—отвѣчалъ Анастасій,—не изволь входить сюда, ибо здѣсь лежитъ мое имѣніе».—«Я для того и пришелъ, чтобы видѣть твое имѣніе», произнесъ св. архипастырь и приказалъ дверямъ открыться. Тотчасъ двери сами собою отверзлись, и святитель, вошедши въ комнату, увидѣлъ здѣсь лежащаго на одрѣ неизлѣчимаго больного, за которымъ тайно отъ всѣхъ ухаживали хозяинъ и его благочестивая супруга. «Зачѣмъ»,—обратился тогда къ Анастасію Великій Василій,—хотѣлъ ты скрыть отъ меня свое богатство?—«Отецъ мой и владыко», оправдывался смущенный пресвитеръ, «прости меня, но этотъ страдалецъ очень раздражителенъ и сварливъ, и я боялся, что онъ оскорбитъ тебя».

Тогда св. архипастырь похвалилъ милосердіе Анастасія и сказалъ: «оставь меня въ этой комнатѣ на сегодняшнюю ночь, ибо

хочу и я раздѣлить съ тобою награду твою». Всѣ вышли и затворили двери, оставивъ святителя одного съ больнымъ.

Страдалецъ отъ лютыхъ мукъ лежалъ, какъ мертвый. Но великій чудотворецъ обратился за помощью къ небесному Врачу душъ и тѣлесъ и всю ночь молился Господу. На утро-же онъ подошелъ къ одру болящаго и произнесъ надъ нимъ молитву. И тотчасъ всталъ разслабленный здравымъ и воскликнулъ: «слава Тебѣ, Боже, творящій волю боящихся Тебя»! Этотъ возгласъ услышалъ Анастасій и его прочіе гости, и когда они подошли къ комнатѣ больного, изъ нея вышелъ великій чудотворецъ Василій, ведя за руку исцѣленнаго, который славилъ Бога и святого Василія, и своего милосердаго хозяина, пресвитера Анастасія. *(Русск. Паломн. № 25-й 1887 г.).*

29. Повиновеніе власти.

Греческій царь Валентъ, держась Аріевой [1]) ереси, осудилъ на изгнаніе за рѣку Истръ Евсевія, епископа Самосатскаго. Чиновникъ, для исполненія этого приговора прибывшій въ Самосаты, не зналъ, какъ приступить къ дѣлу своему; ибо народъ любилъ святителя и готовъ былъ лучше рѣшиться на общій бунтъ, нежели отдать его въ руки неправосудія. Узнавъ это, св. Евсевій, поздно вечеромъ, призываетъ съ себѣ царскаго посланника и, принявъ ласково, говоритъ ему: «молчи и никому не объявляй причины твоего сюда прибытія; въ противномъ случаѣ, народъ взбунтуется и убьетъ тебя; я не хочу быть виновникомъ твоей смерти».

Послѣ того, Евсевій совершилъ вечернее славословіе Богу и, когда настала ночь, открылъ тайну и намѣреніе одному изъ слугъ. Въ началѣ ночи онъ возсталъ съ ложа своего и вышелъ изъ дома архіерейскаго, сопровождаемый вѣрнымъ спутникомъ, который несъ за нимъ возглавіе и книгу—все богатство, которое святитель взялъ съ собою. Достигнувъ рѣки Ефрата, текущей близъ стѣнъ города, онъ отдалъ себя въ руки царскаго чиновника и, сѣвши въ лодку, поплылъ къ городу Зевгмѣ.

Жители Самосатскіе, узнавъ о судьбѣ своего любимаго святителя, пришли въ сильное волненіе, всѣ рыдали, всѣ спрашивали, въ которую сторону св. Евсевій направилъ путь свой, и когда узнали, что цѣлію его путешествія, на первый разъ, есть городъ Зевгма, сѣли въ разныя лодки и съ поспѣшностію устре-

1) Аріане—еретики, нечестиво и ложно учившіе о Сынѣ Божіемъ.

мились за архіереемъ Божіимъ. Они достигли его тамъ, гдѣ надѣялись; ихъ плачъ и рыданіе слышны были издалека.

Какихъ ни истощали тутъ они просьбъ и моленій, чтобъ возвратить къ себѣ пастыря своего и учителя! какихъ ни употребляли убѣжденій! они припадали къ ногамъ его, омочали ихъ своими слезами, увѣряя, что паства его достанется какому-нибудь хищному волку-аріанину; но св. Евсевій на каждое новое убѣжденіе отвѣчалъ только этими словами: *всякая душа властемъ предержащимъ да повинуется; нѣсть бо властъ, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмже противляйся власти, Божію повелѣнію противляется: противляющіеся же себѣ грѣхъ пріемлютъ* [1]). Такъ, дѣти мои, каждый разъ присовокуплялъ онъ: невозможно мнѣ, подданному, противиться царскому повелѣнію; также и вы, какъ подданные, будете несчастны здѣсь и въ будущей жизни, если не будете послушны волѣ царской. Я первый, въ семъ случаѣ, готовъ обвинить васъ».

Народъ, видя непреклонность своего пастыря, представлялъ ему на путь разные дары: иной злато и сребро, иной одежды, иной рабовъ; но святому человѣку, кромѣ книги и самой простой одежды, ничего было не нужно. Единственно въ угожденіе духовныхъ чадъ своихъ, онъ взялъ съ собою нѣсколько маловажныхъ вещей—напомнилъ всѣмъ, чтобы твердо держались догматовъ православной вѣры, помолился о нихъ, благословилъ и отправился въ предлежащій путь. *(Уч. бл. т. II).*

30. Нестяжательность святителя Спиридона.

I. Однажды императоръ Констанцій, сынъ Константина Велика го, будучи боленъ, увидѣлъ во снѣ, что Спиридонъ можетъ исцѣлить его; онъ призвалъ его, и, дѣйствительно, Господь исцѣлилъ царя молитвами святого епископа. Констанцій захотѣлъ богато наградить его и предлагалъ ему много денегъ; но святитель отказался отъ даровъ и говорилъ царю: «что я сдѣлалъ для тебя, то сдѣлалъ я по любви; по любви къ тебѣ я переплылъ море и предпринялъ трудный и дальній путь; а ты за любовь мою хочешь платить деньгами, которыя суть источникъ всякаго зла и вражды». Но царь настаивалъ, и тогда Спиридонъ, принявъ отъ него деньги, тотчасъ же роздалъ ихъ бѣднымъ.

II. Въ другой разъ Спиридонъ, усмотрѣвъ въ ученикѣ своемъ желаніе земного богатства, сказалъ ему: «что ты все думаешь о

---

1) Къ Римл. XIII, 1. 2.

суетномъ, желая земного богатства, селъ и виноградниковъ. Все это не имѣетъ истинной цѣны и обманываетъ человѣка, привлекая его мысли и желанія. Можемъ ли мы думать объ этомъ, когда знаемъ, что у насъ на небесахъ богатство неотъемлемое, домъ нерукотворенный? Того богатства ищи, котораго у тебя никто не отниметъ, которое не перейдетъ отъ тебя къ другому, но будетъ вѣчно принадлежать тебѣ, если ты его однажды пріобрѣтешь». *(Ч. М. Дек.)*.

31. Корень лилии.

Въ сжатой рукѣ одной египетской муміи [1]) нашли однажды старый засохшій корень какого-то растенія. Сколько лѣтъ прошло, какъ онъ былъ погребенъ вмѣстѣ съ муміей, никто не зналъ; одни говорили, что двѣ, а другіе—три тысячи лѣтъ назадъ. Извѣстно только, что сухой найденный корень положили въ сырую землю, и вотъ, черезъ нѣсколько времени, показалось изъ земли свѣжее растеніе, и скоро расцвѣла изъ него прекрасная, душистая лилія.

Образъ лиліи представляетъ сердцу нашему радостное утѣшеніе.

Мертвое тѣло, которое мы, можетъ быть, сегодня положимъ въ могилу, опять воскреснетъ.

Посѣянное тлѣннымъ, безобразнымъ, распадающимся, выростетъ въ нетлѣніи, славѣ и великолѣпіи.

Это можетъ показаться невѣрующему очень удивительнымъ; но и перерожденіе усохшаго корня лиліи въ цвѣтущее состояніе и красоту не менѣе чудесно. Одинъ и тотъ же всемогущій Богъ совершаетъ оба чуда. Чудеса природы, если ихъ вѣрно разсматривать, подтверждаютъ вѣру нашу въ другія еще большія чудеса милости Божіей.

Мертвые опять воскреснутъ. Мы всѣ должны будемъ итти ко Христу, потому что Онъ есть «воскресеніе и животъ»; и такъ какъ Онъ Своею собственною кровью омылъ наши грѣхи, то и будемъ умолять Его, чтобы Онъ приготовилъ насъ къ воскресенію, жизни и славѣ Божіей.

32. Время жатвы есть изображеніе того времени, въ которое наступитъ конецъ свѣта.

Когда въ полѣ хлѣбъ созрѣлъ и пришла пора сжать, вы говорите: «скоро пройдетъ лѣто, наступитъ осень и кончится годъ».

1) Мумія—трупъ человѣка, сохранившійся цѣлымъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Это зависѣло отъ тѣхъ мазей и порошковъ, которыми намазывали и посыпали тѣло покойника.

Какъ въ полѣ, такъ и въ цѣломъ мірѣ есть свой годъ, — годъ великій, безмѣрный, заключающій въ себѣ не сто лѣтъ, не тысячу, не пять тысячъ, а много столѣтій и тысячелѣтій,—столько, сколько угодно будетъ Господу,—и этотъ годъ когда-нибудь кончится, т. е. пройдетъ весна міра, пройдетъ лѣто, міръ своею жизнію и дѣлами склонится къ осени, и тогда ему конецъ. Въ полѣ у васъ все цвѣтетъ, красуется, спѣетъ до жатвы: въ мірѣ живутъ люди, стоятъ деревни, цвѣтутъ города, красуются царства и народы до той страшной годины, когда волею Господнею положится всему предѣлъ и межа. Въ полѣ, видя между пшеницею негодную траву, вы говорите: «не тронь ея, не топчи пшеницы, пускай растетъ, пока поспѣетъ пшеница». Въ мірѣ между людьми добрыми, видя людей злыхъ, Господь говоритъ: «пускай они живутъ до поры, до времени; не стану ихъ наказывать, чтобы вмѣстѣ съ ними не наказать людей добрыхъ».

Наконецъ, въ полѣ, когда хлѣбъ поспѣлъ, пшеница зажелтѣлась, а вмѣстѣ съ нею выросла и трава, вы говорите: «все созрѣло, пора за серпы, пора за жниво», такъ и въ мірѣ: когда добрые поспѣютъ въ добрѣ, праведные и святые, какъ пшеница, вызрѣютъ въ правдѣ и святости, а злые во злѣ, порочные и грѣшные почернѣютъ, какъ куколь, во грѣхахъ и порокахъ: тогда Господь скажетъ: «пора Мнѣ взять мечъ правосудія Моего и пожать нечестивыхъ отъ земли, а праведныхъ собрать, какъ пшеницу, въ житницу Мою, т.-е. въ царство небесное.

Вотъ какимъ образомъ кончина міра похожа на жатву.

(Арх. Григорій).

33. Алый гробикъ.

Передъ царскими вратами
Алый гробикъ: чье дитя,
Подъ увядшими цвѣтами,
Ручки бѣлыя скрестя,
Мирно ждетъ благословенья
На далекій путь?... Лети!
Ты, лети, лети въ селенья
Дѣтскихъ душъ! ты по пути
И моихъ тамъ встрѣтишь: милый,
Вѣрный вѣстникъ, разверни
Свѣтло-ангельскія крылья,
Взвѣйся, мчись, несись, вспорхни
Въ небеса, надъ звѣзднымъ сводомъ,
Въ тонкій, выспренній эфиръ[1]),
Гдѣ, носясь изъ міра въ міръ,
Цѣпью, порознь, хороьодомъ,
Миріады[2]) миріадъ
Дѣтскихъ душъ поютъ, ликуютъ,
Вьются, плаваютъ, парятъ,
Славятъ, хвалятъ, торжествуютъ
Славу въ вышнихъ!.. О! скорѣй,

[1]) Эфиръ—тончайшее вещество (воздухъ), которое, по мнѣнію ученыхъ, наполняетъ собою все небесное пространство.

[2]) Миріада—неисчислимое множество.

Рати ангеловъ небесной
Новобранецъ неизвѣстный,
Улетай!..—моихъ дѣтей
Отыщи тамъ; ихъ тамъ двое:
Заглядѣнье—первенецъ!
Красоты такой Творецъ
Не создастъ ужъ! а второе,
Миловидное, живое,
Прелесть, чудо, не дитя!
Какъ любилъ ихъ страстно я!
Полетай же, ангелъ новый!
Сбрось же тлѣнія покровы
И въ нетлѣнье облекись!...
Ты узнаешь ихъ, мой милый!
Познакомься, подружись
Съ ними, вѣстникъ легко-крылый!
Дай имъ вѣсточку о насъ:
Ты скажи имъ, что, смирясь
Передъ Промысломъ, молитвой
Услаждаемъ мы печаль!
Мы не ропщемъ; но намъ жаль,
Такъ ихъ жаль, такъ сердцу трудно,
Знаетъ это только Богъ!..
Отнеси гостинецъ скудный
Имъ на память: скорби вздохъ
И слезу любви!... родныя
Улыбнутся намъ, въ залогъ,
Что, по ихъ молитвамъ, Богъ
Съединитъ насъ...
...Литургія
Совершилась: унесутъ
Алый гробикъ—и спадутъ
Съ духа цѣпи плотяныя...
Духи дѣтскіе возьмутъ
Въ сонмъ свой душу, имъ родную...
Мчись, душа! пари! несись!..—
Нашимъ дѣтямъ поклонись
И отдай по поцѣлую.

(*Николай Сушковъ*).

34. Милыхъ, что умерли...

Милыхъ, что умерли,
Образы свѣтлые
Въ сердцѣ своемъ схорони!
Тамъ они—ангелы
Будутъ хранители
Въ жизненныхъ буряхъ тебѣ!

(*А. Майковъ*).

35. Рай.

Апостолъ Павелъ еще при жизни въ нашемъ мірѣ былъ восхищенъ до третьяго неба— *аще въ тѣлѣ, или кромѣ тѣла, не вѣмъ*, говоритъ онъ, *былъ восхищенъ въ рай и слышалъ тамъ неизреченныя слова*, которыхъ нельзя пересказать человѣку. Природа рая, благолѣпіе небесъ, изобиліе тамъ благодатнаго блаженства такъ превышаютъ все изящное [1]) и пріятное земное, что св. апостолъ для изображенія видѣннаго имъ въ священномъ изступленіи употребилъ слѣдующія выраженія: *око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его. Намъ же Богъ открылъ есть Духомъ своимъ* (Кор. 2. 9—10).

[1]) Изящное—прекрасное.

Изъ извѣстныхъ намъ видѣній святыхъ угодниковъ Божіихъ припомнимъ видѣніе св. Андрея, юродиваго ради Христа, пребывшаго вышеестественно въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль въ созерцаніи невидимаго міра и повѣдавшаго другу своему іерею Никифору въ доступныхъ человѣческому пониманію образахъ и выраженіяхъ слѣдующее о раѣ: «Я увидалъ себя въ раю прекрасномъ и удивительномъ и, восхищаясь духомъ, размышлялъ: что это?... Знаю, что живу въ Константинополѣ; какъ же очутился здѣсь—понять не могу. Я видѣлъ себя облеченнымъ въ самое свѣтлое одѣяніе, какъ бы истканное изъ молній; вѣнецъ былъ на главѣ моей, сплетенный изъ чудно-прекрасныхъ цвѣтовъ; и я былъ опоясанъ поясомъ царскимъ. Радуясь этой красотѣ, дивясь умомъ и сердцемъ несказанному благолѣпію Божія рая, я ходилъ по немъ и веселился. Тамъ были многіе сады съ высокими деревьями; они колебались вершинами своими и увеселяли зрѣніе; отъ вѣтвей ихъ исходило великое благоуханіе. Одни изъ деревьевъ непрестанно цвѣли, другія украшались златовидными листьями, иныя имѣли на себѣ различные плоды несказанной красоты и пріятности. Невозможно тѣхъ деревъ уподобить ни одному дереву земному: Божія рука, а не человѣческая насадила ихъ. Птицъ въ этихъ садахъ было безчисленное множество: иныя изъ нихъ были съ златовидными крыльями, другія—бѣлыя какъ снѣгъ, а иныя—разнообразно испещренныя; онѣ сидѣли на вѣтвяхъ райскихъ деревъ и пѣли прекрасно; отъ сладкаго пѣнія ихъ я не помнилъ себя; такъ услаждалось мое сердце; и казалось мнѣ, что гласъ пѣнія ихъ досягалъ даже до высоты небесной. Стояли тѣ прекрасные сады рядами, какъ бы полкъ противъ полка. Въ то время, какъ я ходилъ между ними въ веселіи сердца, увидѣлъ рѣку великую, текущую посреди ихъ и ихъ напояющую. На другомъ берегу рѣки былъ виноградникъ, котораго лозы, украшенныя златыми листьями и златовидными гроздіями, широко раскидывались. Дышали тамъ отъ четырехъ странъ вѣтры тихіе и благоухающіе; отъ ихъ дыханія колебались сады и производили дивный шумъ листьями своими. (*Изъ брош. «Рай и адъ». Изд. Русск. Аѳон. Пантел. монастыря*).

36. Повѣсть препод. Анастасія Синаита о томъ, какъ Богъ милуетъ и прощаетъ человѣка за неосужденіе ближняго.

Нѣкоторый инокъ проводилъ дни свои во всякомъ нерадѣніи и, въ лѣности проживъ всю жизнь свою, приближался къ смерти. И когда разболѣлся послѣднею смертною болѣзнью и уже былъ

при послѣднемъ издыханіи, нисколько не убоялся своей смерти, но разлучался отъ тѣла тихо, радостно и съ улыбкою на лицѣ. Бывшіе при этомъ братія съ изумленіемъ сказали ему: «мы видѣли тебя, братъ, проводившимъ жизнь въ нерадѣніи и теперь не знаемъ, откуда у тебя въ этотъ страшный часъ такое спокойствіе и улыбка сладкая». Братъ, немного приподнявшись на одрѣ, сказалъ имъ: «подлинно, честные отцы, я проводилъ жизнь свою во всякомъ нерадѣніи и вотъ теперь принесены были предъ меня и прочтены всѣ записанныя злыя дѣла мои. Ангелы Божіи сказали: «знаешь ли это?» я отвѣчалъ: «знаю хорошо, однако съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ міръ и постригся, я не осудилъ человѣка, не имѣлъ ни на кого злобы и молю, дабы на мнѣ исполнилось слово Христа; ибо Онъ сказалъ: не осуждайте, дабы не быть осужденными, оставьте и оставится вамъ». Когда я сказалъ это, св. ангелы разорвали запись грѣховъ моихъ. Посему-то я съ радостію и безпечально и отхожу къ Богу». Послѣ этихъ словъ братъ предалъ съ миромъ Господу душу свою. (*Изъ «Воскр. бесѣдъ», изд. «Общ. люб. дух. просв.» 1888 г.).*

37. Польза душамъ усопшихъ отъ поминовенія на литургіи.

«Былъ, говоритъ св. Григорій Двоесловъ, монахъ, который, разболѣвшись къ смерти, повѣдалъ своему родному брату, что имъ въ кельи скрыто золото. А нужно замѣтить, что монастырь, въ которомъ онъ жилъ, былъ общежительный, и уставъ его былъ таковъ, чтобы у братій все было общее, и никто не имѣлъ права что-либо считать своимъ и, тѣмъ болѣе, утаивать. Послѣ о поступкѣ инока узнали и другіе монахи, а затѣмъ, какъ начальнику, сказано было и мнѣ. Чтобы инокъ почувствовалъ тяжесть своего грѣха и раскаялся въ немъ, я запретилъ братіямъ навѣщать его. А послѣ его смерти, чтобы на будущее время отвлечь другихъ отъ подобнаго грѣха, повелѣлъ похоронить его внѣ монастырскаго кладбища и на его могилу бросить утаенное имъ золото. Все было исполнено. Но вотъ прошло тридцать дней послѣ его смерти, и мнѣ стало чрезвычайно жаль его. Думая, что въ загробномъ мірѣ онъ страдаетъ, я сталъ изыскивать средства, чтобы облегчить его участь, и остановился на слѣдующемъ. Призвавши эконома, [1]), я повелѣлъ ему отслужить по умершемъ тридцать заупокойныхъ литургій и заповѣдалъ также всѣмъ тво-

---

[1]) Экономъ—смотритель за хозяйствомъ монастыря.

рить общую молитву о немъ. Такое распоряженіе мое было для усопшаго чрезвычайно благотворно. Въ самый день, когда была совершена по немъ послѣдняя—тридцатая—литургія, онъ явился своему родному брату и сказалъ: «доселѣ, братъ, я жестоко и страшно страдалъ; теперь же мнѣ хорошо, и я нахожусь въ свѣтѣ». Братъ умершаго передалъ о своемъ видѣніи инокамъ, и всѣ они убѣдились, что покойный былъ избавленъ отъ муки ради спасительной принесенной за него жертвы». (*Изъ Пролога*).

38. Исправленіе воровъ.

У св. Григорія печерскаго былъ маленькій огородецъ, гдѣ росли посѣянныя имъ овощи и плодовитыя деревья. Разъ забрались къ нему воры, набрали овощей и плодовъ, взяли на плечи ношу и хотѣли итти, но вдругъ почувствовали, что они не могутъ сойти съ мѣста. И стояли они неподвижно два дня подъ гнетомъ своего бремени. Наконецъ начали они кричать: «господинъ нашъ Григорій, пусти насъ! Мы не будемъ больше дѣлать такъ и покаемся во грѣхахъ своихъ». Услышали это монахи, пришли и перехватали ихъ, но не могли свести съ мѣста. И спросили они воровъ: «когда пришли вы сюда»? Воры же отвѣчали: «мы стоимъ здѣсь два дня и двѣ ночи». Монахи же сказали: «какъ же мы постоянно выходили и не видали васъ»? Воры же сказали: «если бы и мы васъ видѣли, то со слезами молили бы отпустить насъ. Но вотъ уже изнемогши, начали мы кричать. Молите теперь старца, чтобы онъ отпустилъ насъ». Тогда пришелъ Григорій и сказалъ имъ: «такъ какъ вы всю жизнь праздны, крадете чужіе труды, а трудиться не хотите, то теперь стойте здѣсь праздно и прочія лѣта до конца вашей жизни». Они же со слезами молили старца, обѣщая, что не сдѣлаютъ въ другой разъ такого грѣха. Умилился старецъ и сказалъ: «если хотите работать и отъ труда своего другихъ питать,—я отпущу васъ». Воры клялись, что не ослушаются его. Тогда Григорій сказалъ: «благословенъ Господь Богъ! Съ этихъ поръ будете вы работать на святую братію: приносите отъ труда своего на нужды ихъ». И такъ отпустилъ ихъ. Воры эти окончили жизнь свою въ Печерскомъ монастырѣ, ходя за огородомъ. (*Кіевопечерскій патерикъ*).

39. Изреченіе св. Тихона Воронежскаго о воровствѣ.

Похищенное чужое добро, говоритъ св. Тихонъ Воронежскій, какъ огонь, въ домъ вшедше, все прочее имѣніе поядаетъ. Ибо гдѣ неправда, тамъ и клятва Божія; гдѣ же клятва Божія, тамъ

никакого добра не будетъ, но всякое злополучіе послѣдуетъ». «Хищники и грабители подобны человѣку, черпающему воду рѣшетомъ. Изъ рукъ ихъ вытекаетъ все, что они похищаютъ и собираютъ, какъ рѣшетомъ черпаемая вода». «Похищай и хватай, человѣче, говоритъ тотъ же святитель, похищай, какъ хочешь и что хочешь, однако же знай, что все изъ рукъ твоихъ вытечетъ и твое собственное неправда, какъ огонь, потребитъ». (Т. 4. 70).

40. Наказанное корыстолюбіе.

Въ 1834 г. случился въ Вятской губерніи голодъ; отъ этого хлѣбъ такъ вздорожалъ, что иные, скупые, могли тогда обогатиться, не имѣя состраданія къ бѣдствующимъ отъ голода. И вотъ одинъ крестьянинъ, жившій неподалеку отъ Вятки, накопилъ множество хлѣба и не вывозилъ его до тѣхъ поръ на продажу, пока цѣна не возвысилась до рубля сер. за пудъ, что чрезвычайная рѣдкость въ тѣхъ мѣстахъ. Большая выручка денегъ обрадовала скупого селянина; онъ приходитъ въ каѳедральный соборъ и служитъ благодарственный молебенъ св. Николаю за то, что такъ подорожалъ хлѣбъ, а между тѣмъ молится, чтобъ еще повысились цѣны.

И что же? Впослѣдствіи было дознано, что въ то самое время, когда скупой безумно молился о несчастіи бѣднаго народа, откуда ни появись въ домѣ его огонь, который скоро перешелъ въ жестокій пожаръ, охватившій и истребившій не только домъ, но и амбары съ хлѣбомъ и рѣшительно все. На возвратномъ пути изъ Вятки къ дому несчастный скупецъ получилъ извѣстіе о постигшей его бѣдѣ, и вмѣсто того, чтобы познать въ этомъ дѣйствіе гнѣва и правды Божіей и исправиться, въ отчаяніи удавился! Такимъ образомъ и исполнилось слово псалмопѣвца: и молитва его да будетъ въ грѣхъ (Пс. 108. 7). *(Изъ «Собр. сочин. и писемъ» Святогорца).*

41. Послушаніе есть великая добродѣтель.

Пришли однажды къ великому Аввѣ Памво изъ скита четыре брата, одѣтые въ кожу, и каждый изъ нихъ разсказывалъ о добродѣтели другого. Одинъ постился много, другой былъ нестяжателенъ, третій пріобрѣлъ великую любовь, о четвертомъ они говорили, что онъ уже двадцать два года прожилъ въ повиновеніи старцу. Авва Памво отвѣчалъ имъ: «скажу вамъ, что выше всѣхъ добродѣтель послѣдняго: каждый изъ васъ по своей волѣ пріобрѣлъ ту добродѣтель, которую имѣетъ, а сей, отвергшись сво-

ей воли, исполняетъ волю другого. Такіе люди подобны исповѣдникамъ, если они до самаго конца пребудутъ въ послушаніи. *(Достоп. сказ. о подвиж. св. отецъ стр. 227. 3)*

42. Какъ святые смотрѣли на болѣзни.

Былъ одинъ мужъ, который часто страдалъ отъ разныхъ недуговъ. Случилось, что въ одинъ годъ его не постигла никакая болѣзнь. Благочестивый человѣкъ началъ плакать и скорбѣть, говоря: «оставилъ меня Господь и не восхотѣлъ въ нынѣшній годъ посѣтить меня [1]).» Другой, равный ему въ терпѣніи, во время тяжкой болѣзни, отказался отъ предложеннаго ему братомъ въ утѣшеніе яства, сказавъ: «повѣрь, братъ, тридцать лѣтъ желалъ бы я провесть въ этой болѣзни [2]).» Думаю, что эти люди не переносили бы такъ благодушно страданій, если бы не надѣялись за терпѣніе ихъ получить отъ Господа болѣе воздаяній, чѣмъ за другія добрыя дѣла.

43. Два состоянія.

Душа томна,
Душа полна
Невыразимой мукой:
Всегда одна,
Мрачна, больна
Неотразимой скукой.
Почто жъ она
И такъ хладна,
И такъ темна,
Какъ въ дебряхъ дикая пещера?
Ее своимъ
Лучемъ святымъ
Не озаряетъ вѣра!
Душа играетъ, веселится,
Какъ юный агнецъ средь полей:
Вездѣ родство, къ ней все тѣснится,
И тайный міръ открылся ей.
Вотъ крылья ангеловъ златыя—
Съ нихъ жизни сѣется роса,
И часто съ ласкою святые
Ей говорятъ про небеса...
Все жизнь и цвѣтъ: скалы, пещеры
Блестятъ, какъ царственный чертогъ!
Что жъ сталось съ ней? Блаженство вѣры
Открылъ ей благодатный Богъ!

(*Ѳ. Глинка.*)

44. Жажда небеснаго.

Исцѣли меня, Благость превѣчная!
Исцѣли мои раны сердечныя!
Предъ Тобою я въ прахѣ лежу
И небесной отрады прошу.
О, возьми Ты всѣ блага ненужныя,
Услади мою душу недужную,

1) Руфин. Жит. отцевъ. Кн. 3. 158.
2) Достопам. сказ. о подвижн.—Москва, 1846 стр. 114.

И божественной силой любви
Благотворно меня оживи!
Уничтожь во мнѣ силой чудес-
ною
Все земное; пошли мнѣ небесное!
О небесномъ молю я въ тиши—
Не отвергни моленій души!

(Ю. Жадовская).

45. Христіанину.

Христіанинъ! не скучай!
Тайны неба изучай!
Душу Богу поручай,
И, съ сердечной вѣрой, чай
Отъ Него великихъ благъ;
Но гляди, чтобъ, невзначай,
Не подкрался хитрый врагъ!
Сердце въ правдѣ укрѣпи!
Сушь душевныя степи
Чаще слезъ дождемъ кропи.
Вѣрь: одинъ сердечный вздохъ
Высоко оцѣнитъ Богъ.

—

Время кратко не губи:
Будь смиренъ, трудись, люби!
Въ домъ молитвы учащай,
Домъ убогихъ навѣщай!
Всѣмъ добро твори—и знай,
Бросивъ въ сторону унылость,
Что Всезрящій, страшный Богъ
На судѣ хоть правъ и строгъ,
Но у Бога—есть и милость.

(Ѳ. Глинка).

46. Ободреніе.

Христіанинъ! что стоишь
Такъ уныло?
Что такъ хладенъ и молчишь,
Какъ могила?
Кинь грѣхи свои въ купель
Покаянья,
И заблещетъ ярко цѣль
Воздаянья.
Ужъ проходитъ и бѣжитъ
Міръ грѣховный,
И вдали иное зритъ
Глазъ духовный.
Ужъ растреснулась стѣна
Прегражденья,
И глядитъ на насъ весна
Возрожденья.

(Ѳ. Глинка).

47. Я задремалъ, главу понуря.

Я задремалъ, главу понуря,
И прежнихъ силъ не узнаю;
Дохни, Господь, живящей бурей
На душу сонную мою!

* * *

Какъ гласъ упрека, надо мною
Свой громъ призывный прокати,
И выжги ржавчину покоя,
И прахъ бездѣйствія смети!

* * *

Да вспряну я Тобой подъятый,
И, внявъ карающимъ словамъ,
Какъ камень отъ удара млата,
Огонь таившійся издамъ!

(Гр. А. Толстой.)

48. А. Обязанности къ Богу.

1. Богъ непостижимъ.

1) Нѣтъ имени, которое бы вполнѣ могло выразить Бога; такъ нельзя постигнуть Его всего (Златоустъ).

2) Мы должны радоваться тому, что Богъ непостижимъ, потому что Онъ будетъ предметомъ познанія чрезъ всю вѣчность. Если-бы умъ понялъ Его, то остался-бы безъ дѣйствія, а это для него—мука (Иннокен. архіеп. Херсон.).

2. Безъ Бога ничего не дѣлается.

1) Въ приключеніяхъ жизни слышится голосъ Провидѣнія, зовущій человѣка на путь Господень (Филар., м. Москов.).

2) Вѣруй, что все случающееся съ нами, до самаго малѣйшаго, бываетъ по промыслу Божію, и тогда ты безъ смущенія будешь переносить все, находящее на тебя (Авва Дорофей).

3. Богъ всегда съ нами.

Св. Антоній Великій, бывъ искушаемъ и мучимъ злыми духами, не зрѣлъ Іисуса Христа въ своемъ мученіи. Потомъ, увидѣвши Его, воззвалъ съ горячностію: «Гдѣ Ты былъ, Господи мой, гдѣ Ты былъ?» —Я былъ здѣсь и смотрѣлъ на твое мужество и терпѣніе, былъ отвѣтъ Спасителя (Өеофанъ Прокоповичъ).

4. Милосердіе Божіе.

1. Неизмѣримый океанъ поглощаетъ одинаково и воды рѣки широкой, протекшей величаво многія страны, и скромныя струи ручейка, едва примѣтнаго: такъ въ безднѣ благодати Божіей исчезаютъ тяжкія грѣхопаденія наравнѣ съ малѣйшими, ничтожнѣйшими погрѣшностями (Игнатій, еп. Кавказ.).

2. Представь себѣ искру, впадшую въ море: можетъ ли она остаться цѣла, или оттуда снова появиться? Что искра въ отношеніи къ морю, тоже и порокъ въ отношеніи къ человѣколюбію Божію, да еще и не то же, а гораздо менѣе. Море, хотя и велико, но имѣетъ предѣлы, а человѣколюбіе Божіе безпредѣльно. (Златоустъ).

5. Священное Писаніе.

Вода по свойству своему мягка, а камень твердъ. Но если надъ камнемъ виситъ жолобокъ, то вода, стекая каплями, мало-по-малу пробиваетъ камень: такъ и Слово Божіе мягко, а сердце наше грубо; но если человѣкъ часто слушаетъ (или читаетъ) Слово Божіе, то страхъ Божій приходитъ въ сердце его (Авва Пименъ).

6. Богъ не отвергаетъ кающагося.

Одинъ воинъ спросилъ авву Міоса: «ужели Богъ принимаетъ покаяніе»? Послѣ продолжительнаго наставленія старецъ спрашиваетъ его: «Скажи мнѣ, возлюбленный, бросаешь ли ты свою одежду, когда она раздерется?» Воинъ говоритъ: «Нѣтъ, я зашиваю и потомъ опять ношу ее». Старецъ сказалъ ему: «Итакъ, если ты бережешь свою одежду, ужели Богъ не пощадитъ своего созданія?»

7. Воистину великъ Богъ.

Въ образованіи червя и мошки видно несравненно болѣе искусства, нежели въ лучшихъ произведеніяхъ ума человѣческаго. Многіе сооружаютъ великолѣпныя зданія, изобрѣтаютъ удивительныя машины, строятъ огромные корабли; но сильнѣйшіе и остроумнѣйшіе изъ нихъ могутъ ли образовать ползучее насѣкомое, летающую птичку, зеленѣющую травку, или даже составить песчинку? Воистину *великъ Богъ!* И единъ Онъ великъ и въ великомъ и въ маломъ земли (Филар., митр. москов.).

8. Богъ близокъ къ человѣку.

1. До Бога ни низко, ни близко, ни далеко, потому что Онъ вездѣсущъ, и потому ближе къ тебѣ, нежели твоя душа къ твоему тѣлу; только умѣй найти эту близость вѣрою и молитвою. Близокъ Господь всѣмъ призывающимъ Его, всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ (Пс. 144, 18). (Филар., м. московскій).

2. Богъ всегда близокъ къ человѣку по Своему вездѣсущію, а человѣкъ не всегда близокъ къ Богу по своей ограниченности, невниманію, разсѣянности (Онъ же).

3. О, душе моя! Богъ всегда съ тобою, а ты живешь, какъ бы Онъ былъ весьма далекъ отъ тебя.

4. Отъ насъ зависитъ быть далеко отъ Бога, а Онъ всегда находится близко.

5. Быть близко или далеко отъ Бога зависитъ отъ самого человѣка, потому что Богъ вездѣ (Златоустъ).

9. Чудо любви Божіей.

Особенно великое чудо любви Божіей, котораго мы не увидимъ и въ вѣчности (потому что это предѣлъ возможной любви)—есть посланіе въ міръ Сына Божія. Много значитъ не оскорбляться преступленіемъ, болѣе—простить, еще болѣе—послѣ прощенія благодарить; но несравненно много принять Богу образъ

человѣческій, страдать и умереть. Это подлинно есть чудо въ нравственномъ мірѣ (Іоанн. 15, 13; Римл. 5, 8)! Въ этомъ одномъ обнаружилось сердце Божіе такъ, что если бы забыто было ученіе о совершенствахъ Божіихъ, то въ этомъ одномъ заключалось бы все богословіе (Иннокент., архіеп. Херс.).

10. Причащеніе.

1. Если ты удивляешься, какъ Христосъ часто снѣдаемъ бываетъ и не умаляется, но цѣлъ во вѣки пребываетъ, тогда удивляйся и тому, когда отъ одной свѣчи зажжешь другія свѣчи, а свѣтлости въ ней не умалишь. (Св. Димитр. Ростов.).

2. Если удивляешься, какъ въ такой малой части Таинъ— весь полный Христосъ, дивись и тому, какъ въ такомъ маломъ зернѣ (зрачкѣ) глаза твоего цѣлые города вмѣщаются и имъ объемлются. (Онъ же).

3. Когда ты приступаешь къ страшной чашѣ, приступай такъ, какъ бы ты пилъ отъ самаго ребра Христова. (Златоустъ).

11. Какъ въ церкви стоять.

Въ церкви стоя, прилежно внимай чтенію и пѣнію: оттуда породится умиленіе, истинная молитва, сердечное пѣніе и благодареніе. Берегись убо тѣломъ стоять въ церкви, а умомъ бродить внѣ церкви. Стоя убо въ церкви тѣломъ, стой сердцемъ и духомъ, яко передъ Богомъ стоишь. (Изъ твор. св. Тихона Задонскаго).

49. Б. Обязанности къ ближнимъ.

1. О любви къ ближнимъ.

1. Если любишь Бога, то надобно любить и того, кого Богъ любитъ, потому что когда мы любимъ кого, то любимъ и того, кого любимый нами любитъ (Св. Тихонъ Задон.).

2. Господь любитъ всѣхъ насъ, и мы должны любить всѣхъ (Филар. архіеп., Чернигов.).

3. Тяжело тебѣ, когда никто не хочетъ раздѣлять съ тобою горя твоего: *спѣши же дѣлить горе ближняго твоего* (Филар., архіеп. Чернигов.).

4. Хочешь, чтобы тебя любили человѣки? Люби человѣковъ. Хочешь, чтобы тебѣ дѣлали добро всѣ безъ изъятія? Дѣлай и ты добро всѣмъ безъ изъятія. Пріятно было бы тебѣ, если бы съ тобою всѣ обращались кротко и смиренно? Будь самъ кротокъ и смиренъ предъ всѣми (Филар., м. Москов.).

2. Богатый.

Богатый не хозяинъ есть богатства, ему отъ Бога даннаго, но приказчикъ и расходчикъ, который даровавшему Господу отвѣтъ долженъ воздать въ свое время. Ибо никто ничего съ собою не принесъ въ міръ, кромѣ тѣла нагого, и потому ничего своего не имѣетъ, но все, что ни имѣетъ, Божіе есть добро (Св. Тих. Задон.).

3. Безъ милостыни и молитва безплодна.

1. Милостивъ Богъ и преклоняется естественнымъ милосердіемъ на молитву, но на молитву милостивыхъ же (Св. Тихонъ Задон.).

2. Съ какою надеждою будешь молиться Богу, когда самъ не слушаешь молитвы подобныхъ тебѣ людей? (Онъ же).

3. Какъ будешь просить съ прочими въ церкви: «подай, Господи», когда самъ не подаешь нищимъ, а можешь подать (Онъ же)?

4. Какими устами скажешь: «услыши мя, Господи!» когда самъ не слышишь бѣднаго, или вѣрнѣе — въ бѣдномъ Самого Христа, вопіющаго къ тебѣ (Онъ же)?

5. Съ какимъ упованіемъ простреш руки свои къ Создателю своему, когда самъ подобнаго себѣ, простирающаго руки, отвращаешься (Онъ же)?

4. Благотворенія или милостыня.

1. Невозможно, рѣшительно невозможно безъ милостыни достигнуть даже только вратъ царствія небеснаго (Златоустъ).

2. Идите и наслѣдуйте царствіе Божіе, скажетъ Господь милостивымъ, не потому, что вы не согрѣшили, а потому, что милостынями очистили грѣхи свои (Блаж. Августинъ).

3. Дешевою цѣною благотворенія человѣкамъ мы можемъ пріобрѣтать безцѣнное царствіе Божіе (Филар., м. Москов.).

4. Милостыню ты подаешь нищему, а пріемлетъ ее Христосъ (Златоустъ).

5. Ничто столько не уподобляетъ человѣка Богу, какъ благотвореніе (Авва Евагрій).

6. Нѣтъ почти ни одного бѣднаго, который могъ бы поправу уклоняться отъ исполненія долга милостыни (св. Григор. Богосл.).

7. Не тотъ искренно милосердъ, кто даетъ отъ своихъ избытковъ, но тотъ, кто лишаетъ себя и нужнаго въ пользу бѣдныхъ (Блаж. Августинъ).

8. Неужели удержишь руку твою отъ благотворенія потому, что испыталъ, или предвидишь неблагодарность? Вспомни твоего Спасителя, который, хотя видѣлъ предъ собою девять неблагодарныхъ противъ одного благодарнаго, не удержался отъ благотворенія всѣмъ (Лук. 17, 12 — 19). (Филаретъ, м. Московскій).

5. Осужденіе.

1. Добрый человѣкъ всѣхъ людей видитъ добрыми, а злой и лукавый не только криво, но и прямо ходящихъ, подозрѣваетъ, укоряетъ, осуждаетъ и злословитъ (Духовн. Маргар.).

2. Человѣкъ, осуждающій другихъ, походитъ на зеркало, которое въ себѣ всѣхъ отображаетъ, а себя не видитъ (Св. Димитр. Ростов.).

3. При видѣ согрѣшающаго брата отнюдь не осуждай его, а говори себѣ: «я самъ не безгрѣшенъ; какое же имѣю право судить другого»? (Св. Димитрій Ростовскій).

4. Авва Агаѳонъ, когда видѣлъ какое-нибудь дѣло и помыслъ побуждалъ его къ осужденію,—говорилъ самому себѣ: «Агаѳонъ! Не дѣлай самъ того-же!» И помыслъ его успокоивался.

5. Бойтесь кого-либо осуждать даже въ сердцѣ своемъ, а не только открыто (Авва Исаія).

6. Изъ слова св. Іоанна Златоуста о томъ, какъ подобаетъ чтить іерея.

«Если іерей, говоритъ Златоустъ,—право учитъ, не на жизнь его смотри, но слушай ученіе его. И не говори: почему же онъ меня учитъ, а самъ того не исполняетъ?—На немъ лежитъ обязанность учить всѣхъ, а если онъ не исполняетъ того, чему учитъ другихъ, за это онъ Господомъ осудится. А если ты не будешь слушать его, также осудишься, ибо такъ говоритъ Господь: «слушаяй васъ, Мене слушаетъ; а отметаяйся васъ, Мене отметается; и иже васъ хулитъ, Мене хулитъ». — Не дѣло, братіе, овцамъ хулить пастыря; онъ за васъ и за братій вашихъ каждый день службу приноситъ; утромъ и вечеромъ въ церкви и внѣ церкви Бога молитъ о васъ. О всемъ этомъ размыслите и почтите его, какъ отца. Скажешь: «онъ грѣшенъ и золъ». Да тебѣ что за дѣло? Если и добрый за тебя будетъ молиться, какая тебѣ польза, если ты не вѣренъ? А если ты вѣренъ, то тебѣ нисколько не повредитъ его недостоинство. Благодать отъ Бога подается: іерей только уста отверзаетъ, а творитъ все Богъ».

50. Обязанности къ самому себѣ.

1. Познаніе самого себя.

1. Всего легче обманывать самого себя и, надмеваясь пустою славою, почитать себя чѣмъ-то, будучи ничѣмъ (Св. Григор. Богосл.).

2. Многіе хотятъ знать, что дѣлается въ чужихъ странахъ; а что въ своей душѣ находится, не ищутъ (Св. Тихонъ Задон.).

3. Не прежде засыпай, пока не размыслишь о грѣхахъ, совершенныхъ тобою въ продолженіе дня (Златоустъ).

2. Привычки.

1. Какъ дерево, чѣмъ болѣе растетъ, тѣмъ болѣе въ землю корень свой впускаетъ: такъ чѣмъ болѣе растетъ грѣховный обычай, тѣмъ глубже въ сердцѣ человѣческомъ утверждаетъ свой корень (Св. Тихонъ Задон.).

2. И хорошую привычку и худую питаетъ время, какъ дрова питаютъ огонь (Св. Петръ Дамаскинъ).

3. Какъ дерево, чѣмъ больше будетъ, тѣмъ съ большею трудностію исторгается изъ земли: такъ чѣмъ болѣе усилится и утвердится грѣховный обычай, тѣмъ съ большею трудностію отъ него освобождается человѣкъ (Св. Тихонъ Задон.).

3. Слава.

1. Не тотъ славенъ, кого міръ славитъ, но тотъ, кого Богъ прославитъ (Св. Тихонъ Задон.).

2. Кто желаетъ вѣчной и истинной славы, о временной славѣ не заботится (Ѳома Кемп.).

3. Если хочешь достигнуть славы, презирай славу; а если будешь гоняться за славою, лишишься славы (Златоустъ).

4. Всѣ человѣки Божіи не любятъ быть въ славѣ между человѣками (Филар., м. Москов.).

4. Зависть.

1. Зависть не дозволяетъ наслаждаться тѣмъ, что имѣетъ, потому что терзается желаніемъ того, чего не достаетъ (Филар., архіеп. Черниговъ.).

2. Зависть подобна моли, снѣдающей ту одежду, въ которой родится. И она снѣдаетъ то сердце, въ которомъ рождается (Св. Димитрій Ростов.).

3. Какъ ржавчина изъѣдаетъ желѣзо, такъ зависть душу, въ которой живетъ она (Св. Васил. Велик.).

4. Не такъ моль и червь снѣдаютъ дерево и волну (шерсть), какъ горячка зависти снѣдаетъ самыя кости завистниковъ и отравляетъ здравіе души ихъ (Златоустъ).

5. Зависть есть корень убійства (Златоустъ).

6. Зависть есть дочь гордости: умертви мать, и дочь ея погибнетъ (Блаж. Августинъ).

5. Тщеславіе и самохвальство.

1. Лучше не дѣлать ничего славнаго въ мірѣ, нежели сдѣлавъ, безмѣрно хвалиться (Св. Дим. Ростов.).

2. Убѣгай тщеславія—и сподобишься славы въ будущемъ вѣкѣ (Авва Исаія).

6. Совѣсть.

1. «Пусть меня всѣ хулятъ», говоритъ св. Тихонъ Задонскій,—«только бы меня совѣсть хвалила».

2. Совѣсть—истинное домашнее судилище. Преступникъ можетъ избѣжать иногда суда человѣческаго, но онъ никогда не избѣжитъ суда своей совѣсти (Св. Григорій Богосл.).

3. Только тѣхъ не судитъ совѣсть, которые достигли верха добродѣтели или порока (Авва Ѳалассій).

7. О довольствѣ своимъ состояніемъ при нищетѣ и низкомъ званіи.

1. Не прельщайся чужимъ добромъ, ибо и свое скоро оставишь (Св. Димитр. Ростов.).

2. Земное счастіе состоитъ не въ обиліи земныхъ благъ, а въ довольствѣ и спокойствіи духа, большею частію недоступныхъ людямъ, надѣленнымъ избыткомъ земныхъ благъ (Прот. В. Нечаевъ, нынѣ еп. Виссаріонъ).

3. Отъ вѣрности въ маломъ зависитъ успѣхъ въ великомъ. «Хочешь ли быть великимъ, начинай съ самаго малаго», говоритъ блажен. Августинъ.

8. Назначеніе христіанина подражать Христу.

Христіанинъ есть тотъ, кто, сколько возможно человѣку, подражаетъ Христу словами, дѣлами и помышленіями (Св. Іоаннъ Лѣств.).

Св. Григорій Нисскій сравниваетъ христіанъ съ живописцами. «Каждый изъ насъ», говоритъ онъ, «есть живописецъ собственной своей жизни. Наша душа есть какъ бы полотно, добродѣтели—краски; Іисусъ Христосъ есть образецъ, съ котораго мы

должны списывать». — Прекрасное сравненіе! Какъ живописецъ имѣетъ въ умѣ, въ воображеніи и передъ глазами предметъ, который хочетъ представить на полотнѣ: такъ христіанинъ при всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ долженъ устремлять взоры на Іисуса Христа. И какъ кисть, водимая рукою живописца, кладетъ на полотно цвѣты, подобные тѣмъ, какіе онъ находитъ въ образцѣ: такъ воля наша, вспомоществуемая благодатію, чрезъ исполненіе добродѣтелей, усматриваемыхъ въ Іисусѣ Христѣ, силится напечатлѣть Его образъ въ душѣ нашей, и мы становимся болѣе или менѣе христіанами, смотря потому, болѣе или менѣе сходства имѣемъ со Іисусомъ Христомъ. (Изъ «Цвѣтн. дух.»).

9. Смиреніе.

1. Смиреніе есть непремѣнная добродѣтель тварей; одному Богу прилично величіе (Иннок., архіеп. Херсон.).

2. Великъ тотъ, кто чувствуетъ свое ничтожество предъ Богомъ (Карамзинъ).

3. Люби смиреніе: оно покроетъ всѣ грѣхи твои (Св. Антон. Велик.).

4. Тщетны труды того, кто внѣ смиренія постится много и несетъ тяжкіе подвиги (Авва Исаія)!

5. Хочешь ли быть великимъ? — Будь меньше всѣхъ. (Мар. 9, 35). (Св. Ефремъ Сиринъ).

6. Самая лучшая мѣра смиренія—считать себя худшимъ изъ всѣхъ тварей (Св. Димитр. Ростов.).

7. Не тотъ показываетъ смиренномудріе, кто охуждаетъ самъ себя; но тотъ, кто будучи укоренъ другимъ, не уменьшаетъ къ нему любви (Св. Іоаннъ Лѣств.).

8. Смиренный не помнитъ зла, причиненнаго ему другими, и не осуждаетъ человѣка согрѣшающаго. Такимъ образомъ онъ тремя способами получаетъ отпущеніе грѣховъ себѣ: какъ не судящій—не судится, какъ смиренномудрый—оправдывается, какъ прощающій—получаетъ прощеніе (Св. Аѳан. Александр.).

10. Время и вѣчность.

1. Каждый часъ, каждая минута дорога: потому что даны со счетомъ, и въ нихъ потребуютъ отчета (Филар., архіеп. Черниговъ.).

2. Временемъ надобно пользоваться: оно подобно желѣзу, которое, если остынетъ, неудобно будетъ къ кованію (Петръ Великій).

3. Посредствомъ времени можно пріобрѣсть все,—самое небо и блаженную вѣчность, а времени невозможно пріобрѣсть ни за что (Иннок., архіеп. Херсон.).

4. Посвящай начатки дня твоего Господу; ибо кому прежде отдашь ихъ, того они и будутъ. «По началу утра», сказалъ нѣкто, «я предузнаю все теченіе дня моего». (Св. Іоаннъ Лѣств.).

5. Когда отходишь ко сну, вспомни о смерти, которой сонъ есть образъ и преддверіе (Филар., м. Москов.).

11. Употребленіе дара слова.

1. Щади языкъ; онъ часто произноситъ то, что лучше было бы утаить (Св. Нилъ Синайскій).

2. Мудрый передумываетъ много, прежде чѣмъ онъ говоритъ, именно: *что*, *кому*, *гдѣ* и *когда* онъ долженъ говорить (Св. Амвр. Медіолан.).

3. Нѣкто сказалъ о себѣ: *девять помышленій ублажихъ въ сердцы моемъ, а десятое изреку языкомъ* (Сир. 25, 9). Такъ берегутъ слово знающіе цѣну его (Филар., митр. Москов.)!

4. Предпочитай молчаніе, потому что оно удерживаетъ отъ многаго вреда (Св. Исаакъ Сиринъ).

5. Если будешь соблюдать молчаніе, то найдешь покой вездѣ, гдѣ бы ты ни жилъ (Авва Пименъ).

12. Не отчаивайся.

1. Согрѣшить—дѣло человѣческое; отчаиваться—сатанинское (Св. Нилъ Синайскій).

2. Отчаиваться значитъ самому у себя отнимать милость Божію, которую Господь каждую минуту готовъ подать (Филар., митр. Москов.).

3. Сколько бы грѣховъ ни было у кого, и какъ бы велики они ни были, у Бога милосердія еще болѣе; потому что какъ Онъ Самъ безконеченъ, такъ и милость Его безконечна (Св. Тихонъ Задонскій).

4. Не отчаивайся, потому что Господь милостивъ; но не будь и безпеченъ, потому что Онъ праведенъ (Златоустъ).

13. Гордость.

1. Всѣ грѣхи мерзки предъ Богомъ, но мерзостнѣе всѣхъ гордость (Св. Антоній Велик.).

2. Гордость есть доказательство скудости ума (Златоустъ).

3. Считай всякаго человѣка превосходнѣе себя (Св. Варсоноф. Велик.).

4. Блаженъ, кто имѣетъ предъ очами день исшествія, и возненавидѣлъ гордость, прежде чѣмъ обличена естественная наша ничтожность согнитіемъ во гробѣ (Св. Ефремъ Сиринъ).

14. Не смущайся поношеніемъ.

Поношеніе служитъ омовеніемъ душевныхъ страстей,—въ этомъ пусть убѣдитъ тебя сама простонародная поговорка. Ибо мірскіе люди, когда лично осыпаютъ кого безчестіями, хвалясь тѣмъ передъ другими, говорятъ: «помылъ я такого-то». И это совершенная правда (Изъ «Лѣствицы» св. Іоанна, игум. Син. горы).

15. Скорби.

1. Какъ невозможно человѣку не испытать смерти, такъ и прожить безъ скорбей. (Златоустъ).

2. Когда отецъ оставляетъ сына безъ наказанія и попускаетъ ему по своей волѣ жить, то видно, что онъ отринулъ его отъ себя: такъ, когда и Богъ оставляетъ человѣка безъ наказанія, то это есть знакъ отверженія его отъ Божіей милости; и не иное, что такому послѣдуетъ, какъ терпѣть на себѣ вѣчный гнѣвъ Божій. (Св. Тихонъ Задон.).

3. Правда Божія требуетъ, чтобы грѣшникъ былъ наказанъ за грѣхи свои. Если же нужно грѣшнику непремѣнно быть наказаннымъ, то лучше ему быть наказану здѣсь и терпѣть съ благодареніемъ временное наказаніе, нежели въ будущемъ вѣкѣ безконечно мучиться. (Св. Тихонъ Задон.).

4. Какая бы ни постигла тебя скорбь, не обвиняй въ ней никого, кромѣ себя, и говори: «это случилось со мною за грѣхи мои». (Авва Оръ).

5. Не говори: «ахъ! какъ я несчастливъ!» Но говори: «еще мало мнѣ этого за грѣхи мои». (Иннокентій, митропол. Москов.).

6. Какая въ томъ добродѣтель, чтобъ охотно принимать пріятное? Но скорбное принять благодушно, по благоговѣнію къ волѣ Божіей,—вотъ подвигъ, вотъ добродѣтель, вотъ залогъ награды. (Филаретъ, митропол. Москов.)!

7. Терпи скорби; потому что въ нихъ, какъ розы въ тернахъ, растутъ и воспитываются добродѣтели. (Св. Нилъ Синайскій).

8. Врачъ душъ и тѣлесъ употребляетъ оружіе скорбей, чтобъ исторгнуть корни и загладить слѣды грѣха, и огнемъ страданія выжигаетъ заразу наклонности къ грѣховнымъ услажденіямъ (Филар., и. Москов.).

9. Чтобы стяжать терпѣніе въ скорбяхъ и искушеніяхъ,—вѣруй, что все дѣлается съ нами по волѣ Божіей (Схимон. Парѳеній).

10. Не страшитъ тебя ни отецъ, ни учитель, ни начальникъ, ни законодатель, ни судія? Не пристыжаетъ тебя другъ? Не ис-

правляетъ тебя и совѣсть?—Такъ приходитъ тѣлесная болѣзнь, и нерѣдко исправляетъ все (Златоустъ).

16. Утѣшеніе въ несчастіи.

1. Всѣ святые жизнь свою проводили въ скорбяхъ и печаляхъ, въ страданіи, терпѣніи и гоненіи: ты-ли одинъ хочешь оставаться безъ всякаго страданія и печали? Или ты одинъ только хочешь быть изъ числа избранныхъ Божіихъ, не желая ничего потерпѣть? Да не будетъ сего (Св. Димит. Ростов.)!

2. Если опасность, бѣдствіе, скорбь колеблютъ твое мужество, истощаютъ твое терпѣніе: помяни Матерь Господа, стоявшую при крестѣ Его (Филар., м. Московъ.).

3. Если и Христосъ, не сотворившій грѣха, пострадалъ: можно-ли намъ грѣшнымъ роптать на страданіе? (Онъ-же).

4. Если Христосъ, безвинный, за наши вины соизволилъ перенесть скорбь и тугу смертную: ты-ли не покоришься перенести безъ сравненія меньшую скорбь, безъ сомнѣнія за нѣкія вины твои предъ Богомъ, хотя можетъ быть и безвинно предъ человѣками? (Филар., м. Москов.).

5. Терпи до конца со Христомъ и Христа ради, если хочешь со Христомъ царствовать (Ѳома Кемп).

17. Спасеніе души.

1. Какъ зло дѣлать, такъ и добра не дѣлать — грѣхъ есть. (Св. Тихонъ Задон.).

2. Не дѣлать добра потому только, что отъ того можетъ произойти нѣчто неблагопріятное, значитъ отказываться всегда дѣлать добро (Иннокен. Архіеп. Херсон.).

3. Хочешь-ли безъ труда творить добродѣтель? Разсуждай о трудѣ, что онъ временный, а о наградѣ, что она вѣчная (Св. Нилъ Синайскій).

4. Чѣмъ болѣе кто приближается къ Богу, тѣмъ болѣе видитъ себя грѣшнымъ (Авва Дороѳей).

5. Пока человѣкъ не предстанетъ на судъ Божій, не услышитъ рѣшительнаго о себѣ опредѣленія и не увидитъ присужденнаго ему мѣста, до тѣхъ поръ онъ не можетъ знать, угоденъ-ли онъ Богу, или нѣтъ (Авва Исаія).

6. Забвеніе добрыхъ своихъ дѣлъ есть самое безопасное ихъ хранилище (Златоустъ).

7. Добрыя дѣла цѣнятся по намѣренію (Св. Амвр. Медіолан.).

8. Глава и сущность (можно сказать, душа) всѣхъ доброд-

телей есть любовь, безъ которой ни постъ, ни бдѣніе, ни труды ничего не значатъ. Діаволъ всему можетъ подражать въ человѣкѣ: назовемъ-ли постъ? и онъ ничего не ѣстъ; бдѣніе, но и онъ никогда не спитъ и всегда, *рыкая, ходитъ* (1 Петр. 5, 8). Только одна любовь и смиреніе не подражаемы для него (Блажен. Августинъ).

18. Изреченія о грѣхѣ.

1. О! грѣхъ самое ужасное зло въ мірѣ. Бѣгите грѣха по крайней мѣрѣ для того, чтобы какъ можно менѣе тяготѣли надъ вами бѣдствія земныя (Филар., архіеп. Черниг.).

2. Лучше избирай умереть, когда того нужда требуетъ, нежели согрѣшить (Св. Тихонъ Задон.).

3. Ничто не сокрыто отъ Судіи; поэтому напрасно стараемся грѣшить скрыто (Св. Нилъ Синайскій).

4. Одинъ старецъ сказалъ: «чудное дѣло! Мы приносимъ молитвы такъ, что представляемъ Бога присущимъ и слушающимъ слова наши; а когда грѣшимъ, то дѣлаемъ такъ, какъ бы Онъ не видѣлъ насъ» (Древн. Патер.).

5. «Запрещены праздныя слова и праздныя мысли. Это ужъ слишкомъ тяжело», говорятъ легкомысленные; «безъ нужды строго», думаютъ неразумѣющіе: «праздныя слова», говорятъ, «не вредны, а праздныя мысли,—еще менѣе». Да, мелкія насѣкомыя, большею частію, не ядовиты и не смертоносны; однако хотѣлъ ли бы ты жить въ воздухѣ, ими наполненномъ, гдѣ непрестанно они толпятся, летятъ въ глаза, жужжатъ въ уши, тревожатъ осязаніе, и сотнями наносятъ подлинно не смертельныя раны (Филар., м. Московъ.)?

6. Считая то и другое малымъ, не доходятъ ли до того, что никакого грѣха не считаютъ великимъ (Филар., архіеп. Черниг.)?

7. Не дѣлай зла, даже и въ шутку, ибо случается, что иной сначала шутя дѣлаетъ зло, а послѣ и нехотя имъ увлекается (Авва Дороѳей).

8 Пока проступокъ малъ еще и не созрѣлъ, истреби его, прежде нежели пуститъ вѣтви въ широту и станетъ созрѣвать (Св. Исаакъ Сиринъ).

9. Грѣхъ есть горящій огонь. По мѣрѣ уменьшенія вещества онъ угасаетъ, а по мѣрѣ *прибавленія*—разгорается (Св. Маркъ Подвижн.).

10. Угашай искру, пока въ пламень не возрасла, и убивай врага, пока онъ малъ (Св. Тихонъ Задон.).

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОЕ ЧТЕНІЕ.

1. Крещеніе Ольги.

Въ лѣто ҂ѕуѯг. Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгородꙋ. Бѣ тогда царь именемъ Костѧнтинъ; приде къ немꙋ Ольга, и видѣвъ ю добрꙋ сꙋщю ѕѣло лицемъ и смысленꙋ, ꙋдививсѧ царь разꙋмꙋ еѧ, бесѣдова къ ней и рекъ ей: „подобна еси царствовати въ градѣ съ нами“.

Она же разꙋмѣвши рече къ царю: „азъ погана есмь[1]), да аще мѧ хощеши крестити, то крести мѧ самъ: аще ли ни, то не крещюсѧ“; и крести ю царь съ патреархомъ. Просвѧщена же бывъши, радовашесѧ дꙋшею и тѣломъ; и поꙋчи ю патреархъ о вѣрѣ, и рече ей: „благословенна ты въ женахъ Рꙋскихъ, ꙗко возлюби свѣтъ, а тьмꙋ ѡстави; благословити тѧ хотѧть сынове Рꙋстіи въ послѣдній родъ внꙋкъ твоихъ“.

И заповѣда ей о церковномъ ꙋставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста; она же поклонивши главꙋ, стоѧша аки гꙋба напаѧема, внимающи ꙋченьѧ; и поклонившисѧ патреархꙋ, глаголющи: „молитвами твоими, владыко, да схранена бꙋдꙋ отъ сѣти непріѧзньны“. Бѣ же речено ей во крещеньи Олена, ꙗкоже и древнѧѧ царица, мати великаго Константина. И благослови ю патреархъ и отпꙋсти ю. (Изъ Нестор. лѣтописи).

2. Праздники Господскіе и Богородичные.

Рѫтво̀ Престы́ѧ Бгоро́дицы (8 Сентября).

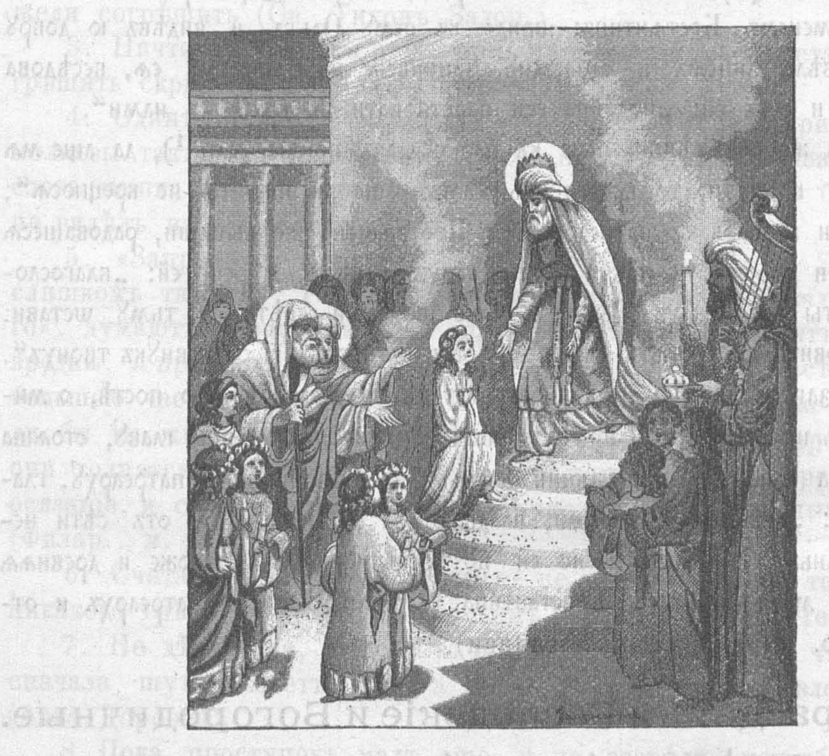
Въ невели́цѣмъ гра́дѣ[2]) І҆ꙋде́йстѣмъ, Назаре́тѣ, живѧ́ше[3]) нѣ́кій благочести́вый и҆ бголюби́вый мꙋ́жъ, и҆́менемъ І҆ѡакі́мъ. Жена̀ є҆мꙋ̀ бы́сть[4]) ста́ѧ и҆ пра́веднаѧ А҆́нна. Пра́ведницы сі́и, дости́гше ста́рости, не и҆мѣ́ста

[1]) Я не христіанка. [2]) гра́дъ—городъ. [3]) Живѧ́ше—жилъ. [4]) Бы́сть—была.

ча́дъ [1]), зане́ [2]) А҆́нна бѣ̀ непло́ды. І҆ѡакі́мъ и҆ А҆́нна непреста́ннѡ мо-ли́ста [3]) Гдⷭ҇а, да да́руетъ и҆̀ма ча́до. Моли́тва пра́ведныхъ ѹ҆слы́шана бы́сть Бго́мъ. О҆́нъ посла̀ и҆̀ма въ ста́рости глубо́цѣй ве́лію [4]) и҆ неизрече́нную ра́дость, дарова́въ и҆̀ма дще́рь [5]), Марі́ю, ꙗ҆̀же [6]) послѣдѝ [7]) бы́сть пре-непоро́чнаѧ Ма́терь Гдⷭ҇а на́шегѡ І҆и҃са Хрⷭ҇та̀, и҆ заст́упница ро́да хрі-стіа́нска.

Введе́ніе во хра́мъ Прест҃ы́ѧ Бцⷣы (21 Ноября).

І҆ѡакі́мъ и҆ А҆́нна, роди́телѧ преблгⷭ҇ослове́нной Дв҃ы Марі́и, є҆щѐ до ро́жде́ніѧ Є҆ѧ̀, да́ста ѡ҆бѣ́тъ Бгⷹ҇ посвѧти́ти Є҆мꙋ̀ ча́до, є҆́же [8]) бу́детъ

Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы.

дано̀ и҆̀ма ѿ Гдⷭ҇а: та́ко и҆ сотвори́ста пра́ведницы. Є҆гда̀ прест҃ѣ́й Дв҃ѣ Марі́и, ꙗ҆̀же бы́сть [9]) и҆спроше́на и҆̀ми ѿ Гдⷭ҇а, и҆спо́лнишасѧ трѝ лѣ́та [10]),

[1]) Ча́до—дитя. [2]) Зане́—потому что. [3]) Моли́ста—молились. [4]) Ве́лію—великую. [5]) Дще́рь—дочь. [6]) Ꙗ҆̀же—которая. [7]) Послѣдѝ—впослѣдствіи. [8]) Є҆́же—которое. [9]) Ꙗ҆̀же бы́сть—которая была. [10]) Лѣ́та—года.

Іѡакі́мъ и̓ А́нна созва́ста всѣ́хъ срѡ́дникъ и̓ зна́емыхъ свои́хъ, пригласи́ста ѻ҆трокови́цъ [1]), све́рстницъ дщ҃ере [2]) своеѧ̀, и҆ ѡ҆бле́кше ю҆̀ [3]) ꙗ҆́кѡ дщ҃е́рь царе́ву, съ возжже́нными свѣща́ми, при множествѣ наро́да, велелѣ́пнѡ [4]) введо́ста ю҆̀ во хра́мъ Іерусали́мскій. Во хра́мѣ се́мъ пренепоро́чнаѧ Марі́а пребы́сть до и҆сполне́нїѧ вре́мени воспита́нїѧ своегѡ̀, подвиза́ющисѧ въ моли́твѣ, богомы́слїи, чте́нїи сло́ва Бж҃їѧ и҆ и҆ны́хъ добродѣ́телехъ.

Благовѣ́щенїе Прест҃ы́ѧ Бг҃оро́дицы (25 Марта).

(Е҆ѵа́нгелїе ѿ Луки, гл. а҃, ст. к҃ѕ—к҃и).

Посла́нъ бы́сть А҆́гг҃лъ Гаврі́илъ ѿ Бг҃а во гра́дъ Галїле́йскїй, є҆мѹ́же [5])

Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы.

и҆́мѧ Назаре́тъ, къ Дв҃ѣ ѡ҆бру́ченнѣй му́жеви, є҆мѹ́же и҆́мѧ І҆ѡ́сифъ, ѿ

[1]) Ѻ҆трокови́ца—дѣвочка. [2]) Дщ҃е́рь—дочь. [3]) Ѡ҆бле́кше ю҆̀—одѣвъ ее. [4]) Велелѣ́пнѡ—величественно, торжественно. [5]) Є҆мѹ́же—которому.

до́мꙋ Дв҃дова: и҆ и҆́мѧ Дв҃ѣ Маріа́мь. И҆ вше́дъ къ Не́й А҆́гг҃лъ, речѐ: ра́дꙋйсѧ, благода́тнаѧ, Гдⷭ҇ь съ Тобо́ю, бл҃гослове́нна Ты̀ въ жена́хъ: Ѻ҆на́ же ви́дѣвши, смꙋти́сѧ ѡ҆ словесѝ є҆гѡ̀ и҆ помышлѧ́ше, ка́ково бꙋ́детъ цѣлова́ніе [1]) сїѐ, И҆ речѐ [2]) А҆́гг҃лъ Є҆́й: не бо́йсѧ, Маріа́мь, ѡ҆брѣла́ бо є҆сѝ благода́ть ѹ҆ Бг҃а. И҆ сѐ зачне́ши во чре́вѣ, и҆ роди́ши Сн҃а, и҆ нарече́ши и҆́мѧ Є҆мꙋ̀ І҆и҃съ. Се́й бꙋ́детъ ве́лїй [3]) и҆ Сн҃ъ Вы́шнѧгѡ нарече́тсѧ: и҆ да́стъ Є҆мꙋ̀ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ престо́лъ Дв҃да Ѻ҆тца̀ Є҆гѡ̀: и҆ воцари́тсѧ въ до́мꙋ І҆а́кѡвли во вѣ́ки, и҆ ца́рствїю Є҆гѡ̀ не бꙋ́детъ конца̀. Рече́ же Маріа́мь ко А҆́гг҃лꙋ: ка́кѡ бꙋ́детъ сїѐ, и҆дѣ́же [4]) мꙋ́жа не зна́ю; И҆ ѿвѣща́въ А҆́гг҃лъ, речѐ Є҆́й: Дх҃ъ Ст҃ы́й на́йдетъ на Тѧ̀, и҆ си́ла Вы́шнѧгѡ ѡ҆сѣни́тъ Тѧ̀: тѣ́мже [5]) и҆ ражда́емое свѧ́то, нарече́тсѧ Сн҃ъ Бж҃їй. И҆ речѐ Маріа́мь: сѐ раба̀ Гдⷭ҇нѧ, бꙋ́ди Мнѣ̀ по глаго́лꙋ твоемꙋ̀. И҆ ѿи́де [6]) ѿ Неѧ̀ А҆́гг҃лъ.

Рж҃тво̀ Гдⷭ҇а на́шего І҆и҃са Хр҃та̀ (25 Декабря).

(Є҆ѵⷢ҇лїе ѿ Лꙋкѝ, гл. в҃, ст. а҃—д҃і).

И҆зы́де повелѣ́нїе ѿ Ке́сарѧ А҆ѵгꙋ́ста, написа́ти всю̀ вселе́ннꙋю. [7]) Сїе́ написа́нїе пе́рвое бы́сть владѧ́щꙋ Сѷрі́єю Кѷрині́ю. [8]) И҆ и҆дѧ́хꙋ всѝ написа́тисѧ, ко́ждо [9]) во сво́й гра́дъ. Взы́де же и҆ І҆ѡ́сифъ ѿ Галїле́и, и҆з гра́да Назаре́та во І҆ꙋде́ю, во гра́дъ Дв҃довъ, и҆́же нарица́етсѧ [10]) Виѳле́емъ: зане́ [11]) бы́ти є҆мꙋ̀ ѿ до́мꙋ и҆ ѻ҆те́чества [12]) Дв҃дова, написа́тисѧ съ Марі́єю ѡ҆брꙋче́нною є҆мꙋ̀ жено́ю, сꙋ́щею непра́здною. Бы́сть же, є҆гда̀ бы́ша та́мѡ [13]), и҆спо́лнишасѧ днїе роди́ти Є҆́й: и҆ родѝ Сн҃а своего пе́рвенца, и҆ пови́тъ Є҆го̀ [14]), и҆ положѝ Є҆го́ въ ꙗ҆́слехъ: занѐ не бѣ̀ и҆̀мъ мѣ́ста во ѻ҆би́тели. И҆ па́стырїе бѣ́хꙋ въ то́йже странѣ̀, бдѧ́ще [15]) и҆ стрегꙋ́ще стра́жꙋ но́щнꙋю ѡ҆ ста́дѣ свое́мъ. И҆ сѐ [16]) А҆́гг҃лъ Гдⷭ҇нь ста̀ въ ни́хъ [17]), и҆ сла́ва Гдⷭ҇нѧ ѡ҆сїѧ̀ и҆̀хъ: и҆ ѹ҆боѧ́шасѧ стра́хомъ ве́лїимъ. И҆

---

[1]) Цѣлова́нїе—привѣтствіе. [2]) Речѐ—сказалъ. [3]) Ве́лїй—великъ. [4]) И҆дѣ́же—когда. [5]) Тѣ́мже—поэтому. [6]) Ѿи́де—отошелъ. [7]) Написа́ти всю̀ вселе́ннꙋю—сдѣлать перепись по всей землѣ. [8]) Владѧ́щꙋ Сѷрі́єю Кѷрині́ю—въ правленіе Квиринія Сиріею. [9]) Ко́ждо—каждый. [10]) Нарица́етсѧ—называется. [11]) Занѐ бы́ти є҆мꙋ̀—потому что онъ былъ. [12]) Ѻ҆те́чества—рода. [13]) Є҆гда̀ бы́ша та́мѡ—когда были тамъ. [14]) Пови́тъ Є҆го̀—спеленала его. [15]) Бдѧ́ще—не спя и содержа ночную стражу. [16]) Се—вотъ. [17]) Ста̀ въ ни́хъ—сталъ среди нихъ.

речѐ и҆́мъ а҆́гг҃лъ: не бо́йтесѧ: се́ бо [1]) благовѣ́ствꙋю ва́мъ ра́дость ве́лїю, ꙗ҆́же [2]) бꙋ́детъ всѣ́мъ лю́демъ: ꙗ҆́кѡ роди́сѧ ва́мъ дне́сь сп҃съ, и҆́же є҆́сть хрⷭ҇то́съ гд҇ь, во гра́дѣ дв҃довѣ. И҆ сѐ ва́мъ зна́менїе: [3]) ѡ҆брѧ́-

Рождество Христово.

щете [4]) младе́нца пови́та, лежа́ща въ ꙗ҆́слехъ. И҆ внеза́пꙋ [5]) бы́сть со а҆́гг҃ломъ мно́жество вѡ́й [6]) небе́сныхъ, хва́лѧщихъ бг҃а, и҆ глаго́лющихъ: сла́ва въ вы́шнихъ бг҃ꙋ, и҆ на земли̑ ми́ръ, въ человѣ́цѣхъ благоволе́нїе.

Срѣ́тенїе гдⷭ҇не (2 Февраля).

(Єѵⷢ҇лїе ѿ Лꙋки, гл. в҃, ст. к҃е—л҃в).

Бѣ̀ [7]) человѣ́къ во і҆ерꙋсали́мѣ, є҆мꙋ́же и҆́мѧ сѷмеѡ́нъ: и҆ чл҃вѣ́къ се́й пра́веденъ и҆ благочести́въ, ча́ѧ [8]) ᲂу҆тѣ́хи і҆и҃левы, и҆ дх҃ъ бѣ̀ ст҃ъ въ

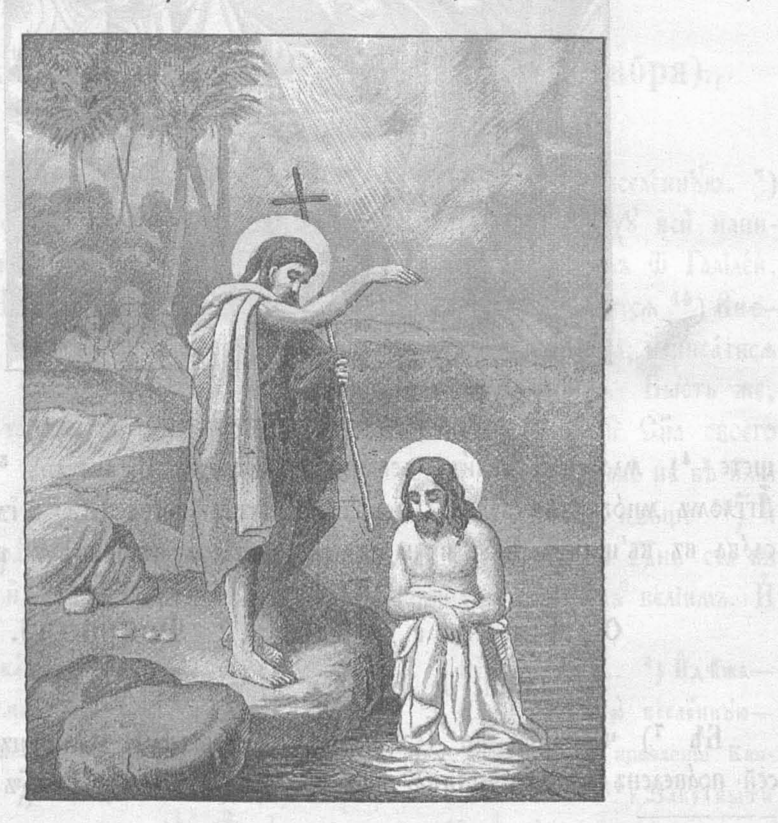
[1]) Бо—ибо, потому что. [2]) Ꙗ҆́же—которая. [3]) Зна́менїе—знакъ. [4]) Ѡ҆брѧ́щете—найдете. [5]) Внеза́пꙋ—внезапно, вдругъ. [6]) Мно́жество вѡ́й — многочисленное воинство. [7]) Бѣ̀—былъ. [8]) Ча́ѧ—ожидая.

нём. И҆ бѣ̀ є҆мꙋ̀ ѡ҆бѣща́нно Дх҃омъ Ст҃ы́мъ, не ви́дѣти сме́рти, пре́жде да́же [1]) не ви́дитъ Хрⷭ҇та̀ Гдⷭ҇нѧ. И҆ прїи́де Дх҃омъ въ це́рковь: є҆гда̀ введо́ста [2]) роди́телѧ ѻ҆троча̀ І҆и҃са, сотвори́ти и҆̀ма по ѻ҆бы́чаю зако́нномꙋ ѡ҆ не́мъ: и҆ то́й прїе́мъ [3]) є҆го̀ на рꙋ́кꙋ свою̀, и҆ благословѝ Бг҃а, и҆ речѐ: Ны́нѣ ѿпꙋща́еши раба̀ твоего̀, Вл҃ко, по глаго́лꙋ [4]) твоемꙋ̀, съ ми́ромъ: ꙗ҆́кѡ ви́дѣстѣ ѻ҆́чи мои̑ спасе́нїе твоѐ, є҆́же є҆сѝ ѹ҆гото́валъ пред̾ лице́мъ всѣ́хъ люде́й: свѣ́тъ во ѿкрове́нїе [5]) ꙗ҆зы́кѡвъ, и҆ сла́вꙋ люде́й твои́хъ І҆и҃лѧ.

Бг҃оꙗвле́нїе Гдⷭ҇не (6 Января).

(Є҆ѵⷢ҇лїе ѿ Ма́рка, гл. а҃, ст. ѳ҃—а҃і).

Прїи́де І҆и҃съ ѿ Назаре́та Галїле́йскагѡ, и҆ кр҃ти́сѧ ѿ І҆ѡа́нна во І҆ор-

Крещенїе Господне.

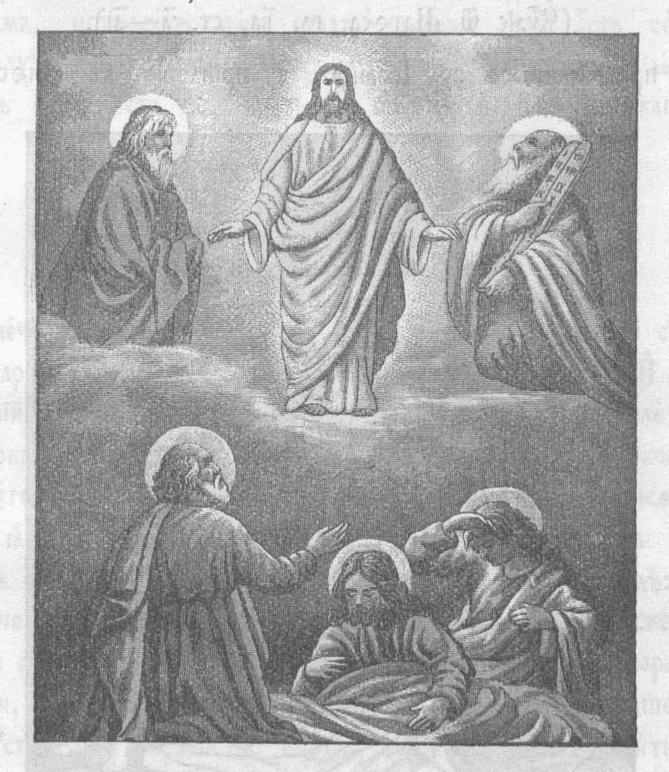
[1]) Пре́жде да́же—доколѣ. [2]) Є҆гда̀ введо́ста—когда ввели. [3]) И҆ то́й прїе́мъ—онъ взялъ. [4]) По глаго́лꙋ — по слову. [5]) Во ѿкрове́нїе—ко просвѣщенію.

да́нѣ. И҆ а҆́біе [1]), восходѧ̀ ѿ воды̀, ви́дѣ разводѧ́щасѧ [2]) н҃бса̀, и҆ Д҃ха ꙗ҆́кѡ го́лѹбѧ сходѧ́ща на́нь. [3]) И҆ гла́съ бы́сть съ н҃бсѐ: Ты̀ є҆сѝ С҃нъ мо́й возлю́бленный, ѡ҆ Не́мже [4]) благоволи́хъ.

Преѡбраже́нїе Г҃днє (6 Августа).

(Є҆ѵ҃лїе ѿ Матѳе́а, гл. з҃і, ст. а҃—и҃).

Поѧ́тъ [5]) І҆и҃съ Петра̀, и҆ І҆а́кѡва, и҆ І҆ѡа́нна бра́та є҆гѡ̀, и҆ возведѐ и҆̀хъ на го́рѹ высо́кѹ є҆ди́ны. И҆ преѡбрази́сѧ предъ ни́ми, и҆ просвѣти́сѧ лицѐ Є҆гѡ̀ ꙗ҆́кѡ со́лнце, ри́зы [6]) же Є҆гѡ̀ бы́ша бѣ́лы ꙗ҆́ко свѣ́тъ. И҆ сѐ

Преображеніе Господне.

ꙗ҆ви́стасѧ [7]) и҆̀мъ Мѡѷсе́й и҆ И҆лі́а, съ Ни́мъ глаго́люща. Ѿвѣща́въ же Пе́тръ речѐ ко І҆и҃сови: Г҃ди, добро̀ є҆́сть на́мъ здѣ̀ [8]) бы́ти: а҆́ще [9])

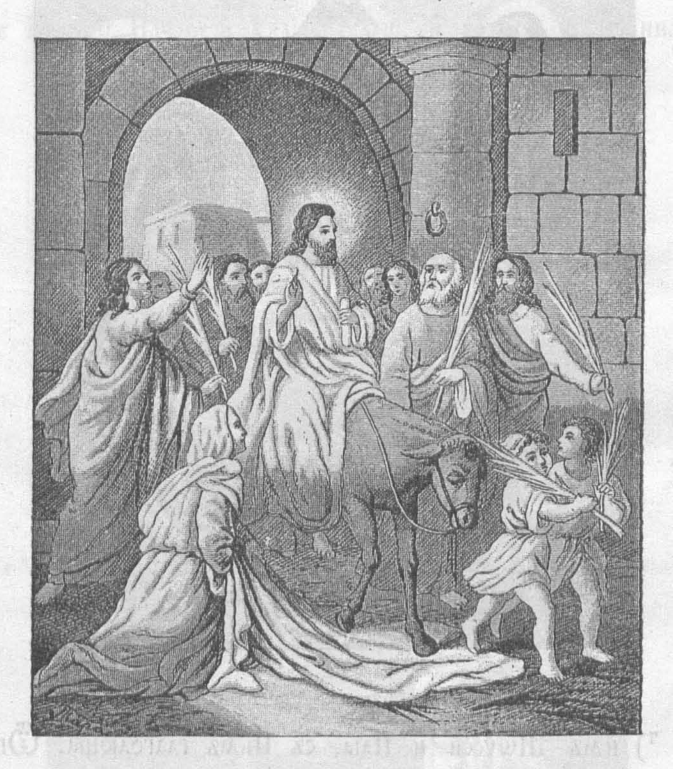
[1]) А҆́біе—тотчасъ. [2]) Разводѧ́щасѧ—разверзающаяся. [3]) На́нь — на Него. [4]) Ѡ҆ Не́мже—о Которомъ. [5]) Поѧ́тъ—взялъ. [6]) Ри́зы—одежды. [7]) Ꙗ҆ви́стасѧ—явились. [8]) Здѣ̀—здѣсь. [9]) А҆́ще—если.

хо́щеши, сотвори́мъ здѣ̀ три̑ сѣ́ни [1]), Тебѣ̀ є҆ди́нꙋ, и҆ Мѡѷсе́еви є҆ди́нꙋ, и҆ є҆ди́нꙋ Ѝлїи. Є҆щѐ же є҆мꙋ̀ глаго́лющꙋ [2]), сѐ ѻ҆́блакъ свѣ́телъ ѡ҆сѣ́нѝ и҆̀хъ, и҆ се гла́съ и҆з̀ ѻ҆́блака глаго́лѧ: се́й є҆́сть Сн҃ъ мо́й возлю́бленный, ѡ҆ не́мже благоволи́хъ: того̀ послꙋ́шайте. И҆ слы́шавше ᲂу҆чн҃ицы, падо́ша ни́цы [3]), и҆ ᲂу҆бои́шасѧ ѕѣлѡ̀ [4]). И҆ приствꙋ́пль І҆и҃съ, прикоснꙋ́сѧ и҆́хъ, и҆ речѐ: воста́ните, и҆ не бо́йтесѧ. Возве́дше же ѻ҆́чи свои̑, никого́же ви́дѣша, то́кмѡ [5]) І҆и҃са є҆ди́наго.

Вхо́дъ Гдⷭ҇нь въ І҆ерꙋсали́мъ.

(Є҆ѵⷢ҇лїе ѿ Матѳе́а, гл. к҃а, ст. а҃—ѳ҃і).

Є҆гда̀ прибли́жишасѧ во І҆ерⷭ҇ли́мъ, и҆ прїидо́ша въ Виѳсфагі́ю къ

Входъ Господень въ Іерусалимъ.

горѣ̀ Є҆леѡ́нской, тогда̀ І҆и҃съ посла̀ два̀ ᲂу҆чени̑ка, глаго́лѧ и҆̀ма: и҆ди́та въ

[1]) Сѣ́ни—тѣни, кущи. [2]) Є҆щѐ же є҆мꙋ̀ глаго́лющꙋ—когда онъ еще говорилъ. [3]) Падо́ша ни́цы—пали на лица. [4]) Ѕѣлѡ̀—очень. [5]) То́кмѡ—только.

ве́сь [1]), ꙗ҆̀же пря́мѡ ва́ма, и҆ а҆́бїе ѡ҆брѧ́щета ѻ҆слѧ̀ привѧ́зано, и жребѧ̀ съ ни́мъ: ѿрѣши́вша [2]) приведи́та Мѝ. И҆ а҆́ще ва́ма кто̀ рече́тъ что̀, рече́та: ꙗ҆́кѡ Гдь є҆ю̀ [3]) тре́бꙋетъ: а҆́бїе же по́слетъ ѧ҆̀ [4]). Ше́дша же ѹ҆ченика̀, и҆ сотво́рша, ꙗ҆́коже повелѣ̀ и҆̀ма Іи҃съ, приведо́ста ѻ҆слѧ̀ и҆ жребѧ̀, и҆ возложи́ша верхꙋ̀ є҆ю̀ ри̑зы своѧ̑, и҆ всѣ́де верхꙋ̀ и҆́хъ. Мно́жайшїи же наро́ди постила́хꙋ ри̑зы своѧ̑ по пꙋтѝ: дрꙋ́зїи же рѣ́захꙋ вѣ́тви ѿ дре́въ, и҆ постила́хꙋ по пꙋтѝ. Наро́ди же предходѧ́щїи є҆мꙋ̀ и҆ вслѣ́дствꙋющїи [5]) зва́хꙋ, глаго́люще: [6]) Ѡ҆са́нна [7]) Сн҃ꙋ Дв҃довꙋ: благослове́нъ грѧды́й во и҆́мѧ Гдне: ѡ҆са́нна въ вы́шнихъ. И҆ вше́дшꙋ є҆мꙋ̀ [8]) во І҆ерли́мъ, потрѧсе́сѧ ве́сь гра́дъ, глаго́лѧ: кто̀ є҆́сть се́й; Наро́ди же глаго́лахꙋ: се́й є҆́сть Іи҃съ проро́къ, и҆́же ѿ Незаре́та Галїле́йска.

(Це́рковь пра́зднꙋетъ сїѐ собы́тїе въ шестꙋ́ю недѣ́лю Вели́каго поста̀).

Воскресе́нїе Хрто́во.

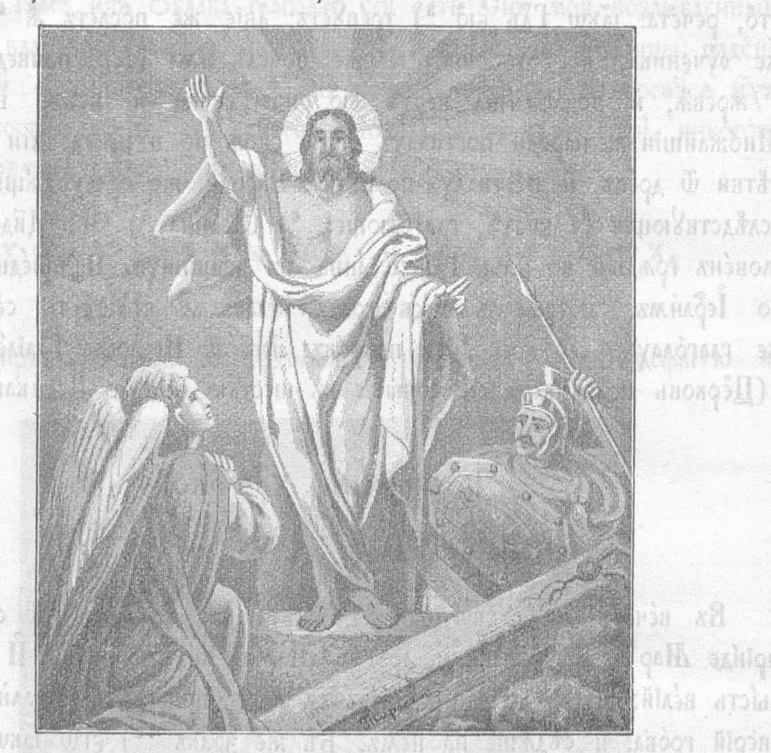
(Є҆ѵлїе ѿ Матѳе́а, гл. кн, ст. а—і).

Въ ве́черъ же сꙋббѡ́тный [9]), свѣта́ющи во є҆ди́нꙋ ѿ сꙋббѡ́тъ [10]) прїи́де Мар҃ѳа Магдали́на, и҆ дрꙋга́ѧ Марі́а, ви́дѣти гро́бъ. И҆ се тр꙽ꙋсъ [11]) бы́сть ве́лїй: А҆́ггелъ бо Гдень сше́дъ съ нбсѐ, приствпль ѿвалѝ ка́мень ѿ две́рїй гро́ба, и҆ сѣдѧ́ше на не́мъ. Бѣ̀ же зра́къ [12]) є҆гѡ̀ ꙗ҆́кѡ мо́лнїѧ, и ѡ҆дѣѧ́нїе є҆гѡ̀ бѣ́ло ꙗ҆́кѡ снѣ́гъ. Ѿ стра́ха же є҆гѡ̀ сотрѧсо́шасѧ стрегꙋ́щїи, и҆ бы́ша ꙗ҆́кѡ ме́ртви. Ѿвѣща́въ же А҆́ггелъ, речѐ жена́мъ: не бо́йтесѧ вы̀, вѣ́мъ бо [13]), ꙗ҆́кѡ Іи҃са распѧ́таго и҆́щете. Нѣ́сть здѣ̀: воста̀ бо, ꙗ҆́коже рече: прїиди́те, ви́дите мѣ́сто, и҆дѣ́же лежа̀ Гдь. И҆ ско́рѡ ше́дше рцы́те [14]) ѹ҆ченикѡ́мъ є҆гѡ̀, ꙗ҆́кѡ воста̀ ѿ ме́ртвыхъ: и҆ сѐ варѧ́етъ вы̀ [15]) въ Галїле́и, та́мѡ є҆го̀ ѹ҆́зрите. сѐ рѣ́хъ ва́мъ. И҆ и҆зше́дше ско́рѡ ѿ гро́ба со стра́хомъ и҆ ра́достїю ве́лїею, теко́стѣ [16]) возвѣсти́ти ѹ҆чн҃кѡ́мъ

---

[1]) Ве́сь—село. [2]) Ѿрѣши́вша—отвязавъ. [3]) Є҆ю̀—ихъ. [4]) Ѧ҆̀—ихъ. [5]) Вслѣдствꙋющїи—сопровождающіе. [6]) Зва́хꙋ глаго́люще—восклицали, говоря. [7]) Ѡ҆са́нна—благословеніе. [8]) И вшедшꙋ є҆мꙋ—когда онъ вошелъ. [9]) Въ ве́черъ сꙋббѡ́тный — по прошествіи субботы. [10]) Свѣта́ющи во є҆ди́нꙋ ѿ сꙋббѡ́тъ—на разсвѣтѣ перваго дня недѣли. [11]) Тр꙽ꙋсъ—землетрясеніе. [12]) Зра́къ—видъ. [13]) Вѣ́мъ бо—ибо я знаю. [14]) Рцы́те—скажите. [15]) Варѧ́етъ вы̀ — предваряетъ васъ. [16]) Теко́сте—побѣжали.

Є҆гѡ̀. Є҆гда́ [1]) же и҆дѧ́стѣ возвѣсти́ти ѹ҆ченикѡ́мъ Є҆гѡ̀, и҆ сѐ І҆и҃съ срѣ́те ѧ҆̀, глаго́лѧ: ра́дѹйтесѧ. Ѻ҆нѣ̀ же прист́ѹпльше ꙗ҆́тѣсѧ [2]) за но́зѣ Є҆гѡ̀,

Воскресеніе Христово.

и҆ поклони́стѣсѧ Є҆мѹ̀. Тогда̀ глаго́ла и҆̀ма І҆и҃съ: не бо́йтесѧ: и҆ди́те, возвѣсти́те бра́тїи мое́й, да и҆́дѹтъ въ Галїле́ю, и҆ тѹ̀ [3]) Мѧ̀ ви́дѧтъ.

Вознесе́нїе Гд҃не.

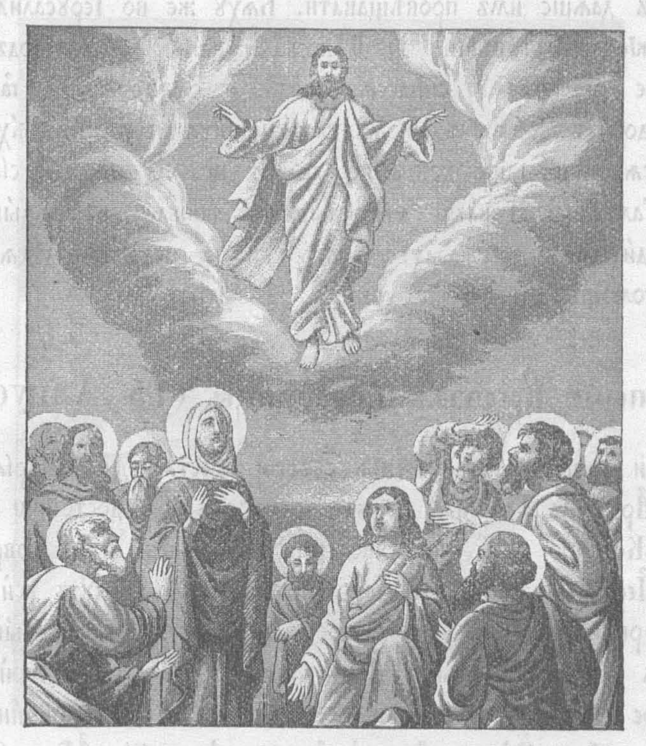
(Лѹкѝ гл. к҃д, ст. н҃, до половѝны н҃в. Дѣѧ́н. гл. а҃. ст. ѳ҃—а҃і.
Лѹкѝ гл. к҃д. ст. н҃в).

И҆зве́дъ и҆́хъ (А҆п҃лѡвъ І҆и҃съ) во́нъ [4]) до Виѳа́нїи: и҆ воздви́гъ рꙋ́цѣ [5]) свои̑, и҆ благослов́и и҆̀хъ. И҆ бы́сть, є҆гда̀ благословлѧ́ше и҆̀хъ, ѿстѹпѝ ѿ ни́хъ, и҆ возноша́шесѧ на не́бо. И҆ тї́и поклони́шасѧ Є҆мѹ̀. Зрѧ́щымъ

---

[1]) Є҆гда́—когда. [2]) Ꙗ҆́тѣсѧ—ухватились. [3]) Тѹ̀—тамъ. [4]) Во́нъ до Виѳа́нїи—вонъ изъ города (Іерусалима) до Виѳаніи. [5]) Воздви́гъ рꙋ́цѣ—поднялъ руки.

и҆́мъ [1]) (А҆посто́ламъ), взѧ́тсѧ, и҆ ѻ҆́блакъ подѧ́тъ Є҆го̀ ѿ ѻ҆че́ю и҆́хъ. И҆ є҆гда̀ взира́юще бѧ́хꙋ [2]) на не́бо, и҆дꙋ́щꙋ Є҆мꙋ̀, и҆ сѐ мꙋ́жа два̀ ста́ста предъ ни́ми во ѻ҆де́жди бѣ́лѣ, и҆̀же и҆ рекоста̀: Мꙋ́жїе Галїле́йстїи, что̀

Вознесеніе Господне.

стои́те, зрѧ́ще на не́бо; се́й І҆и҃съ, вознесы́йсѧ ѿ ва́съ на не́бо, та́кожде [3]) прїи́детъ, и҆́мже ѻ҆́бразомъ [4]) ви́дѣсте Є҆го̀ и҆дꙋ́ща на не́бо. И҆ возврати́шасѧ во І҆ерꙋсали́мъ съ ра́достїю ве́лїею: и҆ бѧ́хꙋ вы́нꙋ [5]) въ це́ркви, хва́лѧще и҆ благословѧ́ще Бг҃а.

Сошє́ствїе Ст҃а́гѡ Д҃ха.

(Дѣѧ́нїй гл. в҃, ст. а҃—г҃і).

Є҆гда̀ скончава́шасѧ дні́е пѧтдесѧ́тницы, бѣ́ша всѝ А҆п҃ли є҆диноду́шнѡ вкꙋ́пѣ [6]). И҆ бы́сть внеза́пꙋ съ небесѐ шꙋ́мъ, ꙗ҆́кѡ носи́мꙋ дыха́нїю

---

[1]) Зрѧ́щымъ и҆̀мъ—когда они т. е. апостолы, смотрѣли. [2]) Взира́юще бѧ́хꙋ—смотрѣли. [3]) Та́кожде—также. [4]) И҆́мже ѻ҆́бразомъ—какимъ. [5]) Вы́нꙋ—всегда. [6]) Вкꙋ́пѣ—вмѣстѣ.

бꙋ́рнꙋ [1]), и҆ и҆спо́лни ве́сь до́мъ, и҆дѣ́же бѧ́хꙋ сѣдѧ́ще [2]). И҆ ꙗ҆ви́шасѧ и҆̀мъ раздѣлє́ни ꙗ҆зы́цы ꙗ҆́кѡ ѻ҆́гненни: сѣ́де же на є҆ди́номъ ко́емждо [3]) и҆́хъ. И и҆спо́лнишасѧ всѝ Дх҃а Ст҃а, и҆ нача́ша глаго́лати и҆ны́ми ꙗ҆зы́ки, ꙗ҆́коже Дх҃ъ даѧ́ше и҆̀мъ провѣщава́ти. Бѧ́хꙋ же во І҆ерꙋсали́мѣ живꙋ́щїи І҆ꙋдє́и мꙋ́жїе благоговѣ́йнїи [4]) ѿ всегѡ̀ ꙗ҆зы́ка [5]), и҆̀же подъ небесе́мъ. Бы́вшꙋ же гла́сꙋ семꙋ̀, сни́десѧ наро́дъ, и҆ смѧте́сѧ [6]), ꙗ҆́кѡ слы́шахꙋ є҆ди́нъ кі́йждо и҆́хъ свои́мъ ꙗ҆зы́комъ глаго́лющихъ и҆́хъ. Дивлѧ́хꙋсѧ же всѝ и чꙋдѧ́хꙋсѧ, глаго́люще дрꙋ́гъ ко дрꙋ́гꙋ: не сє́ ли всѝ сі́и сꙋ́ть глаго́лющїи Галїле́ане; И҆ ка́кѡ мы̀ слы́шимъ кі́йждо сво́й ꙗ҆зы́къ на́шъ, въ не́мже роди́хомсѧ; Ꙋ҆жаса́хꙋсѧ же всѝ и҆ недоꙋмѣва́хꙋсѧ, дрꙋ́гъ ко дрꙋ́гꙋ глаго́люще: что̀ ᲂу҆́бѡ хо́щетъ сїѐ бы́ти;

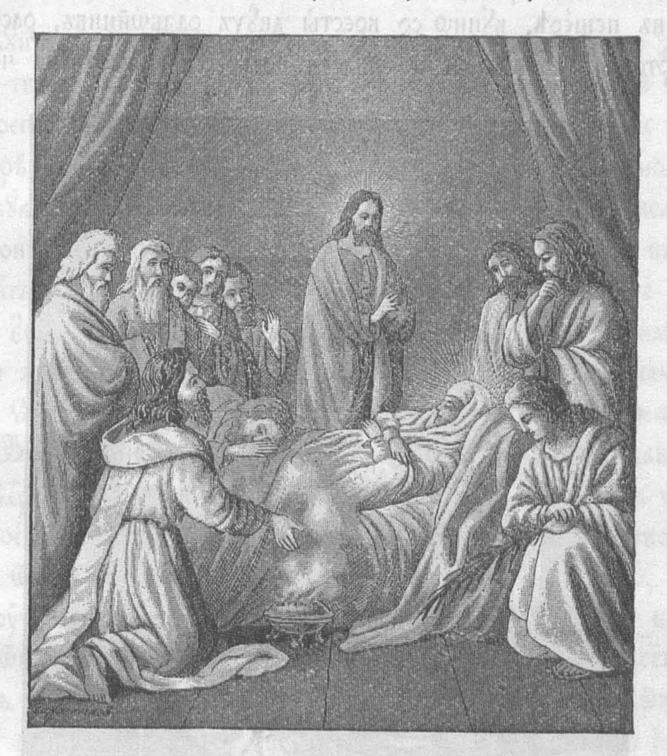
Оу҆спе́нїе Прест҃ы́ѧ Бг҃оро́дицы (15 Августа).

Ѿ днѝ всечестна́гѡ ᲂу҆спе́нїѧ своегѡ̀ прест҃а́ѧ Дв҃а Марі́ѧ извѣщена бы́сть ѿ А҆рхаг҃гла Гаврїи́ла пре́жде тре́хъ дне́й, и҆ досто́йнѡ пригото́висѧ къ немꙋ̀. Ко днѝю семꙋ̀, по и҆зволе́нїю Бж҃їю, всѝ А҆г҃ли совра́шасѧ чꙋ́деснѡ во І҆ерꙋсали́мъ. Гдѣ̀ Бг҃ꙋ ᲂу҆го́дно бы́сть, да бꙋ́дꙋтъ всѝ А҆п҃ли свидѣ́тели ми́рной кончи́ны Бг҃ома́тере: да ви́дѧтъ, ка́кѡ Сы́нъ Є҆ѧ̀ І҆и҃съ Хрт҃о́съ въ со́нмѣ [7]) ст҃ы́хъ А҆г҃глъ прі́ѧ [8]) въ рꙋцѣ̀ свои̑ пречи́стꙋю дꙋ́шꙋ Мт҃ре своеѧ̀, и҆ да послꙋ́жатъ Є҆́й во блаже́ннѣй кончи́нѣ Є҆ѧ̀, преда́вше ст҃о́е тѣ́ло Є҆ѧ̀ землѣ̀, что̀ и҆ сотвори́ша ст҃і́и А҆п҃ли. Вси ѻ҆ни съ возжже́нными свѣщы̀, съ ѱалмопѣ́нїемъ и҆ моли́твами бл҃голѣ́пнѡ несѧ́хꙋ ѻ҆́дръ [9]) съ тѣ́ломъ Бг҃оро́дицы, є҆̀же че́стнѣ и҆ преда́ша землѣ̀ въ Геѳсима́нїйстѣй ве́си [10]), недале́че ѿ І҆ерꙋсали́ма. А҆п҃лъ Ѳѡма̀ не бы́сть во І҆ерꙋсали́мѣ, є҆гда̀ преста́висѧ пребл҃гослове́ннаѧ Дв҃а Марі́ѧ. Тре́мъ дне́мъ минꙋ́вшымъ [11]), прі́иде и҆ се́й во І҆ерꙋсали́мъ, и҆ ᲂу҆вѣ́дѣвъ ѡ҆ кончи́нѣ и

---

[1]) Ꙗ҆́кѡ носи́мꙋ дыха́нїю бꙋ́рнꙋ—какъ во время сильнаго вѣтра. [2]) Бѧ́хꙋ сѣдѧ́ще—они сидѣли. [3]) На є҆ди́номъ ко́емждо и҆́хъ — на каждомъ изъ нихъ. [4]) Благоговѣ́йнїи—именитые. [5]) Ꙗ҆зы́ки—народъ. [6]) Смѧте́сѧ—взволновался, встревожился. [7]) Въ со́нмѣ—съ множествомъ. [8]) Прі́ѧ—принялъ. [9]) Ѻ҆́дръ—постеля. [10]) Ве́сь—селенія, деревня. [11]) Тре́мъ дне́мъ минꙋ́вшымъ — по прошествіи трехъ дней.

погребе́нїи Приснодѣ́вы, восхотѣ̀ оу҆ви́дѣти гро́бъ и҆ честно́е тѣ́ло Е҆ѧ̀: є҆гда̀ же ѿкры́тъ бы́сть гро́бъ, въ не́мъ не ѡ҆брѣ́тесѧ [1]) тѣлесѐ Е҆ѧ̀. Гдⷭ҇ь, тридне́внѡ воскресы́й и҆з̾ ме́ртвыхъ, воскресѝ въ тре́тїй де́нь ѿ гро́ба и҆

Успенiе Пресвятыя Богородицы.

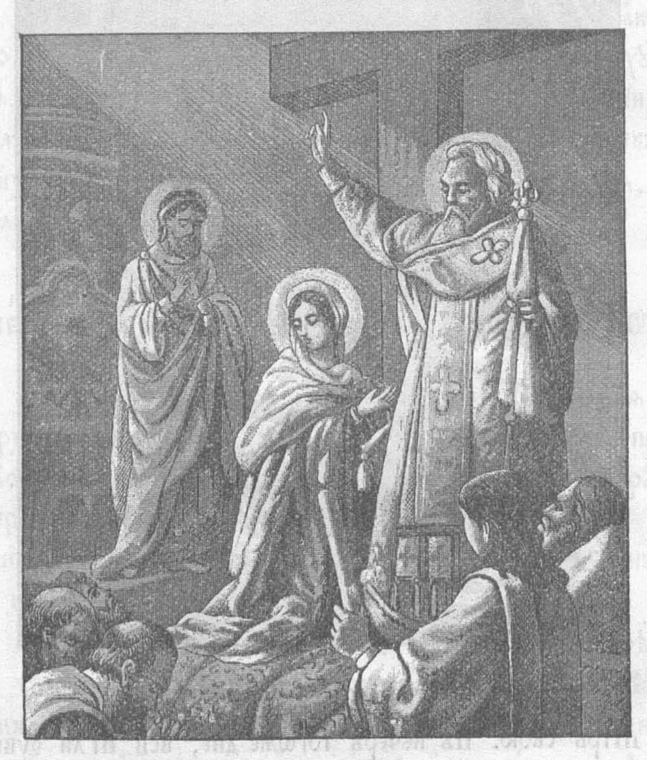
пречи́стѹю Мт҃рь свою̀. Въ ве́черъ тогѡ́же днѐ, всѝ А҆ггли оу҆ви́дѣша пре-стѹ́ю Влⷣчцѹ на́шѹ Бцⷣѹ на во́здѹсѣ, ꙗ҆̀же речѐ и҆̀мъ: Ра́дѹйтесѧ, А҆̀зъ є҆́смь при́снѡ [2]) съ ва́ми.

Воздви́женїе честна́гѡ Креста̀ Гдⷭ҇нѧ (14 Сентября).

Кре́стъ, на не́мже [3]) пло́тїю [4]) пострада̀ і҆ оу҆́мре Гдⷭ҇ь на́шъ І҆и҃съ Хрⷭ҇то́съ, ѻ҆́колѡ трє́хъ вѣкѡ́въ бѣ̀ сокры́тъ ѿ Хрїстїа́нъ. Ѡ҆брѣ́тенъ бы́сть [5]) се́й пречестный Кре́стъ Госпо́день, по и҆зволе́нїю Бо́жїю, св. благовѣ́рною и ра́вноапо́стольною цари́цею Е҆ле́ною, ма́терью Ри́мскагѡ І҆мпера́тора, св

1) не ѡ҆брѣ́тесѧ—не оказалось. 2) При́снѡ—всегда. 3) На не́мже—на которомъ. 4) Пло́тїю—тѣломъ. 5) Ѡ҆брѣ́тенъ бы́сть—найденъ былъ.

равноапо́стольнагѡ Кѡнстанті́на, и҆́же пе́рвый и҆з̀ Імпера́торѡвъ Ри́мскихъ воспрі́ѧ [1]) вѣ́ру Хрїстїа́нскую и҆ соде́ла госпо́дствующею во вселе́нной. Ѡ҆брѣ́те же свѧта́ѧ равноапо́стольнаѧ Е҆ле́на Кре́стъ Госпо́день на горѣ́ Голго́ѳѣ, въ пеще́рѣ, ку́пнѡ со кре́сты̀ двꙋ́хъ разбо́йникъ, распѧ́тыхъ со І҆исо́мъ Хрто́мъ и҆ оу҆вѣ́дѣвъ по чꙋ́деси воскресе́нїѧ мертвеца чрез при-

Воздвиженіе честнго Креста Господня.

косновéнїе сегѡ̀ къ немꙋ̀, ꙗ҆́кѡ Ѻ҆́нъ е҆́сть воистиннꙋ Кре́стъ Хрто́въ, воздви́же, си́рѣчь [2]) подъѧ̀ е҆го̀ и҆з̀ земли̇̀ длѧ поклоне́нїѧ и҆ чествова́нїѧ хрїстїа́нѡмъ. Сегѡ̀ ра́ди [3]) са́мый пра́здникъ, оу҆стано́вленный въ па́мѧть всера́достнагѡ собы́тїѧ сегѡ̀ нарече́сѧ [4]) Воздви́женїемъ че́стнагѡ Креста̀ Госпо́днѧ.

---

[1]) Воспрі́ѧ—принялъ. [2]) Си́рѣчь—то есть. [3]) Сегѡ ра́ди—поэтому. [4]) Нарече́сѧ—названъ былъ.

III. Псалмы.

Ѱалóмъ 50 (покаянный).

Помилꙋй мѧ̀ [1]), Бж҃е, по вели́цѣй ми́лости твое́й, и҆ по мно́жествꙋ щедро́тъ [2]) твои́хъ, ѻ҆чи́сти беззако́нїе моѐ. Наипа́че [3]) ѡ҆мы́й мѧ̀ ѿ беззако́нїѧ моегѡ̀ и҆ ѿ грѣха̀ моегѡ̀ ѻ҆чи́сти мѧ̀. Ꙗ҆́кѡ беззако́нїе моѐ а҆́зъ [4]) зна́ю и҆ грѣ́хъ мо́й предо мно́ю є҆́сть вы́нꙋ [5]). Тебѣ̀ є҆ди́номꙋ согрѣши́хъ, и҆ лꙋка́вое пред̾ тобо́ю сотвори́хъ. Ꙗ҆́кѡ да ѡ҆правди́шисѧ во словесѣ́хъ твои́хъ, и҆ побѣди́ши, внегда̀ сꙋди́ти тѝ [6]). Сѐ бо въ беззако́нїихъ зача́тъ є҆́смь, и҆ во грѣсѣ́хъ роди́ мѧ̀ ма́ти моѧ̀. Сѐ бо и҆́стинꙋ возлюби́лъ є҆сѝ, безвѣ́стнаѧ и҆ та́йнаѧ премꙋ́дрости твоеѧ̀ ꙗ҆ви́лъ мѝ є҆сѝ. Ѿкропи́ши мѧ̀ ѵ҆ссѡ́помъ [7]), и҆ ѡ҆чи́щꙋсѧ: ѻ҆мы́еши мѧ̀, и҆ па́че [8]) снѣ́га ѹ҆бѣлю́сѧ. Слꙋ́хꙋ моемꙋ̀ да́си ра́дость и҆ весе́лїе: возра́дꙋютсѧ ко́сти смире́нныѧ. Ѿвратѝ лицѐ твоѐ ѿ грѣ̑хъ мои́хъ, и҆ всѧ̑ беззако́нїѧ моѧ̑ ѻ҆чи́сти. Се́рдце чи́сто сози́жди во мнѣ̀, Бж҃е, и҆ дꙋ́хъ пра́въ ѡ҆бновѝ во ѹ҆тро́бѣ мое́й [9]). Не ѿве́ржи менѐ ѿ лица̀ твоегѡ̀, и҆ Дх҃а твоегѡ̀ Ст҃а́гѡ не ѿимѝ ѿ менѐ. Возда́ждь мѝ ра́дость спасе́нїѧ твоегѡ̀, и҆ Дх҃омъ влⷣчнимъ ѹ҆тверди́ мѧ̀. Наꙋчꙋ̀ беззакѡ́нныѧ пꙋтє́мъ твои̑мъ, и нечести́вїи къ тебѣ̀ ѡ҆братѧ́тсѧ. И҆зба́ви мѧ̀ ѿ крове́й, Бж҃е, Бж҃е спасе́нїѧ моегѡ̀ возра́дꙋетсѧ ꙗ҆зы́къ мо́й пра́вдѣ твое́й. Гд҇и, ѹ҆стнѣ̀ мои̑ ѿве́рзеши, и ѹ҆ста̀ моѧ̑ возвѣстѧ́тъ хвалꙋ̀ твою̀. Ꙗ҆́кѡ а҆́ще бы восхотѣ́лъ є҆сѝ же́ртвы да́лъ бы́хъ ѹ҆́бѡ: всесожже́нїѧ не бл҃говоли́ши. Же́ртва Бг҃ꙋ дꙋ́хъ сокрꙋше́нъ, се́рдце сокрꙋше́нно и҆ смире́нно Бг҃ъ не ѹ҆ничижи́тъ. Ѹ҆блажѝ [10]) Гд҇и, бл҃говоле́нїемъ твои́мъ Сїѡ́на, и҆ да сози́ждꙋтсѧ стѣ́ны Ї҆ерꙋсали́мскїѧ. Тогда̀ бл҃говоли́ши же́ртвꙋ пра́вды, возноше́нїе и҆ всесожега́емаѧ: тогда̀ возложа́тъ на ѻ҆лта́рь тво́й тельцы̀.

Ѱалóмъ 90.

Живы́й въ по́мощи Вы́шнѧгѡ, въ кро́вѣ Бг҃а нбⷭ҇нагѡ водвори́тсѧ. Рече́тъ Гд҇ви: застꙋ́пникъ мо́й є҆сѝ, и҆ прибѣ́жище моѐ, Бг҃ъ мо́й и҆ ѹ҆пова́ю

---

[1]) *Мѧ̀*—меня. [2]) *Щедро́та*—милость. [3]) Наипа́че—болѣе всего. [4]) А҆́зъ—я. [5]) Вы́нꙋ—всегда. [6]) Ꙗ҆́кѡ да ѡ҆правди́шисѧ.... сꙋди́ти—такъ что ты праведенъ въ приговорѣ твоемъ и чистъ въ судѣ твоемъ. [7]) Ѵ҆ссѡ́пъ—трава, употреблявшаяся у евреевъ для кропленія жертвенною кровію. [8]) Па́че—лучше, болѣе. [9]) Во ѹ҆тро́бѣ мое́и—внутри меня. [10]) Ѹ҆блажѝ—облагодѣтельствуй.

на него. Ӕкѡ то́й избавитъ тѧ̀ ѿ сѣти ло́вчи, и҆ ѿ словесе мѧте́жна. Плещма̀ [1]) своима ѡсѣнитъ тѧ̀, и҆ под крилѣ є҆гѡ̀ надѣешисѧ. Ѻрꙋ́жїемъ ѡ҆быдетъ тѧ̀ и҆стина є҆гѡ̀, не ѹ҆бои́шисѧ ѿ страха нощнагѡ, ѿ стрѣлы̀ летѧщїѧ во дни̑, ѿ вещи во тмѣ преходѧщїѧ, ѿ срѧща [2]) и҆ бѣса полꙋденнагѡ [3]). Падетъ ѿ страны̀ твоеѧ̀ тысѧща, и҆ тма̀ ѡ҆деснꙋ́ю тебѐ, къ тебѣ же не приблѝжитсѧ. Ѻ҆ба́че [4]) очи́ма твои́ма смо́триши, и҆ воздаѧ́нїе грѣшникѡвъ ѹ҆зриши. Ӕкѡ ты̀ Гдⷭ҇и, ѹ҆пова́нїе моѐ: Вышнѧго положи́лъ є҆си̑ прибѣжище твоѐ. Не прїидетъ къ тебѣ ѕло̀, и҆ ра́на не приблѝжитсѧ тѣлеси̑ твоемꙋ. Ӕкѡ а҆ггⷧ҇ѡмъ свои̑мъ заповѣсть ѡ҆ тебѣ, сохранї́ти тѧ̀ во всѣхъ пꙋте́хъ твои́хъ. На рꙋка́хъ во́змꙋтъ тѧ̀, да не когда̀ преткне́ши ѡ҆ ка́мень но́гꙋ твою́. На а҆спида и҆ василі́ска [5]) настꙋпиши, и поперѐши льва и҆ ѕмїѧ. Ӕкѡ на мѧ̀ ѹ҆пова̀, и҆ и҆збавлю и҆̀, покрыю и҆̀, ꙗ҆кѡ позна̀ и҆мѧ моѐ. Воззоветъ ко мнѣ, и҆ ѹ҆слышꙋ є҆гѐ: съ ни́мъ є҆смь въ ско́рби, и҆змꙋ є҆го̀, и҆ просла́влю є҆го̀. Долготою дней и҆сполню є҆го̀, и҆ ꙗ҆влю̀ є҆мꙋ спасе́нїе мое.

---

[1]) Плещма плещи̑—плечи, рамена. [2]) Срѧщъ—нападенiе; зараза. [3]) Полꙋденный—бывающій въ полдень. Бѣсъ полꙋденный—въ рус. пер. зараза, опустошающая въ полдень; съ греч. языка—бѣшенство, бываемое въ полдень отъ палящихъ лучей солнца. [4]) Ѻ҆ба́че—впрочемъ, однако. [5]) А҆спидъ и҆ василі́скъ—ядовитыя змѣи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПИСЬМЕННЫЯ УПРАЖНЕНІЯ.

Упражненія въ усвоеніи самыхъ необходимыхъ грамматическихъ свѣдѣній [1]).

Задача 1. Переписать слѣдующія слова, подчеркнувъ *і* (десятеричное).

Линія. Молнія. Сіяніе. Пріятель. Іоаннъ. Іосифъ. Илія. Тихій. Синій. Мелкій. Лѣтній. Осенній. Зимній. Весенній. Ранній. Поздній.

Правило. *І* (десятеричное) пишется только тогда, когда за этою буквою слѣдуетъ гласная или полугласная (*й*).

Задача 2. Перепишите слѣдующія слова и поставьте, гдѣ черточка, пропущенную букву (т. е. *и* или *і*?)

Къ намъ пр-ѣхали гости. Син-й цвѣтъ пр-ятенъ. Васил-й и Евген-й—родные братья. Долг-й путь утомителенъ. Нищ-й проситъ милостыню. Ксен-я, Мар-я, Соф-я—женск-я имена.

Задача 3. Слѣдующія слова списать, вставивъ выпущенную букву.

Прилежная Мар-я. Лѣтн-й жаръ. Зимн-й путь. Дик-й звѣрь. Радушный пр-емъ. Заглав-е книги. Добрый христіан-нъ. Пророкъ Ил-я. Дан-илъ былъ пророкъ іудейскій.

Задача 4. Слѣдующія слова перепишите и подчеркните слова *міръ* и *миръ*.

Міръ Божій прекрасенъ. Плохой миръ лучше доброй ссоры. Воръ воруетъ, а міръ горюетъ. Хорошо жить въ мирѣ и любви. Господь часто говорилъ апостоламъ: миръ вамъ! Онъ покинулъ міръ.

Правило. Если слово *міръ* означаетъ вселенную, землю или людей, то оно пишется чрезъ букву *і* (десятеричную), а если означаетъ тишину, согласіе, дружбу, то пишется чрезъ *и* (восьмеричное).

Задача 5. Слѣдующія слова списать, вставивъ выпущенныя буквы (*и* или *і*).

М-рская сходка. М-ровой судья. Они поссорились и пом-рились. На м-рской сходкѣ ихъ пом-рили. Богъ сотворилъ м-ръ изъ ничего. Въ м-рѣ все дѣлается по волѣ Божіей. По окончаніи войны было заключено перем-ріе, а потомъ и полный м-ръ. Съ м-ру по ниткѣ— голому рубашка.

---

[1]) *Замѣтка для учителя* Здѣсь помѣщены такія упражненія, которыя по исполненіи ихъ могутъ дать ученику значительный навыкъ писать настолько правильно, насколько этого возможно достигнуть въ теченіе второго учебнаго года. Во всякомъ случаѣ ученикъ, рѣшивши приложенныя здѣсь грамматическія задачки, будетъ въ состояніи избѣгать самыхъ грубыхъ, наичаще встрѣчающихся ошибокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ получить возможность къ болѣе успѣшному исполненію письменныхъ упражненій въ связи съ книгою для чтенія.

Задача 6. Изъ слѣдующихъ словъ выписать слова съ буквою *ѣ*.

Хлѣбъ. Дерево. Бѣднякъ. Рѣка. Серебро. Дѣдъ. Отецъ. Сѣни. Ученикъ. Лѣто. Линейка. Потѣха. Скамейка. Смѣхъ.

Замѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ словахъ пишется буква *ѣ*, а въ другихъ—*е*.

Задача 7. Слѣдующія слова списать, подчеркнувъ части словъ: *же*, *че*, *ше*, *ще*, *ге*, *ке* и *хе*.

Жесть. Желѣзо. Жена. Честь. Ученикъ. Черта. Чемоданъ. Чесать. Шелуха. Шелудивый. Шерсть. Шевелить. Щенокъ. Щепка. Щелокъ. Защемить. Щель. Человѣкъ. Червякъ. Чепецъ. Герасимъ. Геронтій. Геннадій. Керчь (городъ). Кефиръ (напитокъ). Кедръ (дерево). Херувимъ.

Правило. Послѣ шипящихъ звуковъ (ж, ч, ш, щ) и гортанныхъ (г, к, х) въ началѣ и срединѣ слова *ѣ* никогда не пишется.

Задача 8. Слѣдующія слова переписать два раза, придумавъ и приписавъ къ нимъ подходящія слова:

1. *Бѣгъ*, бѣглый, бѣжать, убѣжище...
2. *Бѣда*, бѣдный, бѣдняжка, побѣдить...
3. *Бѣлъ*, бѣлить, выбѣлить, бѣлошвейка...
4. *Вѣять*, вѣтеръ, вѣтряный день...
5. *Вѣдать*, отвѣдать, вѣсть, невѣжда...
6. *Вѣкъ*, вѣчный, вѣковать, увѣчный...
7. *Вѣнокъ*, вѣникъ, вѣнчать, подвѣнечный...
8. *Вѣра*, вѣрный, увѣровать, невѣрный...
9. *Вѣсъ*, вѣсить, вѣшать, вѣшалка...
10. *Свѣтъ*, свѣтить, свѣча, подсвѣчникъ, свѣтлякъ...
11. *Цвѣтъ*, цвѣтникъ, выцвѣсти, цвѣточный...
12. *Свѣжій*, освѣжить...
13. *Звѣръ*, звѣринецъ, звѣроловъ...
14. *Дѣло*, дѣлать, понедѣльникъ, священнодѣйствовать...
15. *Дѣлить*, раздѣлить, дѣлёжка...

Образецъ работы: 1. *бѣгъ*, бѣглый, бѣжать, убѣжище, побѣжать, убѣжать, побѣгъ, разбѣгъ, бѣглецъ, бѣглянка, сбѣжавшій, прибѣжище и т. п. 2. бѣда, бѣдный, бѣдняжка, побѣдить, побѣда, побѣжденный и т. п.

Задача 9. Сдѣлать то же съ слѣдующими словами:

1. *Дѣва*, дѣвочка, дѣвичникъ...
2. *Дѣдъ*, дѣдушка, прадѣдушка...
3. *Дѣти*, дѣтство, бездѣтный...
4. *Зѣвать*, зѣвокъ...
5. *Лѣзть*, вылѣзть, лѣстница...
6. *Лѣкарь*, лѣчить, лѣчебница...
7. *Лѣнь*, лѣнивый, лѣнтяй...
8. *Лѣсъ*, лѣсной, лѣсоводство...
9. *Лѣто*, лѣтній, столѣтній...
10. *Желѣзо*, желѣзный, желѣзистый...
11. *Колѣно*, колѣнопреклоненіе...
12. *Телѣга*, телѣжка...

13. *Слѣдъ*, слѣдовать, послѣдній наслѣдство...
14. *Слѣпой*, ослѣпнуть, подслѣповатый...
15. *Хлѣбъ*, хлѣбецъ, хлѣбосолъ...

Задача 10. Сдѣлать то же съ слѣдующими словами:

1. *Мѣдь*, мѣдникъ, мѣдянка...
2. *Мѣлъ*, мѣлокъ...
3. *Мѣна*, мѣнять, перемѣнить, обмѣнъ...
4. *Мѣра*, примѣръ, землемѣръ, мѣряный (напр. холстъ)...
5. *Мѣсто*, мѣстный, помѣщикъ, помѣстить...
6. *Мѣсяцъ*, мѣсячный, помѣсячно...
7. *Мѣсить*, помѣха, мѣшать, замѣсить...
8. *Мѣтить*, замѣтка, примѣта, смѣтливый, замѣчательный...
9. *Смѣть*, смѣхъ, смѣлый, насмѣшка...
10. *Нѣга*, нѣжный, изнѣженный (напр. вкусъ)...
11. *Нѣмъ*, нѣмой, нѣмота...
12. *Гнѣвъ*, гнѣвный, прогнѣвать...
13. *Снѣгъ*, снѣжинка, подснѣжникъ...
14. *Пѣть*, пѣсня, пѣтухъ, спѣвка...
15. *Рѣдкій*, рѣдкость...

Задача 11. Сдѣлать то же съ слѣдующими словами:

1. *Рѣзать*, разрѣзъ, рѣзкій (напр. рѣзкое слово)...
2. *Рѣка*, рѣчка, рѣчной...
3. *Рѣшать*, рѣшительчо, рѣшимость...
4. *Грѣхъ*, грѣшно, грѣшить...
5. *Крѣпкій*, укрѣпить, скрѣпить...
6. *Сѣдло*, сѣсть, сосѣдъ, сѣдокъ...
7. *Сѣдой*, сѣдѣть, сѣдоватый...
8. *Сѣку*, сѣкира, просѣка...
9. *Сѣрый*, сѣра, сѣрный (напр. запахъ)...
10. *Сѣть*, сѣтка, сѣтчатый...
11. *Сѣмя*, сѣмячко, сѣять, сѣятель...
12. *Сѣно*, сѣнокосъ, сѣновалъ...
13. *Тѣнь*, стѣна, тѣнистый...
14. *Тѣсный*, тѣснить, тѣснота, тѣсно...
15. *Цѣлъ*, цѣловать, цѣликомъ...
16. *Цѣна*, цѣнить, безцѣнный...
17. *Цѣпъ*, цѣпной, отцѣпить...
18. *Ѣхать*, ѣзда, выѣхать, въѣздъ...
19 *Ѣсть*, ѣда, обѣдъ, объѣдать, съѣсть...
20. *Стрѣла*, стрѣлокъ, стрѣлять, выстрѣлъ [1]).

Задача 12. Слѣдующія слова списать, подчеркнувъ тѣ, которыя означаютъ названія людей, городовъ, рѣкъ и государствъ:

У меня четверо сыновей: старшаго зовутъ Владимиромъ, средняго Николаемъ, меньшого Александромъ и самаго младшаго Петромъ. Я бывалъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Динабургѣ,

---

1) *Замѣтка для учителя.* Если ученики на урокахъ рус. грам. ознакомились уже съ понятіемъ корня и производнаго слова, то послѣ этихъ упражненій имъ можно предложить правило: если въ корнѣ слова пишется *ѣ*, то и во всѣхъ производныхъ словахъ удерживается эта буква.

Харьковѣ, Одессѣ и Казани. Въ Россіи очень много большихъ рѣкъ, таковы: Волга, Донъ, Днѣпръ, Западная Двина, Нева, Кама и мн. др. Въ Россіи двѣ столицы: Москва и С.-Петербургъ. Во Франціи столичный городъ Парижъ, а въ Германіи Берлинъ.

Правило. Названія рѣкъ, городовъ, именъ людей и государствъ всегда пишутся съ большой буквы.

Задача 13. Переписать слѣдующія слова, подчеркнувъ букву *ѣ*:

Кошкѣ (кому?) игрушки, а мышкѣ (кому?) слезки. Сестрѣ (кому?) купили большой мячикъ. Лошадкѣ (кому?) нуженъ отдыхъ. Къ нянѣ (къ кому?) пришелъ сынъ. Мы пойдемъ въ гости къ тетѣ (къ кому?). Травѣ (чему?) нуженъ дождикъ. Землѣ (чему?) нужно удобреніе. Онъ пріѣхалъ къ рѣкѣ (къ чему?).

Правило. Въ концѣ словъ, отвѣчающихъ на вопросы: кому или къ кому, чему или къ чему? нужно писать *ѣ*, если слышится здѣсь звукъ *е*.

Задача 14. Списать, вписавъ пропущенную букву, слѣд. слова:

Сашу стали учить азбук-. Старух- дали хлѣба. Братъ купилъ сестр- платокъ. Сестр- Наташ- идетъ восьмой годъ. Мн- и брату сшили по новой парѣ верхняго платья. Дядя привезъ подарки мамаш-, мн- сестр- и нян-. Мы поѣдемъ въ гости къ дяд-, а отъ него заѣдемъ къ тет-.

Задача 15. Слѣдующія слова списать, подчеркнувъ букву *ѣ*:

Я много читалъ о Кіевѣ (о чемъ?) и Москвѣ (о чемъ?). Я много слышалъ объ Императорѣ Петрѣ Великомъ (о комъ?). Изъ дому не пишутъ о братѣ и сестрѣ (о комъ?).

Правило. Въ словахъ, отвѣчающихъ на вопросы о комъ, о чемъ? пишется въ концѣ *ѣ*, если слышится здѣсь звукъ *е*.

Задача 16. Слѣдующія слова перепишите, дописавъ пропущенную букву:

Онъ много плакалъ объ отц-. Узнай о сестр-. Я забылъ объ урок-. Я много думалъ обо игр-. Я читаю о рѣк- Волг-. Учитель намъ разсказывалъ о вод-, туман-, дожд-, снѣг- и град-.

Задача 17. Продолжите слѣдующую письменную работу:

Медвѣдь сильн*ѣе* волка. Лисица хитр*ѣе* волка. Левъ сильн*ѣйшій* звѣрь. Мой дядя достойн*ѣйшій* человѣкъ. Овца глуп*ѣе* козла. Кошка злѣй собаки. Ель слабѣй клена. Рѣка Днѣпръ быстр- Волги. Отецъ добр- дяди. Володя ласков- Коли. Серпъ туп- косы. Вася умн- Коли. Коля прилежн- Васи. Одинъ городъ ближе, а другой дальше. Этотъ столъ бѣлѣе, а тотъ чищ-. Эти сливки гущ-, а тѣ свѣжѣе. То дерево ниже, а это выш-. Сильн-йшій морозъ трещалъ на дворѣ.

Задача 18. Переписать, дописавъ пропущенныя буквы:

Сестра прилежн- брата. Братъ добр- сестры. Митя бѣжитъ быстр-, нежели Володя. Зайчикъ труслив- лисицы. Мой ножъ туп- твоего. Твоя палка красив моей. Утро вечера мудрен..., лисица сыт-волка.

Задача 19. Продолжить слѣдующую письменную работу:

Онъ добр*ѣйшій*, умн..., красив..., богат..., мил.... прилежн..., старательн... и трудолюбив-йшій человѣкъ.

Задача 20. Списать, подчеркнувъ окончаніе *ѣлъ*, или *ѣли*.

Я посмотр*ѣлъ* и увид*ѣлъ*, какъ въ школѣ ученики сид*ѣли*, читали, пѣли, ходили и глядѣли.

Я захотѣлъ купаться. Соловей удивительно пѣлъ. Мы смирно сидѣли во время урока. Снѣгъ хрустѣлъ подъ санями.

Правило. Въ словахъ, означающихъ дѣйствіе и оканчивающихся на *ѣлъ*, *ѣла*, *ѣло* или *ѣли*, пишется всегда *ѣ*.

Задача 21. Переписать, вставивъ пропущенную букву.

Мы смотр-ли на приближающійся поѣздъ. Мы долго сид-ли на скамейкѣ. Двери непріятно скрип-ли въ домѣ. Мать вел-ла собирать обѣдъ. Супъ вскип-лъ. Жаркое немного подгор-ло. Всѣ съ-ли свой обѣдъ и хот-ли уходить. Въ школѣ п-ли стройно. Онъ много вытерп-лъ.

Задача 22. Продолжить слѣдующую письменную работу.

Ты въ продолженіе дня чит*аешь* (что ты дѣлаешь?), ход*ишь*, сп*ишь*, куш*аешь*, умыв*аешься*, гул*яешь*, сид*иш-*, прощ*аеш-* съ отцомъ и матерью, мол*иш-* Богу, станов*иш-* на колѣни, клад*еш-* земные поклоны, прос*иш-* у Бога Его милостей, сожалѣ*еш-* о своихъ грѣхахъ, да*еш-* обѣщаніе исправиться, раздѣва*еш-* и лож*иш-* спать. На другой день рано утромъ вст*аеш-*, умыв*аеш-*, одѣв*аеш-*, обув*аеш-*, причесыв*аеш-*, мол*иш-* Богу, завтрак*аеш-* и собир*аеш-* въ школу. Тамъ внимательно слуш*аеш-* учителя, сид*иш-* смирно, повтор*яеш-* уроки, дѣл*аеш-* задачи; записыв*аеш-* въ тетрадь, запомин*аеш-* слышанное, игр*аеш-* съ товарищами, прощ*аеш-* съ учителемъ и уход*иш-* домой.

Правило. Въ словахъ, которыя означаютъ дѣйствіе и къ которымъ можно приложить слово *ты* или вопросъ: что ты дѣлаешь? послѣ *ш* въ концѣ всегда пишется ъ.

Задача 23. Вставить пропущенную букву.

Ты гуляеш- мало. Ты разсѣянно сидиш- въ классѣ, мало слушаеш-, мало понимаеш-, еще меньше запоминаеш-. Бывало, встанеш рано утромъ, умоеш-ся, помолиш-ся Богу, возьмеш- удочки, пойдеш на рѣку, выбереш- мѣстечко, сядеш-, надѣнеш- на крючокъ червяка, закинеш- удочку и станеш- ловить рыбу; чрезъ часъ наловиш- полное ведерко и принесеш- домой.

Задача 24. Продолжить слѣдующую письменную работу.

Братъ вст*аетъ*, ход*итъ*, одѣв*ается*, умыв*ается*, обув*ается*, мол*ит-* Богу, здоровает- съ родителями, садит- за уроки, прилежно занимает-, по окончаніи уроковъ молит-, переодѣвает-, собирает- на прогулку, отправляет- и чрезъ часъ возвращает- домой.

Правило. Въ словахъ, означающихъ дѣйствіе и отвѣчающихъ на вопросъ: что онъ дѣлаетъ? въ концѣ пишется *етъ*, *итъ*, *ется*, *ится*.

Задача 25. Вставить пропущенныя буквы.

Коля учит- въ школѣ. Въ рѣкахъ водит- много рыбы. Дѣло не клеит- у него. Коля раздѣвает- и ложит- спать. Петя садит- на стулъ и разувает-. Братъ старается, а сестра лѣнится.

Задача 26. Продолжить слѣдующую письменную работу.

Учитель приказалъ (что дѣлать?) смирно сид*ѣть* и внимательно слуш*ать*. Онъ будетъ (что дѣлать?) чит*ать* интересную статью. Митя началъ хорошо (что дѣлать?) уч*иться* и совсѣмъ пересталъ лѣн*иться*. Муравьи и пчелы любятъ (что дѣлать?) много труд*иться*. Отецъ приказалъ дѣтямъ рано встават-, тотчасъ вставши одѣваться, умыват-, молит- Богу и итти въ школу. Коля захотѣлъ искупат- въ рѣкѣ. Онъ началъ просит- у матери. Мать не велѣла ему купат-. Коля и Петя

задумали катат- верхомъ. Отецъ не позволилъ имъ катат-, потому что они могли свалит- съ лошади и убит-.

Правило. Въ словахъ, означающихъ дѣйствіе и отвѣчающихъ на вопросъ: что дѣлать? въ концѣ пишется *ь* (иногда *и*) или *ься*.

Задача 27. Вставить пропущенныя буквы.

Онъ начинаетъ сильно лѣнит- и плохо занимат- уроками. Мы захотѣли катат- на лодкѣ, но намъ не позволили насладит- этимъ удовольствіемъ. Ученики стали лѣнит-, но учитель сказалъ, что онъ не пуститъ ихъ купат- и прогуливат-, если они не постараются приготовит- свои уроки. Мы стали собират-, укладыват-, чтобы ѣхать въ гости къ бабушкѣ. Бабушка позволила намъ въ своемъ саду побѣгат- и порѣзвит-, потомъ въ пруду покупат- и покатат- на лодкѣ.

Задача 28. Переписать правильно пять разъ слѣдующія слова, подчеркнувъ букву *ѣ*:

Тѣ, всѣ, тѣхъ, всѣхъ, тѣмъ, всѣмъ, тѣми, всѣми, о тѣхъ, о всѣхъ, кѣмъ, чѣмъ, тѣмъ, гдѣ, двѣ, одиннадцать, двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, пятьдесятъ, шестнадцать, шестьдесятъ, семнадцать, семьдесятъ, восемнадцать, восемьдесятъ, девяносто, двѣсти. Мнѣ, тебѣ, себѣ.

Задача 29. Списать слѣдующія строки:

1. *Кто* встрѣтился съ тобою?

Добр*ый* человѣкъ, добр*ая* женщина, умн*ое* дитя.

Что нравится тебѣ?

Лѣтн*ій* день. Лѣтн*яя* ночь. Лѣтн*ее* утро.

2. Отъ *кого* ты услышишь умное слово?

Отъ добр*аго* человѣка, отъ добр*ой* женщины, отъ умн*аго* дитяти.

Чего нѣтъ зимой?

Лѣтн*яго* дня. Лѣтн*ей* ночи. Лѣтн*яго* утра.

3. Къ *кому* тебѣ нужно итти?

Къ добр*ому* человѣку. Къ добр*ой* женщинѣ. Къ умн*ому* дитяти.

Чему не нуженъ холодъ?

Лѣтн*ему* дню. Лѣтн*ей* ночи. Лѣтн*ему* утру.

4. *Кого* ты увидалъ?

Добр*аго* человѣка. Добр*ую* женщину. Умн*ое* дитя.

Что любишь ты?

Лѣтн*ій* день. Лѣтн*юю* ночь. Лѣтн*ее* утро.

5. *Кѣмъ* обрадованъ ты?

Добр*ымъ* человѣкомъ. Добр*ою* женщиною. Умн*ымъ* дитятею.

Чѣмъ доволенъ ты?

Лѣтн*имъ* днемъ, лѣтн*ею* ночью, лѣтн*имъ* утромъ.

6. *О комъ* плачешь ты?

О добр*омъ* человѣкѣ, о добр*ой* женщинѣ, объ умн*омъ* дитяти.

О чемъ ты говоришь?

О лѣтн*емъ* днѣ. О лѣтн*ей* ночи. О лѣтн*емъ* утрѣ.

Задача 30. Дописать пропущенныя окончанія.

1. Кто учится?

Бѣдн- мальчикъ, маленьк- дѣвочка, прилежн- дитя.

2. У кого ты былъ?

У мил- батюшки, у ласков- матушки, у бѣдн- дитяти.

3. Кому ты несешь гостинецъ?

Бѣдн- человѣку, убог- старушкѣ, безпріютн- дитяти.

4. Кого ты встрѣтилъ?

Быстр- зайца, хитр- лисицу, хитр- животн-.

5. Кѣмъ ты былъ напуганъ?

Больш- медвѣдемъ, свирѣп- волчицей, страшн- животнымъ.

6. О чемъ вы спорили?

О прочитанн- разсказѣ, о слышанн- сказкѣ, о голуб- небѣ.

Письменныя работы въ связи съ книгою для чтенія.

Задача 1. По прочтеніи басни: «Волкъ и журавль» (стр. 57), выписать въ тетрадь слова волка.

Задача 2. По прочтеніи той же басни дайте письменно полные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. Кому засѣла въ горло кость? 2. Кого волкъ нанялъ вынуть изъ горла кость? 3. Что сдѣлалъ журавль? 4. Досталъ ли онъ кость изъ горла волка? 5. Что потребовалъ журавль у волка за свои труды? 6. Что отвѣчалъ ему волкъ?

Задача 3. По прочтеніи басни: «Пастухъ» (стр. 58), списать въ тетрадь слова народа.

Задача 4. По прочтеніи той же басни дайте письменно полные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. Кто былъ Савва? 2. Гдѣ онъ прежде служилъ? 3. Что случилось въ стадѣ пастуха Саввы? Что сталъ дѣлать Савва? 5. Вѣрилъ ли народъ словамъ Саввы пастуха? 6. Кто между тѣмъ кралъ овецъ? 7. Изъ чего видно, что Савва кралъ овецъ?

Задача 5. По прочтеніи басни: «Лисица и оселъ» (стр. 58), списать слова лисицы.

Задача 6. По прочтеніи той же басни дайте письменно полные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. Съ кѣмъ лисица встрѣтилась? 2. Какъ она назвала осла? 3. Откуда шелъ оселъ? 4. Что сдѣлалъ льву оселъ? 5. Какъ рѣшился ударить льва оселъ? 6. Боялись ли звѣри льва? 7. Почему не боялись? 8. Какіе люди похожи на осла и какіе на льва?

Задача 7. По прочтеніи басни: «Кукушка и орелъ» (стр. 59), спишите слова орла.

Задача 8. По прочтеніи той же басни дайте письменно полные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. Чѣмъ наградилъ орелъ кукушку? 2. Что стала дѣлать кукушка въ новомъ чинѣ? 3. Какъ стали относиться къ ней птицы? 4. Съ какой жалобой обратилась кукушка къ орлу? 5. Что отвѣчалъ ей орелъ?

Задача 9. По прочтеніи басни: «Скворецъ» (стр. 60), выписать слова, въ которыхъ выражена дума скворушки.

Задача 10. По прочтеніи той же басни дайте письменно полные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. Какъ научился смолоду пѣть скворецъ? 2. Нравилось ли его пѣніе? 3. Изъ чего видно, что его пѣніе нравилось прочимъ птицамъ? 4. Доволенъ ли былъ скворушка своимъ пѣніемъ? 5. Отчего онъ не былъ доволенъ? 6. Какъ онъ задумалъ пѣть? 7. Удалось ли ему пѣть соловьинымъ ладомъ? 8. Съ чѣмъ сравнивается въ баснѣ его пѣніе? 9. Понравилось ли оно теперь птицамъ? 10. Хорошо ли дѣлалъ скворушка, желая пѣть соловьемъ? 11. Какой совѣтъ даетъ ему баснописецъ?

Задача 11. По прочтеніи басни: «Два мужика“ (стр. 61) выписать слова свата Степана.

Задача 12. По прочтеніи той же басни дайте письменно полные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. Что случилось съ кумомъ Егоромъ и съ кумомъ Ѳаддеемъ? 2. Отчего случилось съ ними такое несчастіе?

Задача 13. По прочтеніи басни: «Бѣлка“ (стр. 61) дайте письменно полные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. У кого служила бѣлка? 2. Угодна ли была служба бѣлки льву? 3. Что обѣщано было въ награду бѣлкѣ? 4. Скоро ли было исполнено обѣщаніе? 5. Какова была жизнь бѣлки у льва? 6. Что случилось съ бѣлкой, когда она состарѣлась и наскучила льву? 7. Прислали ей возъ орѣховъ? 8. Какіе были орѣхи? 9. Могла ли бѣлка ихъ ѣсть? 10. Почему она не могла ихъ грызть?

Задача 14. По прочтеніи басни: «Скупой и курица» (стр. 62) дайте письменно полные отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1. Какую имѣлъ скупой курицу? 2. Что сдѣлалъ скупой съ курицей? 3. Для чего это онъ сдѣлалъ? 4. Что нашелъ онъ въ курицѣ, когда ее зарѣзалъ?

Задача 15. По прочтеніи басни: «Раздѣлъ» (стр. 62) отвѣтьте письменно на вопросы: 1. О чемъ спорили торгаши? 2. Какъ они названы въ баснѣ? 3. Много ли они наторговали денегъ? 4. Чѣмъ кончился ихъ споръ?

Задача 16. По прочтеніи басни: «Демьянова уха» (стр. 63) отвѣтьте на вопросы: 1. Чѣмъ потчевалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку? 2. Какова была уха? 3. Какъ угощалъ Демьянъ своею ухою? 4. Съ охотою ли Фока съѣлъ послѣднюю тарелку ухи? 5. Что сдѣлалъ Фока послѣ послѣдняго приглашенія Демьяна съѣсть еще тарелочку ухи? 6. Ходилъ ли въ гости къ Демьяну Фока послѣ этого угощенія? 7. Въ какихъ словахъ говорится, что Фока больше не ходилъ къ Демьяну въ гости?

Задача 17. По прочтеніи басни: «Оселъ и соловей» (стр. 65) списать въ тетрадь то мѣсто басни, гдѣ описывается пѣніе соловья.

Задача 18. По прочтеніи той же басни списать слова осла.

Задача 19. По прочтеніи той же басни отвѣтьте письменно на вопросъ: какого человѣка нужно разумѣть подъ осломъ и какого подъ соловьемъ?

Задача 20. По прочтеніи басни: «Ларчикъ» (стр. 66) списать въ тетрадь слова механика, взявшагося открыть ларчикъ?

Задача 21. По прочтеніи той же басни отвѣтьте письменно на вопросъ: какого человѣка нужно разумѣть подъ механикомъ?

Задача 22. По прочтеніи басни: «Воробей и зерно» (стр. 66) поставить письменно къ ней подробные вопросы. Напр. 1. Кто нашелъ зерно? 2. Когда муравей нашелъ зерно? 3. Какое онъ нашелъ зерно? 5. Можно ли съ зерномъ совладать муравью? и т. д.

Задача 23. По прочтеніи басни: «Воробьи и овсянка» (стр. 67) поставить письменно къ ней подробные вопросы [1]).

КОНЕЦЪ.

1) Замѣтка для учителя. По образцу предложенныхъ здѣсь письменныхъ задачъ—изложить содержаніе статьи по вопросамъ, списать какое-либо мѣсто статьи, отвѣтить на какой-либо вопросъ по прочтеніи статьи или поставить къ ней вопросы—учитель самъ можетъ составить неограниченное число задачъ.